

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 7

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 7

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Мартынова Е.С.** Российско-индонезийские отношения через призму АСЕАН:
на пути к стратегическому партнерству **5**
- Зеленев Е.И., Солощева М.А.** (Санкт-Петербург). Китай в Африке: от стран-партнеров
к странам-последователям. Часть 1 **12**
- Салахетдинов Э.Р.** Феномен возрождения койсанского сообщества в Южной Африке:
социально-политические аспекты **22**
- Буяров Д.В.** (Благовещенск). Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных
отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта? **31**
- Филиппов В.Р.** Буркина Фасо: путч 2022 года **40**
- Дейч Т.Л.** Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы **48**
- Фитуни О.Л.** Интернационализация юаня и международные расчеты между Китаем
и странами Африки **57**

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

- Турсунов С.П.** Внешнеэкономические факторы модернизации стран Магриба **64**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Кашин В.П.** Махатма Ганди о евреях и еврейском вопросе **71**

РЕЦЕНЗИИ

- Cocodia J.K.** (Nigeria). Understanding terrorism in contemporary Africa **79**
-

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian
Science Citation Index на платформе Web of Science
и EBSCO Publishing.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Elena S. Martynova.** Russian-Indonesian relations through the ASEAN context:
On the way to strategic partnership **5**
- Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva** (St. Petersburg). China in Africa: From partner countries
to follower countries. Part 1 **12**
- Eldar R. Salakhedinov.** The phenomenon of the Khoisan community's revivalism in South Africa:
Social and political aspects **22**
- Dmitry V. Buyarov** (Blagoveshchensk). Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's international
relations: A part of the New Silk Road or a hotbed of conflict? **31**
- Vasiliy R. Filippov.** Burkina Faso: Putsch 2022 **40**
- Tatiana L. Deych.** China-Africa economic ties: Problems and outlooks **48**
- Olga L. Fituni.** Internationalization of the yuan and cross-border settlements between China and Africa **57**

POST-GRADUATE COLUMN

- Sergey P. Tursunov.** Modernization of Maghreb countries in the context of external economic relations **64**

PAGES OF HISTORY

- Valeriy P. Kashin.** Mahatma Gandhi about Jews and Jewish question **71**

BOOK REVIEW

- Jude K. Cocodia** (Nigeria). Understanding terrorism in contemporary Africa **79**
-

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Российско-индонезийские отношения через призму АСЕАН: на пути к стратегическому партнерству

© Мартынова Е.С.^a, 2022

^a Российский союз промышленников и предпринимателей, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7355-4544; nefriema@list.ru

Резюме. В 2018-2021 гг. Индонезия была страной-координатором по взаимодействию с Россией при АСЕАН. В АСЕАН действует система координаторов по сотрудничеству с каждым из диалоговых партнеров Ассоциации; страны-координаторы исполняют свои обязанности в течение 3 лет. Джакарта анонсировала три приоритетных направления сотрудничества по линии Россия-АСЕАН: борьба с терроризмом, кибербезопасность и управление стихийными бедствиями. По мнению автора, по всем заявленным направлениям взаимодействия за это время достигнут существенный прогресс. Но, несмотря на интенсивный политический диалог и значительное укрепление нормативно-правовой базы двусторонних отношений и кооперации в международных институтах многостороннего сотрудничества, практическая реализация совместных экономических проектов остается на весьма низком уровне.

В статье проанализированы особенности российско-индонезийского сотрудничества на современном этапе, обозначены ключевые препятствия для углубления взаимодействия и перспективы дальнейшего развития двусторонних отношений. Можно говорить о том, что отношения Индонезии и России во многом развиваются хаотично и непоследовательно. Активизация взаимодействия на каком-либо направлении, как правило, обусловлена не четкой стратегией, а спонтанными действиями в ответ на изменения конъюнктуры. Согласно традициям дипломатического протокола, многие мероприятия приурочены к юбилейным датам и памятным годовщинам, что вызывает кратковременный всплеск взаимного интереса, после чего контакты снова сводятся к минимуму до следующей аналогичной вехи. В то же время, в последние годы наблюдается определенное оживление двусторонних отношений.

Ключевые слова: Россия, Индонезия, АСЕАН, российско-индонезийские отношения, деловые объединения, диалоговое партнерство Россия-АСЕАН

Для цитирования: Мартынова Е.С. Российско-индонезийские отношения через призму АСЕАН: на пути к стратегическому партнерству. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 5-11. 2022. DOI: 10.31857/S032150750018456-3

Russian-Indonesian relations through the ASEAN context: On the way to strategic partnership

© Elena S. Martynova ^a, 2022

^a Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7355-4544; nefriema@list.ru

Abstract. In 2018-2021 Indonesia was the coordinating country for interaction with Russia under ASEAN which has a system of coordinators for cooperation with each of the Association's dialogue partners. Coordinating countries fulfill their duties for 3 years. Jakarta announced three priority areas of cooperation between Russia and ASEAN: the fight against terrorism, cyber security and disaster management. According to the author, significant progress has been achieved in all the declared areas of interaction during this time. These years were marked by a number of significant events which allow conclude that cooperation between Indonesia and Russia is reaching a qualitatively new level. At the same time, despite an intensive political dialogue and a significant strengthening of the regulatory framework for bilateral relations and cooperation in international institutions of multilateral cooperation the practical implementation of joint economic projects remains at a very low level.

This article analyzes the features of Russian-Indonesian cooperation at the present time, identifies key obstacles to deepening interaction and prospects for further development of bilateral relations. It can be said that relations between Russia and Indonesia are developing chaotically and inconsequently in many respects. Many events dedicated to commemorative anniversaries lead to a surge of mutual interest, but then contacts are reached to a minimum again until the next similar things. At the same time, a certain revival of bilateral relations has been observed in recent years.

Significant changes in the statistics of trade turnover, investment cooperation and the practical implementation of large projects can be expected only in the medium or long term.

Keywords: Russia, Indonesia, ASEAN, Russian-Indonesian relations, business institutions, ASEAN-Russia Dialogue Partnership

For citation: Elena S. Martynova. Russian-Indonesian relations through the ASEAN contex: On the way to strategic partnership. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. C. 5-11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018456-3

ВВЕДЕНИЕ

Россию и Индонезию традиционно связывают дружественные отношения, отмеченные высоким уровнем взаимопонимания и солидарностью позиций наших стран по ключевым вопросам глобальной и региональной повестки дня. Российско-индонезийские отношения имеют важное значение для экономического развития обеих стран.

Москва и Джакарта активно взаимодействуют на различных площадках международных институтов многостороннего сотрудничества - в ООН и ее структурах, АТЭС, G20. Многократно высказывались и предложения по привлечению Индонезии к работе в формате БРИКС¹. Но ключевую роль в развитии российско-индонезийских отношений играет сотрудничество по линии АСЕАН (Ассоциации стран Юго-Восточной Азии). Как известно, именно Индонезия стояла у истоков создания Ассоциации в 1967 г. и де-факто является неформальным лидером организации.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Российско-индонезийские межгосударственные отношения имеют солидную договорно-правовую базу [1]. В 2003 г. была подписана Декларация об основах дружественных и партнерских отношений между Россией и Индонезией в XXI веке². По итогам российско-индонезийских переговоров на высшем уровне в 2007 г. был принят ряд важных документов: меморандум о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, соглашение о поощрении и защите капиталовложений, меморандум о сотрудничестве в сфере ограничения негативного воздействия на окружающую среду и т.д. В 2010 г. было подписано российско-индонезийское соглашение об укреплении военно-технического сотрудничества двух стран³.

На полях юбилейного саммита Россия-АСЕАН (приуроченного к 20-летию установления диалогового партнерства между Россией и АСЕАН), который проходил в Сочи в 2016 г., Индонезия и Россия заключили ряд соглашений, в частности, межправительственное соглашение о сотрудничестве в области обороны⁴. Вместе с тем, на наш взгляд, подобные соглашения зачастую являются дипломатической формальностью, и не всегда приводят к достижению практических результатов.

Страны АСЕАН традиционно весьма осторожно относятся к подписанию юридически обязывающих документов с внешними партнерами, особенно в области военно-политического сотрудничества. Тем более значимым является заключение целого ряда важных соглашений о сотрудничестве с Россией за последнее время.

19 февраля 2021 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и АСЕАН в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций⁵. Документом предусмотрено развитие систем раннего предупреждения и мониторинга угроз, обмен информацией и передовыми технологиями, а также содействие оказанию помощи в чрезвычайном реагировании.

14 декабря 2021 г. в Джакарте Россия и Индонезия заключили межправительственное соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. Мохаммад Махфуд, министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности Индонезии, перед подписанием соглашения отметил: «Россия - надежный партнер Индонезии. Это стратегическое доверие является основой для построения взаимовыгодного и уважительного сотрудничества»⁶.

Документ выводит взаимодействие Москвы и Джакарты в области безопасности на принципиально новый уровень и предусматривает проведение полномасштабных межведомственных консультаций на регулярной основе. Соглашение закладывает нормативно-правовую базу для прямого диалога компетентных

¹ СМИ: Индонезия имеет хорошие шансы на присоединение к формату БРИКС. ТАСС. 4 сентября 2017. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4529425> (accessed 20.01.2022)

² <http://www.kremlin.ru/supplement/3789> (accessed 02.02.2022)

³ Сотрудничество с Индонезией. Рособоронэкспорт. <https://roe.ru/exp/indoneziya/> (accessed 01.02.2022)

⁴ Russia, Indonesia sign agreement on defense cooperation, other documents. ТАСС. 18 May 2016. <https://tass.com/politics/876575> (accessed 28.01.2022)

⁵ Подписание Меморандума о взаимопонимании между Россией и АСЕАН в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Посольство Российской Федерации в Государстве Бруней-Даруссалам. 2 марта 2021 г. https://brunei.mid.ru/ru/press-centre/news/podpisanie_memoranduma_o_sotrudnichestve_mezhdu_rossiey_i_asean_v_oblasti_chrezvychaynogo_reagirovan/ (accessed 28.11.2021)

⁶ Mahfud Bertemu Dewan Keamanan Rusia Bahas Kerjasama Bilateral. Merdeka. 14 Desember 2021. <https://www.merdeka.com/peristiwa/mahfud-bertemu-dewan-keamanan-rusia-bahas-kerjasama-bilateral.html> (accessed 28.02.2022)

органов двух стран по всему спектру вопросов информационной безопасности, включая реализацию совместных профильных инициатив [2]. В ходе переговоров с секретарем Совета безопасности России Н.Патрушевым президент Индонезии Джоко Видодо выразил надежду на сотрудничество с Россией в период председательства Индонезии в АСЕАН в 2023 г.⁷ Есть основания полагать, что это придаст дополнительный импульс для углубления и российско-индонезийских отношений.

6 июля 2021 г. глава МИД России С.Лавров посетил Джакарту, где провел встречу с президентом Индонезии Джоко Видодо и с главой МИД Ретно Марсуди. По итогам встречи С.Лавров заявил, что главы государств России и Индонезии вскоре могут подписать декларацию о стратегическом партнерстве⁸. О намерении вывести отношения России и Индонезии на уровень стратегического партнерства впервые было объявлено ещё в 2018 г. во время российско-индонезийских переговоров на уровне министров иностранных дел⁹. А соответствующее решение было принято ещё раньше - на саммите Россия-АСЕАН в Сочи в мае 2016 г. [3]. Декларацию о стратегическом партнерстве планировалось подписать на саммите лидеров двух стран в Индонезии в 2020 г., однако визит президента РФ В.Путина пришлось отложить из-за пандемии COVID-19 [4].

Напомню, что Россия имеет статус стратегического партнера АСЕАН с 2018 г. Из всех стран, входящих в Ассоциацию, отношения стратегического партнерства у России на данный момент установлены только с Вьетнамом. В этой связи следует отметить, что в российском политическом дискурсе отсутствуют какие-либо четкие критерии термина «стратегическое партнерство». В официальных источниках нигде не указано, каким требованиям должны соответствовать отношения двух стран для придания этого статуса. Конкретное наполнение понятия «стратегическое партнерство» размыто и может варьироваться в зависимости от различных ситуаций. В отдельных случаях очевидно символическое наполнение провозглашаемого стратегического партнерства, которое служит не характеристикой отношений, а способом демонстрации близости стран [5, с. 116]. Также распространена трактовка, при которой отношения становятся стратегическими, если экономические связи двух стран имеют важное значение для обеих сторон. Кроме того, стратегическое партнерство в межгосударственных отношениях подразумевает стремление к долгосрочному сотрудничеству, поиск точек соприкосновения национальных интересов и согласование позиций по ключевым вопросам международной повестки.

С 1 по 3 декабря 2021 г. у берегов Индонезии в районе Северной Суматры состоялись первые в истории военно-морские учения России и АСЕАН. До этого Россия принимала участие в совместных учениях с АСЕАН только в формате Совещания министров обороны стран-членов АСЕАН - СМОА плюс (*ADMM Plus*)¹⁰ вместе с другими диалоговыми партнерами¹¹. Постоянный представитель РФ при АСЕАН А.Иванов отметил ведущую роль Индонезии в организации маневров [6].

Важно подчеркнуть своевременность проведения такого мероприятия в связи с эскалацией напряженности в регионе, вызванной американо-китайским противостоянием в АТР и созданием военного альянса *AUKUS* (образован Австралией, Великобританией и США 15 сентября 2021 г.). Очевидно, что Индонезия приветствует намерение России играть большую роль в обеспечении безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ответ на усиление соперничества США и Китая [7]. Кроме того, в настоящее время Индонезия проводит активную внешнюю политику, направленную на закрепление регионального лидерства и повышение своего статуса в мировой политике [8]. Все эти факторы могут способствовать укреплению российско-индонезийских отношений в ближайшие годы.

24 февраля 2022 г. Россия начала специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины. В связи с этим США и страны Евросоюза ввели беспрецедентные санкции против России. Но это не повлияло на развитие российско-индонезийских отношений. В 2022 г. Индонезия председательствует в *G20*. По информации *Bloomberg*, США убеждали Индонезию не допускать Путина на саммит *G20* или хотя бы осудить действия России на Украине¹². Однако Индонезия воздержалась от подобных заявле-

⁷ Bertemu Sekretaris Dewan Keamanan Rusia, Jokowi Harapkan Dukungan di Presidensi G20. *Kompas*. 14.12.2021. <https://nasional.kompas.com/read/2021/12/14/06473571/bertemu-sekretaris-dewan-keamanan-rusia-jokowi-harapkan-dukungan-di> (accessed 26.02.2022)

⁸ <https://ria.ru/20210706/deklaratsiya-1740028832.html?in=t> (accessed 11.11.2021)

⁹ Россия и Индонезия нацелены на стратегическое партнерство. *Международная жизнь*. 14 марта 2018 г. <https://interaffairs.ru/news/show/19494?> (accessed 22.02.2022)

¹⁰ СМОА плюс (*ADMM Plus - ASEAN Defence Minister's Meeting Plus*) - механизм взаимодействия оборонных ведомств стран АСЕАН и государств-партнеров по диалогу (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея, Россия, США, Япония), созданный в 2010 г. (*прим. авт.*).

¹¹ Россия примет участие в военно-морских учениях АСЕАН в 2019 году. *ТАСС*. 14 декабря 2018 г. <https://tass.ru/armiya-i-opk/5914959?> (accessed 16.01.2022)

¹² США убеждали Индонезию не допускать Путина на саммит G20, сообщили СМИ. *РИА Новости*. 6 апреля 2022 г. <https://ria.ru/20220406/indoneziya-1782085221.html?> (accessed 06.06.2022)

ний. Наряду с другими главами государств G20 Владимир Путин был приглашен на саммит, который планируется провести на острове Бали в ноябре 2022 г.¹³

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Индонезия занимает 4-е место в мире по численности населения (почти 280 млн) и 14-е - по площади территории, является 16-й экономикой в мире (до пандемии COVID-19 в 2019 г. объём ВВП достигал \$1,12 трлн, а в 2021 г. составил \$1,18 трлн)¹⁴ и самой крупной экономикой среди государств-членов АСЕАН. Объём ВВП Индонезии по ППС, по данным МВФ, в 2021 г. составил \$3566,2 млрд¹⁵. По этому показателю Индонезия занимает 7-е место в мире. Страна обладает значительными запасами природных ресурсов и является крупным экспортером каменного угля, нефти, газа, цветных металлов, каучука, пальмового масла, кофе и специй.

Из 10 стран АСЕАН Индонезия занимает 2-е место по объёму экспорта в Россию (после Вьетнама) и 5-е - по объёму импорта из России (после Сингапура, Таиланда, Малайзии и Вьетнама)¹⁶.

В 2021 г. товарооборот России с Индонезией составил \$3,3 млрд, экспорт России - \$681 млн (+20,86% по сравнению с 2020 г.). В его структуре в 2021 г. (и в 2020 г.) основная доля поставок приходилась на продукцию химической промышленности, минеральные продукты, металлы и изделия из них, продовольственные товары, машины и оборудование.

Импорт России из Индонезии в 2021 г. составил \$2,6 млрд (+46,9% по сравнению с 2020 г.)¹⁷. В его структуре преобладают продовольственные товары и сельскохозяйсырьё (пальмовое масло и его производные, кофе, копра, какао-масло), оборудование и транспортные средства, текстиль и обувь¹⁸.

Инвестиционное сотрудничество, однако, остается на весьма низком уровне. По данным ЦБ РФ (на октябрь 2021 г.), объём российских инвестиций в Индонезию составлял \$9 млн (в октябре 2015 г. - \$4 млн). Для сравнения, объём российских ПИИ в Сингапур за аналогичный период - \$10,7 млрд, во Вьетнам - \$953 млн¹⁹, в Таиланд - \$732 млн, в Малайзию - \$3 млн, в Камбоджу - \$1 млн²⁰.

По оценкам аналитиков Российского экспортного центра (РЭЦ), Индонезия входит в топ-10 стран для России по комплиментарности торговли (соответствие товарной структуры несырьевого импорта страны товарной структуре несырьевого экспорта России)²¹. Эти свидетельства говорят о том, что, на наш взгляд, в перспективе Россия и Индонезия имеют значительный потенциал для наращивания взаимовыгодного сотрудничества.

Российско-индонезийские отношения в настоящее время характеризуются, в первую очередь, интенсивностью политического диалога, в отличие от торгово-экономического сотрудничества, которое развивается весьма медленными темпами [10, с. 73]. Хотя с 2002 г. работает Российско-индонезийская совместная комиссия по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству (МПК), и к началу 2022 г. было проведено 12 заседаний (12-е состоялось в 2018 г.). Более того, в 1998 г. Торгово-промышленная палата (ТПП) РФ учредила Деловой совет Россия-АСЕАН, а в 2009-м - Деловой совет по сотрудничеству с Индонезией для оказания содействия отечественным предпринимателям в развитии многовекторного сотрудничества с индонезийскими партнерами.

17 октября 2019 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Индонезия подписали меморандум о сотрудничестве [11]. В настоящее время ведутся переговоры о заключении соглашения о зоне свободной

¹³ Индонезия сообщила о приглашении Путина на саммит G20. РБК. 21 апреля 2022 г. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6261b1cb9a7947ba81f28a5c> (accessed 06.06.2022)

¹⁴ Экономика. Деловой Совет по сотрудничеству с Индонезией. <https://bcri.ru/indonesia/ekonomika/> (accessed 02.06.2022)

¹⁵ World Economic Outlook database: April 2022. International Monetary Fund. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April> (accessed 23.05.2022)

¹⁶ ASEAN Community in Figures 2016 (ACIF 2016). ASEANstats. <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2017/01/25Content-ACIF.pdf> (accessed 15.08.2020)

¹⁷ <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-indoneziyei-v-2021-g/> (accessed 25.02.2022)

¹⁸ Ministry of Trade of the Republic of Indonesia. 06 June 2021. <https://www.kemendag.go.id/en/search/pertemuan-bilateral-ri-rusia-ec-bahas-peningkatan-kerja-sama-perdagangan-investasi> (accessed 28.02.2022)

¹⁹ Дальнейшая задержка энергетических проектов с российскими инвестициями во Вьетнаме. VietNews.ru. Вьетнам сегодня. *Новости Вьетнама*. 17.03.2022. <https://vietnews.ru/investitsiya/dalnejshaya-zaderzhka-energeticheskikh-proektov-s-rossijskimi-investitsiyami-vo-vietname/> (accessed 19.04.2022)

²⁰ Центральный банк Российской Федерации. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbbr.ru%2Fvfs%2Fstatistics%2Fcredit_statistics%2Fdirect_investment%2F16-dir_inv.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (accessed 02.03.2022)

²¹ Российский экспортный центр. https://www.exportcenter.ru/international_markets/country_rating/ranking_2018.pdf (accessed 21.02.2022)

торговли между ЕАЭС и Индонезией, но детальная проработка этого документа может потребовать ещё нескольких лет.

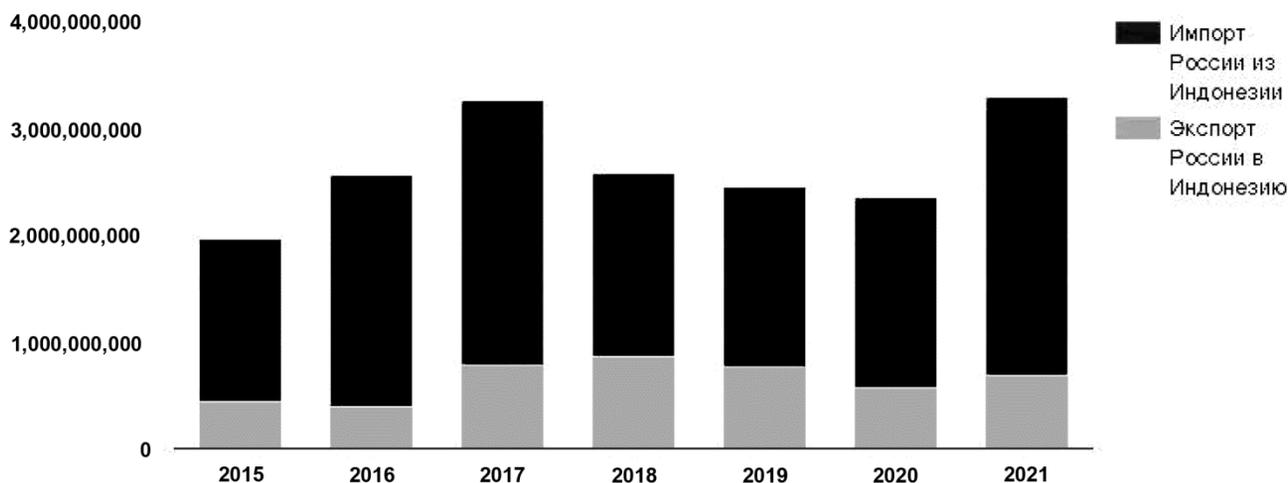

Диаграмма. Экспорт России в Индонезию и импорт России из Индонезии (\$ млн).
Chart. Russian export to Indonesia and Russian import from Indonesia (\$ mln).

Источник: Федеральная таможенная служба России.

Как отмечают многие аналитики, Индонезия продолжает оставаться достаточно закрытым рынком для иностранных компаний. В частности, эксперты Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России и Минэкономразвития России подчеркивают, что отечественные компании зачастую сталкиваются с серьезными трудностями при налаживании бизнеса в Индонезии [12]. Предпринимателям настоятельно рекомендуют обращаться в официальные структуры РФ для получения экспертно-аналитических консультаций и сопровождения сделок. Официальные органы РФ ведут многолетние переговоры с компетентными ведомствами Индонезии для получения необходимых разрешений и согласований для начала практической работы. Так, Россельхознадзор 4 года добивался одобрения для российских экспортеров на поставку ячменя на индонезийский рынок. В результате переговоров с Агентством сельскохозяйственного карантина Министерства сельского хозяйства Индонезии удалось значительно смягчить изначально предъявленные Индонезией фитосанитарные требования к указанной российской продукции [13].

За последние годы можно перечислить лишь несколько значимых мероприятий с весьма скромным охватом потенциально заинтересованной аудитории, направленных на развитие российско-индонезийского делового сотрудничества.

1 августа 2019 г. в Москве состоялся III Российско-индонезийский бизнес-форум. Было подписано несколько меморандумов о взаимопонимании между компаниями и деловыми организациями Индонезии и России²². Первый Российско-индонезийский бизнес-форум был организован в 2017 г. в рамках II Фестиваля Индонезии²³ в Москве (первый был проведен годом ранее).

3-4 августа 2020 г. состоялась онлайн бизнес-миссия в Индонезию российских компаний, специализирующихся на смарт-технологиях для «умных городов». Организаторами выступили Российский экспортный центр, Фонд «Сколково» и торгпредство России в Индонезии²⁴. 11 ноября 2020 г. на платформе «Иннопрома» также в виртуальном режиме был организован российско-индонезийский промышленный форум²⁵. Цифровизация, зеленая экономика и устойчивое развитие становятся наиболее перспективными темами повестки двустороннего сотрудничества.

²² Российско-индонезийский бизнес-форум. Деловой совет Россия-АСЕАН. 04.08.2019. <https://www.russia-asean.com/events/96> (accessed 21.01.2022)

²³ Проходил с 4 по 6 августа 2017 г. по инициативе посольства Индонезия в РФ и Министерства по туризму Индонезия при поддержке Департамента культуры города Москвы (прим. авт.).

²⁴ Более 50 представителей IT и smart city-компаний Индонезии заинтересовались российской IT продукцией. 6.08.2020. https://www.exportcenter.ru/press_center/news/bolee-50-predstaviteley-it-i-smart-city-kompaniy-indonezii-zainteresovalis-rossiyskoy-it-produktsiey/?sphrase_id=186892 (accessed 02.02.2022)

²⁵ Российско-индонезийский промышленный форум. Новые возможности для двустороннего сотрудничества. 11.11.2020. <https://innoprom.com/calendar-events/innoprom-online-11-november-indonesia> (accessed 28.01.2022)

16 марта 2021 г. в онлайн-формате прошел российско-индонезийский бизнес-форум «Цифровая экономика и инвестиционные возможности в туризме», организованный Минэкономразвития России совместно с посольством Индонезии в России²⁶. Форум призван сблизить российский и индонезийский бизнес и улучшить двусторонние отношения в сфере цифровой экономики.

21 декабря 2021 г. при участии торгпредства России в Индонезии в формате видеоконференцсвязи состоялось открытие Регионального представительства ТПП РФ в странах АСЕАН со штаб-квартирой в Джакарте [14]. Возможно, их совместная работа будет способствовать продвижению российского бизнеса в Индонезии и других странах АСЕАН.

В целом, несмотря на определенную позитивную динамику развития российско-индонезийских отношений, следует признать, что практическая реализация совместных проектов зачастую затягивается, а переговоры ведутся долгие годы. Многие российско-индонезийские проекты фактически заморожены, а некоторые и вовсе отменены. Так, переговоры о строительстве Росатомом АЭС на о. Калимантане ведутся с 2020 г.²⁷ и пока не привели к каким-либо результатам. Строительство железной дороги также на о. Калимантан, начатое ещё в 2015 г. при участии РЖД, давно находится в стагнации с формулировкой «в стадии реформатирования»²⁸.

Основными препятствиями для практической реализации совместных российско-индонезийских проектов по-прежнему являются бюрократические препоны, недостаточная осведомленность сторон о перспективных направлениях взаимодействия и конкуренция со стороны ключевых торговых партнеров двух стран. В то же время в последние годы наблюдается определенное оживление двусторонних отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на отсутствие каких-либо политических противоречий и очевидную выгоду от углубления торгово-инвестиционного сотрудничества, российско-индонезийские отношения долгое время развивались хаотично и непоследовательно. В настоящее время изменение баланса сил в мировой политике, стремительно нарастающее противостояние США и Китая и агрессивные действия «западных» стран против России объективно подталкивают Россию и Индонезию к дальнейшему сближению.

В настоящее время наблюдается повышение активности как по линии федеральных органов исполнительной власти, так и со стороны представителей бизнеса в установлении и наращивании прочных деловых контактов между предпринимателями России и Индонезии. Но существенных изменений в статистике товарооборота, инвестиционного сотрудничества и практической реализации крупных проектов можно ожидать лишь в среднесрочной или долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хохлова Н.И. Отношения России и Индонезии на современном этапе. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. № 2 (18), с. 99-105.
Khokhlova N.I. 2018. Relations between Russia and Indonesia at the Present Stage. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. Moscow. Pp. 99-105. (In Russ.)
2. Россия и Индонезия заключили межправительственное соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 2021 <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3151/> (accessed 21.12.2021)
Russia and Indonesia have concluded an inter-government agreement on cooperation in the field of information security. 2021 (In Russ.). <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3151/> (accessed 21.12.2021)
3. Россия и Индонезия нацелены на стратегическое партнерство. 2018. <https://interaffairs.ru/news/show/19494> (accessed 12.01.2022)
Russia and Indonesia aim for strategic partnership. 2018 (In Russ.). <https://interaffairs.ru/news/show/19494> (accessed 12.01.2022)
4. Россия поддержала идею создания зоны свободной торговли ЕАЭС и Индонезии. 2021. <https://tass.ru/ekonomika/11830103> (accessed 14.01.2022)
Russia supported the idea of creating a free trade zone between the EAEU and Indonesia. 2021 (In Russ.). <https://tass.ru/ekonomika/11830103> (accessed 14.01.2022)
5. Желова Ю.Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014, 7(3), с. 115-122.

²⁶ Владимир Ильичев: Россия готова делиться технологиями информационной безопасности с другими странами. Минэкономразвития РФ. 16 марта 2021. https://www.economy.gov.ru/material/news/vladimir_lichev_rossiya_gotova_delitsya_tehnologiyami_informacionnoy_bezопасnosti_s_drugimi_stranami.html (accessed 20.01.2022)

²⁷ Индонезия предложила «Росатому» площадку для АЭС. *РИА Новости*. 18.02.2020. <https://ria.ru/20200218/1564914407.html> (accessed 20.02.2022)

²⁸ Делегация Индонезии обсудит с Росатомом строительство АЭС на Калимантане. *ТАСС*. 20.09.2021. <https://tass.ru/ekonomika/12455557> (accessed 12.01.2022)

- Zheglova Y.G. 2014. Strategic partnership as a form of bilateral relations. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Moscow. Pp. 115-122 (In Russ.).
6. В Индонезии завершились первые военно-морские учения Россия-АСЕАН. 2021. <https://tass.ru/politika/13107219> (accessed 21.12.2021)
First Russia-ASEAN naval exercise completed in Indonesia. 2021 (In Russ.). <https://tass.ru/politika/13107219> (accessed 21.12.2021)
  7. Manurung H. 2021. Indonesia-Russia Strategic Partnership in Southeast Asia Region. *Jurnal Ilmiah Hubungan Internasional* Vol. 17. No. 1 (2021). Parahyangan Center for International Studies (PACIS). DOI: <https://doi.org/10.26593/jihi.v17i1.3488.77-96>
  8. Kanaev E., Simbolon L., Shaternikov P. Russia-Indonesia Relationship: Assessing Shortcomings and Framing a Response. *South-east Asia: Actual Problems of Development*. 2019. Vol. 4. No. 45. Pp. 95-106.
  9. Россия и Индонезия: новая глава в отношениях. 2020. <https://corp.wtmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/rossiya-i-indoneziya-novaya-glava-v-otnosheniyakh/> (accessed 18.01.2022)
Russia and Indonesia: a new chapter in relations. 2020 (In Russ.). <https://corp.wtmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/rossiya-i-indoneziya-novaya-glava-v-otnosheniyakh/> (accessed 18.01.2022)
  10. Ефимова Л.М. Российско-индонезийские отношения в XXI веке. *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. 4(37). С. 73-81. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-73-81>
Efimova L.M. 2014. Russian-Indonesian Relations in the 21 Century. *MGIMO Review of International Relations*. Moscow. 4 (37). Pp. 73-81 (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-73-81>
  11. ЕЭК и правительство Индонезии заключили меморандум о сотрудничестве. 2019. <https://eec.eaunion.org/news/18-10-2019-2/> (accessed 20.10.2021)
EEC and Indonesia signed a memorandum of cooperation. 2019 (In Russ.). <https://eec.eaunion.org/news/18-10-2019-2/> (accessed 20.10.2021)
  12. Экспресс-обзор внешней торговли. Индонезия. 2020. https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2020/12/%D0%93%D0%B8%D0%B4_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%8F_1.12.2020.pdf (accessed 28.01.2022)
Express review of foreign trade. Indonesia. 2020 (In Russ.). https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2020/12/%D0%93%D0%B8%D0%B4_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%8F_1.12.2020.pdf (accessed 28.01.2022)
  13. Дайджест российских СМИ. 20-26 января 2022 г. Агроэкспорт. 2022. https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/01/Digest_rus_20-26_01_2022.pdf (accessed 30.01.2022)
Digest of Russian mass media. January 20-26, 2022. Agroexport. 2022 (In Russ.). https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/01/Digest_rus_20-26_01_2022.pdf (accessed 30.01.2022)
  14. Открытие регионального представительства ТПП России в Джакарте. 2021. https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!otkrytie_regionalnogo_predstavitelstva_tpp_rossii_v_dzhakarte (accessed 22.01.2022)
Opening of the Regional Representative Office of the Chamber of Commerce and Industry of Russia in Jakarta. 2021 (In Russ.). https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!otkrytie_regionalnogo_predstavitelstva_tpp_rossii_v_dzhakarte (accessed 22.01.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мартынова Елена Святославовна, эксперт, Управление международного многостороннего сотрудничества и интеграции РСПП, Москва, Россия.

Elena S. Martynova, Expert, Department of International Multilateral Cooperation and Integration, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.06.2022

Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1

© Зеленов Е.И.^{a,b}, Солощева М.А.^{a,c}, 2022

^a НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Резюме. Статья представляет собой исследование китайско-африканских отношений с точки зрения теории зависимого и неравноправного развития. Цель - изучение механизма формирования группы африканских *стран-последователей* Китая, позитивно воспринимающих китайский опыт государственного управления. Авторы ставят задачи исследовать вопрос, как Китай осуществляет отбор *стран-партнеров* в Африке, как *страны-партнеры* становятся *странами-последователями* КНР и по каким критериям выстраивается рейтинг африканских стран по их важности для Пекина.

В статье рассматриваются особенности формирования в Африке блока государств, следующих в фарватере политики стран условного Запада, прежде всего, США, Великобритании, Франции, а также Италии, Испании и др. Подчеркивается, что США играют ведущую военно-политическую роль на Африканском континенте, имея в этом регионе до 500 объектов военного и смешанного назначения.

В работе проанализированы такие понятия, как *страна-партнёр* и *страна-последователь*. Выявлены две модели реализации данных форм зависимого развития применительно к странам Африки: европейско-североамериканская модель и ее китайская версия. Авторами выявлены критерии, на основе которых КНР осуществляет отбор *стран-последователей*. Сделан вывод о постепенном возрастании военного фактора в выстраивании приоритетов китайского внешнеполитического курса в Африке и переходе от стратегии мягкой силы к дискурсивной власти.

Ключевые слова: Китай, Африка, внешняя политика КНР, зависимое развитие, рейтинг африканских стран, китайско-африканские отношения страны-партнеры, страны-последователи

Для цитирования: Зеленов Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 12-21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2

China in Africa: from *partner countries* to *follower countries*. Part 1

© Evgeny I. Zelenev^{a,b}, Maria A. Soloshcheva^{a,c}, 2022

^a HSE University, Saint-Petersburg, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Abstract. The authors study Sino-African relations from the point of view of the theory of dependent and unequal development. The aim of the article is to analyze the mechanism of formation of a group of African *follower countries* of China, that positively perceive the Chinese experience of public administration. The authors set out to investigate the question of how China selects *partner countries* in Africa, how *partner countries* become *follower countries* of the People's Republic of China and by what criteria the rating of African countries according to their importance for the Heavenly Empire is built.

The article examines the peculiarities of the formation in Africa of a bloc of states following the policy of the countries of the conditional West, primarily of the United States, Great Britain, France, as well as Italy, Spain, etc. It is emphasized that the United States plays a leading military and political role on the African continent, having up to 500 military and mixed-use facilities in this region.

The authors analyze such concepts as a *partner country* and a *follower country*. Two models of the implementation of these forms of dependent development with regard to African countries have been identified: the European-North American model and its Chinese version. The authors have identified the criteria on the basis of which the PRC selects the follower-countries. The conclusion is made about the gradual increase of the military factor in the priorities of the Chinese foreign policy course in Africa and the transition from a soft power strategy to discursive power.

Keywords: China's foreign policy, dependent development, rating of African countries, Sino-African relations, neocolonialism, partner countries, follower countries

For citation: Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva. China in Africa: from *partner countries* to *follower countries*. Part 1. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 12-21. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020973-2

ВВЕДЕНИЕ

Политика КНР в Африке имеет «панафриканский» масштаб: она охватывает весь континент и прилегающие островные территории, суверенные страны и не пользующиеся полным суверенитетом зависи-

мые территории, всего - 62 субъекта. Все они фигурируют в китайской торговой или финансовой статистике¹.

Китай не участвовал в колониальном разделе Черного континента, более того - в XIX - первой половине XX вв. был объектом колониальной экспансии, в какой-то степени разделив судьбу большинства африканских стран. Это обстоятельство нашло отражение в современном китайском идеологическом проекте, призывающем выстраивать «Китайско-африканское сообщество с единой судьбой» (кит. 中非命运共同体), в соответствии с официальной идеей о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания» (共同繁荣的和谐世界).

Базовыми принципами этой идеологии, выдвинутой в 2005 г. председателем КНР Ху Цзиньтао, являются «шесть совместных усилий»: совместное бремя ответственности, совместное построение безопасности, взаимная выгода сотрудничества, совместное создание гармонии, совместное стремление к процветанию культуры и совместное наслаждение благополучием².

Китай выстраивает в Африке сетевую модель управления с опорой на *страны-партнёры* и *страны-последователи*, убеждая при этом африканскую и мировую общественность, что он не планирует колонизировать Африку, а устанавливает с африканскими государствами взаимовыгодные партнерские отношения по принципу *win-win* (合作共赢)³.

Концепция «гармоничного мира совместного процветания» обеспечивает китайское идеологическое обоснование правомерности создания группы африканских *стран-последователей* Китая, признающих его *страной-лидером* и разделяющих китайские принципы межгосударственных отношений и шире - глобального политического мироустройства.

Понятия *страна-лидер* и *страна-последователь* используются в статье в контексте теории зависимого развития, которая является отправной методологической точкой исследования. Эта теория имеет весьма продолжительную жизнь: истоки ее восходят к идеям немецкого экономиста Фридриха Листа [2] и развиты последователями его концепции в разных теоретических школах (бразильским политиком Фернандо Кардозо и чилийским социологом Энцо Фалетто [3], египетским политологом и экономистом Самиром Амином [4], аргентинским экономистом Раулем Пребишем [5] и др.).

Мир-системный подход американского философа и политолога Иммануила Валлерстайна также включил в себя элементы этой концепции, разделив мир на два неравных блока - ядро глобального капиталистического мира и его периферию. Современная интерпретация этой концепции встречается в работах норвежского экономиста Э.С.Райнерта [6], английского экономиста Т.Харфорда [7], американских экономистов Д.Аджемоглу и Дж.Робинсона [8].

Проблематика, увязанная с концепцией «страна-лидер, страна-последователь», присутствует в большинстве современных исследований, посвященных теории и практике постколониального развития и неокOLONIALИЗМА. Несмотря на кажущуюся архаичность, современные имплементации уже даже не концепции, а теории зависимости, в исследовательскую практику (см. работы Арно Тауша, Теотониу Душ Сантуша, Ю.А.Семенова, Джованни Арриги, Габриэля Пальмы, Матиаса Верненго и мн. др.) свидетельствуют не только о ее актуальности, но и, в известном смысле, перспективности. Речь идет о том смысле, который вкладывается в эти понятия современной китайской элитой, воспитанной на идеях и теориях как раз восходящих к 1950-1970-м гг., когда теория постколониальной зависимости, собственно, возникла и получила первичное развитие.

Китайские критерии отбора стран-последователей и методы взаимоотношения с ними строятся на системе факторов, объединенных общим понятием «китайских государственных интересов». В статье эти факторы будут именоваться *измерениями влияния*, а сформированные на их основе рейтинги африканских стран - *матрицами влияния*, наложение которых друг на друга позволит моделировать обобщающие рейтинги (*генеральные матрицы влияния*), делая их динамичными с помощью введения повышающих или понижающих коэффициентов применительно к отдельным измерениям влияния.

Структура статьи обусловлена задачами, которые авторы ставят перед собой:

1. Исследовать исторически более длительный, чем китайский, опыт «условного Запада» по колониальному, постколониальному и неокOLONIALИЗМУ «освоению» Африки, рассмотреть геополитические интересы главного политического актора в этой части мира - США и их союзников по блоку НАТО в Африке, с которыми КНР вступила в конкурентную борьбу за влияние на Черный континент.

2. Проанализировать китайское проникновение в Африку в XXI в., применив систему измерений влияния и сформированных с их помощью матриц влияния; определить, как выглядят сегодня китайские при-

¹ См.: Statistical Yearbook of China 2021. (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (accessed 24.04.2022)

² <http://en.people.cn/90001/90780/91342/6824821.html> (accessed 19.01.2021); [1].

³ https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1593686.shtml (accessed 10.10.2021)

оритеты в Африке и как формируется рейтинг стран-последователей КНР в Африке по их реальному и потенциальному значению для Поднебесной.

МОДЕЛЬ «СТРАНА-ЛИДЕР» И «СТРАНА-ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ»: ЗАПАДНАЯ ВЕРСИЯ

В XIX - начале XX вв. колониальные гиганты того времени (Великобритания, Франция, Испания, Италия, Португалия, Бельгия и, наконец, до 1919 г. Германия и Османская империя) вели острую, порой вооруженную, борьбу за империалистический раздел Африки, получивший название «*Scramble for Africa*» (Драка за Африку).

После Первой мировой войны произошел передел африканских колоний, а после II мировой войны - практически полная деколонизация Африки⁴. Многие из суверенных африканских государств, не сумев самостоятельно преодолеть отсталость, сохранили политические связи с метрополиями, выбрали зависимый путь развития и позднее стали их *странами-последователями*, но уже на новой неоколониальной основе. Часть африканских стран, вставших под влиянием СССР на путь т.н. «некапиталистического развития», к 1990-м гг. оказалась в маргинальном сегменте глобального экономического развития. В начале XXI в. страны этой группы, следуя примеру большинства африканских государств, начали активно примерять на себя роль *страны-последователя*.

Сегодня практически все государства Африки в попытках решить комплекс проблем, именуемых кратко социально-экономической отсталостью, взяли на вооружение доктрину зависимого развития, и, действуя в соответствии с постулатом Фридриха Листа [9], уже нашли себе *страну-лидера*, чаще не одну, а несколько стран-лидеров одновременно - современный тренд, своеобразная диверсификация геополитических и геоэкономических интересов, что стало возможно после краха биполярного мира в конце XX в. *Страна-лидер*, со своей стороны, старается замаскировать существующее ущемление суверенитета и очевидное неравноправие взаимоотношений со *страной-последователем*.

Наиболее впечатляющий список африканских *стран-последователей* имеют старые колониальные державы - Великобритания, Франция и, безусловно, неоколониальные США. Некоторое влияние сохраняют в Африке бывшие страны-колонизаторы - Италия, Испания, Португалия и Бельгия⁵.

Великобритания опирается в африканской политике на механизмы Содружества, в частности, на Деловой совет Содружества и Фонд Содружества, объединяющие 17 государств Африки к югу от Сахары [11]. Франция опирается в Африке на страны франкофонной зоны⁶, используя в качестве инструмента франк КФА⁷, который объединяет 14 стран Западной и Центральной Африки, часть которых доверила хранение своего золотого запаса Национальному банку Франции [11]. Африканскими *странами-последователями* также стремятся обзавестись Бразилия, Индия, Катар, КНДР, КСА, ОАЭ, Республика Корея, Турция и Япония.

Безусловно, главенствующие позиции в Африке занимают сегодня США - ведущая страна по накопленным прямым инвестициям в африканскую экономику (\$47 млрд на начало 2020 г.) и главный оппонент Китая в Африке (\$43,39 млрд на начало 2020 г.)⁸. Континент буквально опутан сетью американских объектов и логистических пунктов военного или двойного предназначения, число которых на континенте приближается к 500 [12]. На сегодняшний день у США в Африке объектов прямого военного назначения - более 60 и свыше 6 тыс. военнослужащих. Все они находятся в подчинении Африканского командования вооруженных сил США (AFRICOM, АФРИКОМ)⁹.

В 2019 г. председатель Комитета сената США по вооруженным делам Дж. Инхоф приравнял соперничество США и КНР в Африке к «подготовке к Третьей мировой войне», а командующий AFRICOM генерал С.Тансенд заявил, что поскольку цели КНР и России по укреплению своих позиций в Африке аналогичны це-

⁴ Незначительные анклав и зависимые территории на Африканском континенте сохранили Испания, Великобритания, Франция и Португалия (*прим. авт.*).

⁵ Во внешней политике России также наметились 5-6 приоритетных африканских стран из числа тех, с которыми существует достаточно высокий уровень отношений. Подробнее см: [10].

⁶ Страны-последователи Франции: афро-арабские - Алжир, Тунис, Мавритания, до некоторой степени Марокко, а также страны Южнее Сахары - Габон, Буркина Фасо, Чад, Мали, Нигер, Сенегал, Кот-д'Ивуар, ЦАР, Джибути, Коморы и некоторые другие (*прим. авт.*).

⁷ Центральноеафриканский и западноафриканский франки КФА (КФА ВЕАС и КФА ВСЕАО) - денежные единицы 14 африканских стран. Камерун, Республики Конго, Габон, Экваториальная Гвинея, ЦАР и Чад - зона КФА ВЕАС; Бенин, Буркина Фасо, Кот-д'Ивуар, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал и Того - зона КФА ВСЕАО (*прим. авт.*).

⁸ Statistical Yearbook of China 2021; Direct investment position of the United States in Africa from 2000 to 2019. Statista Research Department. 9.12.2020. www.statista.com/statistics/188594/united-states-direct-investments-in-africa-since-2000/ (accessed 27.12.2021)

⁹ US Africa Command создано в 2006 г., штаб-квартира в Штутгарте. Имеет сеть из более 60 аванпостов в 34 государствах Африки, количество американских дипмиссий в регионе - 50. См.: [13].

лям США, то Китай следует рассматривать как «врага номер один», а РФ - как «врага номер два» на Африканском континенте¹⁰.

Если для России, чей товарооборот с Африкой более чем в 10 раз меньше китайского, американское заявление звучит, скорее, как комплимент, чем как угроза, то для КНР с её глубокой вовлеченностью в африканские дела - это грозное предупреждение, не реагировать на которое Пекин просто не может. В связи с этим в Китае внимательно изучают американский подход к африканским проблемам, в частности, взаимоотношения США со своими *странами-последователями*.

США применяют к Африке «четырёхячеечную» структуру приоритетного деления африканских государств:

- первая, самая приоритетная ячейка, - пояс стран Северной и Восточной Африки, включающий регион Большого Африканского рога (в целом, этот пояс совпадает с очертаниями китайского «Морского Шелкового пути XXI века»):

- вторая ячейка - уже не зоны и регионы, а отдельные страны - «региональные и субрегиональные сверхдержавы»: региональные (общеафриканские) сверхдержавы - Нигерия и ЮАР, субрегиональные сверхдержавы - Алжир, ДРК, Сенегал, Эфиопия, Египет;

- третья ячейка - страны с исключительными природными ресурсами - нефтедобывающие страны Гвинейского залива, Ботсвана, Намибия и некоторые другие;

- четвертая ячейка - остальные страны Африки, по умолчанию «неприоритетные». Если страна оказывается в двух или трех первых ячейках одновременно, то ее роль в глазах США заметно возрастает. Об этом свидетельствует, например, повышение в 2019 г. внимания США к Алжиру и Эфиопии [12].

При президенте Д.Трампе произошла некоторая деприоритизация Черного континента во внешней политике США - при администрации Дж.Байдена структура американских приоритетов в Африке, в целом, была восстановлена в том же виде, как и в период президентства Барака Обамы. Это подтверждает обращение Дж.Байдена к африканским лидерам 5 февраля 2021 г., приуроченное к 34-му саммиту Африканского Союза (подробнее см.: [19]).

На сегодняшний день у США в Африке 7 приоритетных стран: две региональные супердержавы - **Нигерия** и **ЮАР** и пять субрегиональных - **Алжир, ДР Конго, Сенегал, Эфиопия, Египет**.

МОДЕЛЬ «СТРАНА-ЛИДЕР» И «СТРАНА-ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ»: КИТАЙСКАЯ ВЕРСИЯ

Китайская модель создания союзов «лидер-последователь» отличается от моделей США и их европейских союзников, поскольку Китай, по крайней мере, на словах, ищет не покорности, а партнерства на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Подчеркнем, что выстраивая двусторонние отношения, Китай стремится гуманизировать свою внешнеполитическую идеологию, продемонстрировать ее органичность условиям различных регионов мира, включая Африку. Успешность этих намерений подтверждают многие африканские официальные лица, например, экс-министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане связал китайскую инициативу «Один пояс - один путь» с принятой Африканским Союзом в 2015 г. «Повесткой дня - 2063» («*Agenda 2063*»).

В соответствии с его заявлением, китайская инициатива существенно перекликается с Программой инфраструктурного развития Африки (*Program for Infrastructure Development in Africa*), а китайская политическая философия имеет много общего с *убунту* - одним из основополагающих принципов современной ЮАР, «человечности по отношению к другим» или «веры во вселенские узы общности, связывающие все человечество» [14].

Рассмотрение гуманитарного аспекта китайской внешнеполитической идеологии выходит за рамки данной статьи, однако, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что именно этот аспект делает китайскую внешнеполитическую доктрину узнаваемой и самобытной.

После 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин дополнил вышеназванные «шесть совместных усилий» Ху Цзиньтао 3 новыми официальными принципами китайской внешней политики в Африке:

1. Партнерство в стратегии беспроигрышного развития по принципу *win-win* в рамках геополитической бинарности Юг-Юг и сопряжения проекта «Пояса и пути» со стратегией Африканского Союза «Повестка дня до 2063 г.» [14].

2. Предельная открытость и сотрудничество, исходя из приоритетности интересов африканских стран, на основе не только двусторонних, но также и трехсторонних и многосторонних союзов государств, если этого пожелают африканские партнеры.

¹⁰ <https://news.usni.org/2019/04/02/africom-nominee-russia-china-making-major-strategic-inroads-africa> (accessed 24.03.2022)

3. Принцип «мультилатерализма» - равных прав и привилегий, направленный против мер государственного протекционизма, односторонних санкций, запугивания и «менталитета столкновения цивилизаций»¹¹.

Развитие китайско-африканских отношений курируют минимум три китайских министерства: МИД, Министерство коммерции (МК) и Министерство культуры и туризма (МКТ).

Посольства КНР охватывают своей деятельностью 53 африканских государств¹², в каждом действуют канцелярии по торгово-экономическим вопросам во главе с советниками, находящимися в непосредственном подчинении Министерства коммерции (МК). Претворение в жизнь выработанных руководством КНР решений по китайско-африканским отношениям находятся под патронажем двух департаментов МИД (Департамента стран Западной Азии и Северной Африки и созданного в 2017 г. Департамента стран Африки) и четырех департаментов МК, прежде всего, Департамента стран Западной Азии и Африки. С начала 2000-х действенным инструментом двусторонних отношений являются регулярные заседания Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными странами.

В особых формах, продиктованных спецификой данных ведомств, в африканской политике КНР участвуют Министерство национальной обороны и Министерство государственной безопасности, а также ряд специальных служб, многие из которых засекречены либо включены в структуры государственных органов управления под условными наименованиями, например, Ханьбань, Комитет ВСНП по делам хуачао и др.

Сегодня КНР в Африке преследует две главные цели: во-первых, удовлетворить насущные экономические потребности и, во-вторых, сформировать блок *стран-последователей* из числа наиболее, с китайской точки зрения, полезных для Пекина африканских государств.

Авторы статьи предлагают преобразовать вышеназванные цели КНР в Африке и отражающие их китайские национальные интересы в этой части мира в 5 групп факторов, именуемых «измерениями влияния». В процессе исследования по 5 измерениям влияния нами были составлены 5 сводных статистических таблиц, именуемых в статье «матрицами влияния», каждая из которых включает в себя информацию по всем 54 суверенным государствам Африки.

После формирования пяти матриц влияния авторы приступают к синтезу полученной информации, т.е. сводят исходные данные в генеральную матрицу влияния, которая позволяет выстроить рейтинг африканских государств по степени их важности для КНР.

Каждая из 5 матриц влияния формируется с помощью ряда факторов, например, геополитическая матрица влияния включает в себя сведения по нескольким параметрам, таким как географический (местоположение, площадь территории и наличие выхода к океану), демографический (численность, плотность населения), транспортно-логистический и диаспоральный факторы.

Первое место, которое занимает геополитическая матрица влияния, отражает важную тенденцию, наметившуюся в развитии КНР после 2013 г., когда с приходом к власти Си Цзиньпина геополитическое измерение во внешней политике КНР стало приоритетным.

Другие измерения, следующие за геополитическим, расположены в порядке, который соответствует основным этапам исторического развития китайского проникновения в Африку в период между 2000 и 2022 гг. [15]:

- торгово-экономическое и связанные с ним ресурсные измерения, которые имели приоритет во внешней политике КНР в Африке в период с 2000 по 2006 гг.;
- финансово-инвестиционное, получившее приоритетное развитие после 2006 г.;
- военное, значение которого стало расти с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г., и особенно усилившееся после 2017 г. - открытия первой зарубежной военной базы КНР в Джибути;
- культурно-идеологическое измерение.

В тексте статьи приведены таблицы по африканским странам, занимающим по каждому из измерений первые 10 позиций. Полные сведения по всем 54 африканским странам, объединенные в 5 матриц влияния и Генеральную матрицу влияния, доступны читателям по нижеприведенной ссылке¹³.

Генеральная матрица влияния, полученная в результате нашего исследования, не будет отражать субъективного китайского отношения к африканским странам, т.к. не учитывает личностного фактора, а именно - субъективного отношения руководства КНР к отдельным африканским лидерам, равно как и отношения отдельных африканских лидеров с нынешним руководством Китая.

¹¹ http://english.scio.gov.cn/topnews/2019-07/01/content_74938721.htm (accessed 24.11.2021)

¹² Диппредставительства КНР нет только в Эсватини и Западной Сахаре (*прим. авт.*).

¹³ См.: Зеленеv Е.И., Солощевa М.А. Генеральная матрица влияния. <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1687TFL48LQRSBPQ10IEMTyNQ6EsLHdO3MkDITfkf-Y/edit> (accessed 24.04.2022)

Авторы статьи подчеркивают объективистский характер полученных результатов, которые не только фиксируют положение, сложившееся де-факто в данный момент, но и позволяют делать научно обоснованные предположения о будущем китайско-африканских отношений.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

Как отмечалось выше, после 2013 г. геополитические приоритеты КНР в Африке существенно выросли. На сегодняшний день геополитический фактор в китайской внешней политике в Африке сохраняет в целом прагматическую зависимость от китайских торговых, финансово-инвестиционных и логистических интересов, причем последние оказались особенно тесно связаны с геополитическими. За редким исключением (Южный Судан, Зимбабве, Джибути) геополитический интерес КНР в Африке находится в прямой зависимости от экономической выгоды, в первую очередь, частных компаний. Там же, где геополитический фактор преобладает над экономическими интересами, что обусловлено историческими обстоятельствами проникновения Китая в эти страны¹⁴, КНР несет очевидные экономические потери, минимизация которых составляет, на наш взгляд, главную задачу внешней политики Пекина.

Что касается большинства африканских стран, геополитическое измерение по отношению к ним со стороны КНР носит рамочный характер, лишь весьма поверхностно корректируя китайские фундаментальные экономические интересы. В качестве примера приведем Эфиопию, где у Китая имеются значительные экономические интересы, но даже в этом случае китайская вовлеченность в острый межэтнический конфликт в этой стране, обострившийся после 2020 г., практически не фиксируется внешними наблюдателями. Что касается геополитических инструментов китайского влияния на данный конфликт, то, даже если они есть, китайская сторона их тщательно скрывает.

Для достижения своих геополитических целей в Африке Китаем была последовательно разработана бинарная конструкция - созданный в 2000 г. «Форум сотрудничества Китай-Африка» (*FOCAC*), запускающий механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР, и инициатива нынешнего председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс - один путь» (ОПОП), озвученная им в первый же год пребывания у власти (2013 г.). Подписание соглашений в рамках ОПОП де-факто «оформляет членство» в клубе *стран-последователей* Китая, закрепляя их в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически.

В форме *FOCAC* на регулярной основе участвуют все 53 африканские государства, установившие с КНР дипломатические отношения. Таким образом, количество африканских стран, которые уже сейчас, так или иначе, находятся в орбите китайского политического внимания, близко к 100%. Именно среди них следует искать потенциальные *страны-последователи* КНР в Африке.

Важная особенность отношений КНР со странами Африки, с геополитической точки зрения, сформулирована в «Коллективном заявлении стран-участниц *FOCAC* 2019 г.». Согласно п. 8 этого заявления, для КНР предпочтительным форматом сотрудничества с африканскими странами, наряду с двусторонними, становятся трехсторонние и многосторонние отношения. Это означает, что с 2019 г. КНР готова к формированию в Африке многосторонних союзов на принципах взаимной выгоды и равенства прав и привилегий - мультилатерализма.

Иными словами, речь идет о создании как экономических, так и военно-политических блоков, объединенных общими государственными интересами, включая интересы государственной безопасности. Один из таких блоков уже сейчас находится в стадии формирования - КНР-Джибути-Эфиопия-Судан-Южный Судан, но это - будущее, а в настоящем происходит последовательное накопление потенциала бинарных блоков «лидер-последователь».

Например, Китай уделяет пристальное геополитическое внимание трем странам, расположенным в разных африканских субрегиональных системах, - Мозамбик, Ангола, Зимбабве. Потенциальное объединение этих трёх стран под эгидой КНР позволит создать ось, отделяющую Южную Африку от остального Африканского континента. На современном этапе КНР не проявляет геополитических намерений создать подобный блок, но укрепляет и наращивает взаимодействие с каждой потенциально входящей в него страной.

Подчеркнем сетевой (т.е. панафриканский) характер китайских геополитических интересов в Африке, в принципе исключаяющий сколько-нибудь значительные регионы по периметру Африканского континента,

---

¹⁴ Зимбабве - первая африканская страна, выразившая полную готовность поддержать китайские инициативы в Африке. В случае Южного Судана особое значение имел фактор мирового общественного мнения, под влиянием которого КНР стала политическим спонсором выделения Южного Судана в независимое государство (*прим. авт.*).

которые можно рассматривать как неприоритетные для КНР. Так, в **Северной, Центральной и Западной Африке** соглашения подписали все государства, т.е. в этой части континента охват китайским проектом стопроцентный. В странах **Южной Африки** соглашение не подписано лишь Эсватини (не имеющей дипломатических отношений с КНР), ее территория занимает менее 1% площади региона, а население - менее 2% населения Южной Африки. В странах **Восточной Африки** соглашения подписаны 18 из 20 государств. Не затронутые китайским проектом ОПОП страны (Малави и Маврикий) занимают 1,7% территории региона, в них проживает менее 5% его населения.

Важное значение внутри геополитического измерения влияния имеют **диаспоральные показатели**. По разным оценкам (точную статистику по этому вопросу КНР не публикует), на сегодняшний момент в Африке проживает более 1 млн китайских граждан [16]. В Китае проводятся масштабные кампании по набору желающих отправиться на работу в Африку. Этому способствует государственная инвестиционная деятельность по финансированию строительства крупных логистических, энергетических и иных инфраструктурных объектов, требующих привлечения большого количества квалифицированных кадров для их строительства и для последующей эксплуатации. Африканские страны таких кадров не имеют, поэтому в подавляющем большинстве случаев они завозятся из Китая. Преимущественно китайские кадры используют в своей экономической деятельности и китайские частные компании, действующие на Черном континенте. Африканцы привлекаются частными китайскими компаниями во вторую очередь. Есть основания допустить, что КНР уже практически два десятилетия сознательно стимулирует переезд своих граждан для работы и жизни в Африке.

Более 400 тыс. китайцев проживает в **ЮАР**, примерно по 100 тыс. - в **Анголе и Нигерии**, на 4-м месте - **Мадагаскар**, в котором китайская диаспора составляет более 60 тыс. человек, замыкает пятерку **Гана** (около 50 тыс.). Более 10 тыс. китайцев также проживают в Эфиопии, Алжире, Кении, Замбии, Гвинее, Маврикии, ДР Конго, Египте, Мозамбике, Танзании, Уганде, Республике Конго и Зимбабве. Примечательно, что Мадагаскар, занимающий в этом списке 4-е место, существенно отстаёт от стран первой пятёрки по такому показателю, как получение китайских займов и инвестиций (менее 2% от общеафриканского объема).

Ещё одним важным фактором, влияющим на геополитическое измерение, является **логистика и связанные с ней инфраструктурные изменения**. Китайская транспортно-логистическая стратегия в Африке заключается в создании транспортных коридоров, которые должны связать между собой африканские страны и саму Африку с внешним миром, прежде всего с Китаем и другими странами Азии. Прокитайский смысл африканской транспортно-логистической стратегии КНР сомнения не вызывает - Китай формирует удобную для своей торговли транспортную инфраструктуру. Инвестиции в инфраструктуру составляют более 30% всех инвестиций КНР в Африку.

Цель создания этих мультимодальных транспортных коридоров состоит в расширении логистических возможностей для беспрепятственного ввоза в Африку китайских товаров и вывоза многообразного африканского экспорта, прежде всего продукции африканских предприятий сырьевого и несырьевого профиля, а также энергоносителей¹⁵.

Вопрос в другом - как изменится Африка по мере реализации китайского транспортного проекта?

На первый взгляд, очевидно, что соединенные транспортными мультимодальными коридорами, в т.ч. и трансафриканскими, а также связанные с морскими и океанскими портами африканские страны неизбежно окажутся втянутыми в более тесное взаимодействие друг с другом и с внешним миром. Победит ли при этом логика panaфриканского объединения, за которое выступает Африканский Союз, или эгоизм отдельных африканских лидеров подтолкнет их страны к конфликтам друг с другом, в которые будут вовлекаться неафриканские страны-лидеры, сказать трудно. Ясно одно: транспортно-логистическая стратегия КНР действительно направлена на то, чтобы стимулировать развитие африканских стран в направлении их большей самостоятельности и стабильности.

Китайские инфраструктурные проекты в Африке, имеющие panaфриканский смысл и непосредственно или косвенно направленные на развитие африканских стран, неизбежно усилят противоречия между развивающимися африканскими странами и неокOLONиальными державами условного Запада.

Рассматривая китайскую транспортно-логистическую составляющую инициативы ОПОП с этой точки зрения, выделим те африканские страны, которые уже стали или в обозримом будущем станут транспортно-логистическими хабами, опираясь на которые Китай сможет существенно укреплять свое влияние, создавать тройственные союзы и межгосударственные объединения.

¹⁵ Согласно официальной китайской статистике, стоимость валовой годовой выручки от китайских инфраструктурных проектов в Африке превысила в 2018 г. \$48 млрд, что составляет 28,9% всех доходов Китая от инфраструктурных проектов за рубежом. Африка занимает по этому показателю 2-е место после Азии (53,7%) (прим. авт.).

В 2018 г. в Кении был запущен экспресс «Мадарака» по маршруту Момбаса - Найроби протяженностью 578,8 км (стоимостью в \$5 млрд). В перспективе планируется продлить построенную китайской корпорацией *China Road & Bridge Corporation* железную дорогу в Эфиопию, Южный Судан, Уганду и через Уганду - в ДР Конго, Руанду и Бурунди [17].

29 октября 2019 г. в Мозамбике прошла церемония передачи правительству страны рыболовного порта Бейра, реконструированного и модернизированного китайской компанией *China Harbour Engineering* при финансовом участии *Exim Bank of China*. В церемонии принял участие президент страны Филипе Ньюси. В декабре 2019 г. открылся порт на о-ве Ламу в Кении, построенный китайской компанией *CCCC (China Communications Construction Company)*. Порт будет обслуживать Дар-эс-Салам, Занзибар и Мапуту.

Установление контроля КНР над морскими портами¹⁶ в Восточной Африке подкрепляется участием китайского капитала в модернизации и строительстве аэропортов в ряде стран, а также транспортных путей, соединяющих порты с внутренними пространствами континента. Например, в 2018 г. был открыт после реконструкции с участием *Exim Bank of China* столичный аэропорт в Замбии. Строится грандиозный аэропорт в Джибути. КНР построил в Африке 16,5 тыс. км дорог, которые соединили Джибути, Эритрею, Эфиопию, Уганду, Танзанию, Кению, а также страны Сахаро-Сахельской зоны.

Исходя из формальных критериев участия КНР в инфраструктурно-логистических проектах, наибольший интерес с этой точки зрения представляют **Джибути и Кения**, а также **Судан, Мадагаскар, Мозамбик, Ангола, Мавритания, Нигерия** и не имеющие выхода к морю **Эфиопия, Уганда и Замбия**. Китайские геополитические интересы, очевидно, сосредоточены в Восточной Африке.

С учетом вышесказанного, предлагаем матрицу геополитического измерения влияния, основанную на следующих параметрах: численность населения страны; плотность населения; размер территории страны; валовой ВВП страны; уровень ВВП на душу населения; численность китайской диаспоры.

Место страны в рейтинге, рассчитанное на основе среднего арифметического мест по этим 6 параметрам измерения, дополнено следующими коэффициентами:

1. Наличие у страны договора с КНР в рамках ОПОП (повышающий коэффициент 1,2);
2. Расположение страны вдоль маршрута «Морского Шелкового пути XXI века» (повышающий коэффициент 1,2);
3. Отсутствие выхода к морю как коэффициент, понижающий интерес КНР в данной стране (0,7);
4. Развитие транспортно-логистической системы:
  - 4.1. Включение страны в планы по строительству трансафриканских магистралей, которые находятся в процессе строительства, - 1,1;
  - 4.2. Наличие уже действующей железнодорожной магистрали, которая соединяет 2-3 страны, - 1,2;
  - 4.3. Наличие действующей железнодорожной магистрали, которая построена при участии КНР и соединяет 2-3 страны, - 1,3;
  - 4.4. Наличие действующей железнодорожной магистрали, которая соединяет более 3 стран, - 1,3;
  - 4.5. Наличие действующей железнодорожной магистрали, которая построена при участии КНР и соединяет более 3 стран, - 1,4.

С геополитической точки зрения, де-факто приоритетными для КНР являются два африканских макро-региона - Северная и Восточная Африка. Китайские интересы в Южной и Западной Африке сосредоточены преимущественно на региональных странах-гигантах - ЮАР и Нигерия. Страны, приоритетные с геополитической точки зрения для КНР (см. *табл.*), формируют геополитический пояс по периметру Африканского континента. Этот пояс включает субрегионы Африки, вдоль которых пролегает китайский «Морской Шелковый путь XXI века» в двух его направлениях - средиземноморском и восточноафриканском. Кроме того, этот стратегически важный геополитический пояс совпадает с приоритетными для США пространствами в Африке, что отмечалось выше.

Наиболее слабо китайские геополитические интересы представлены в Центральной Африке. Именно в центральноафриканском субрегионе отмечено активное присутствие России (в ЦАР), что свидетельствует о стремлении РФ проводить активную внешнюю политику преимущественно в тех африканских странах, где китайское политическое влияние минимально. Аналогичный пример - Судан, где китайское влияние после отделения Южного Судана несколько ослабло, возникший вакуум стремится заполнить Россия, объявившая о намерении создать в Порт-Судане единственную на Африканском континенте российскую военно-морскую базу. При этом дружественный по отношению к КНР характер российской политики в Судане сомнений не вызывает.

¹⁶ Практика установления китайского государственного контроля над портами, аэропортами, транспортными и энергетическими объектами в странах-последователях распространена и за пределами Африки. Так, в декабре 2017 г. правительство Шри-Ланки было вынуждено передать Китаю за долги порт Хамбантота. См.: [18].

Таблица. Геополитическая матрица влияния
Table. Matrix of geopolitical impact

Страны	Параметры сравнения											Коэффициенты				Итоговое место в рейтинге	
	1		2		3		4		5		6		1	2	3		4
	Численность населения, млн чел.	Место в рейтинге	Плотность населения	Место в рейтинге	Размер территории, млн км ²	Место в рейтинге	ВВП, млрд \$ (UNCTAD), 2020	Место в рейтинге	ВВП на душу населения, \$ тыс., 2019	Место в рейтинге	Численность китайской диаспоры, тыс. чел.	Место в рейтинге	Договор в рамках ОПОР, площ.	Расположение вдоль маршрута МПП21	Наличие выхода к морю		Развитие транспортно-логистической системы*
Северная Африка																	
Алжир	43,9	9	18,4	44	2,4	1	141,8	5	3,2	13	30	7	+	+	+	1,2	5
Египет	102,3	3	102,2	16	1	12	358,3	2	3,5	9	20	13	+	+	+	1	3
Марокко	36,9	11	82,7	20	0,4	25	113,7	6	3,1	15	2	33	+	+	+	1,2	8
Восточная Африка																	
Кения	53,8	7	91,6	18	0,6	22	98,7	7	1,8	21	30	7	+	+	+	1,3	4
Танзания	59,7	5	63,2	26	0,9	13	69,5	10	1,2	30	20	13	+	-	+	1,4	7
Эфиопия	115	2	102	17	1,1	10	93,3	8	0,8	37	40	6	+	-	-	1,3	9
Центральная Африка																	
Ангола	32,9	12	26,4	39	1,2	7	59,1	13	1,8	23	100	2	+	-	+	1,4	6
ДР Конго	89,6	4	38,2	36	2,3	2	47,4	14	0,5	45	21	12	+	-	+	1,4	10
Южная Африка																	
ЮАР	59,3	6	48,6	31	1,2	9	302,1	3	5,1	7	400	1	+	-	+	1,3	2
Западная Африка																	
Нигерия	206,1	1	223,2	5	0,9	14	429,3	1	2,1	19	100	2	+	-	+	1	1

Составлено авторами по: The 2019 Revision of World Population Prospects. United Nations Department of Economic and Social Affairs. <https://population.un.org/wpp/> (accessed 17.01.2022); UNCTAD Handbook of Statistics 2021. <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 21.03.2022); Guidelines for regional cooperation in the field of foreign investment (In Chin.). <http://fec.mofcom.gov.cn> (accessed 24.02.2022)

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Cao Ya-xiong, Meng Ying. The "Belt and Road" Initiative and the Construction of China-Africa Community with a Shared Future. *Journal of Shaanxi Normal University* (Philosophy and Social Sciences Edition. 2019, № 3. Pp. 55-64) (In Chin.)
2. List F. Das nationale System der politischen Oekonomie. Düsseldorf, 1989. 589 p.
3. Cardoso F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. University of California Press: 1979. 227 p.
4. Amin S. Neo-Colonialism in West-Africa. Monthly Review Press, 1975. 316 p.
5. Prebisch R. Power, Principle, and the Ethics of Development. Buenos Aires: IDB-INTAL, 2006. 126 p.
6. Reinert E. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. Public Affairs: 2008. 400 p.
7. Harford T. The Undercover Economist. New York, 2007. 265 p.
8. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown, 2012. 529 p.
9. Henderson W.O., List F. Economist and Visionary 1789-1846. London, 1983. 308 p.
10. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. М.: Международные отношения, 2021. 142 с.
Africa: Development Prospects and Recommendations for Russia's Policy. Report. Moscow. 2021, 142 p. (In Russ.).
11. Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН, 2016, с 280.
Africa: modern strategies of economic development. Moscow. 2016, p. 280 (In Russ.).
12. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контурсы глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 6-29.

- Fituni L.L. Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Political Processes in the Changing World*, 2019, Vol. 12, № 3. Pp. 6-29 (In Russ.).
13. Егорченков Д. Не Гамбией единой: кто колонизирует Африку. *Regnum*. 27 января 2017 г.
Egorchenkov D. Not only Gambia: Who is Colonizing Africa. *Regnum*. Moscow. January 27, 2017. (In Russ.).
<https://regnum.ru/news/2232139.html> (accessed 24.04.2022)
14. Ndzendze B., Monyae D. China's belt and road initiative: linkages with the African Union's Agenda 2063 in historical perspective. *Transnational Corporations Review*, 2019, № 11. Pp. 38-49.
15. Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее. *Азия и Африка сегодня* 2021, № 1. С. 6. DOI: 10.31857/S032150750013956-3
Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 20 years of China politics in Africa: from the past towards future. *Asia and Africa today*. 2021, № 1. P. 6 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013956-3
16. Фитуни О.Л. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии ее количественного исследования. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020, № 1 (50). С. 14-24.
Fituni O.L. To the Issue of the Historical and Contemporary Size of the Chinese Diaspora in Africa and the Methodology of Its Quantitative Research. *Journal of Institute for African Studies*. Moscow. 2020, Pp. 14-24. (In Russ.)
17. Taylor, I. Kenya's New Lunatic Express: The Standard Gauge Railway. *African Studies Quarterly*, 2020, No. 3-4, pp. 29-52.
18. Lu Guang-sheng Ma Tian-fang. Risk of 99-Year Lease in the "Belt and Road": Origin, Effects and Responses. *Asia-Pacific Economic Review*, № 1 2020. Pp. 5-15. (In Chin.)
19. Урнов А.Ю. США - Африка. Визит Государственного секретаря Э. Блинкена в Кению, Нигерию и Сенегал (ноябрь 2021 г.). *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 3. DOI: 10.31857/S032150750019235-0
Urnov A.Yu. USA - Africa: Secretary of State Antony J. Blinken's Visit to Kenya, Nigeria, Senegal (November 2021). *Asia and Africa today*, 2022, № 3 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019235-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зеленев Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny I. Zelenev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of Asian and African Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head, Department of Asian and African Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2022

Феномен возрождения койсанского сообщества в Южной Африке: социально-политические аспекты

© Салахетдинов Э.Р.^а, 2022

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3124-8928, ser@inafr.ru

Резюме. В статье анализируется феномен возрождения койсанского сообщества в Южной Африке, его основные социально-политические аспекты. После падения режима апартеида в 1994 г. интерес к наследию предков среди южноафриканцев значительно вырос. Этот процесс не обошел стороной «цветное» сообщество ЮАР, многие представители которого стали отказываться от «колониальной клички». Они начали идентифицировать себя как потомков аборигенов региона - *койкой* и *сан*. Этот феномен, получивший название койсанского возрождения, объяснялся не только генеалогическим интересом, но также имел социально-политическое измерение.

Демократическая ЮАР унаследовала государственную расовую классификацию времен апартеида, согласно которой койсан продолжают классифицировать как «цветных». Активисты койсанского возрождения требуют ее пересмотра и добиваются признания их «первой нацией» Южной Африки. Этот статус позволил бы не только поднять престиж койкой и сан, но также закрепить за ними особые права. В частности, право на реституцию земли, которая была отторгнута любыми не-койсанами. Руководство ЮАР выражает согласие классифицировать койсан под их именем, однако не готово признать их «первой нацией». Это могло бы поставить знак равенства между экспансией бантуязычных африканцев на Юг Африки и европейской колонизацией региона. По мнению правительства, эти явления сравнивать некорректно, а требуемый статус лишь внесет раскол в южноафриканское общество.

Материалы для исследования получены автором во время прохождения постдокторантуры в ЮАР в 2018-2020 гг.

Ключевые слова: ЮАР, койсанское возрождение, койкой, сан, первая нация, земельная реформа

Для цитирования: Салахетдинов Э.Р. Феномен возрождения койсанского сообщества Южной Африке: социально-политические аспекты. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 22-30. DOI: 10.31857/S032150750020978-7

The phenomenon of the Khoisan community's revivalism in South Africa: Social and political aspects

© Eldar R. Salakhedinov^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3124-8928; ser@inafr.ru

Abstract. The article analyses the phenomenon of the Khoisan community's revivalism and its key socio-political aspects. Since the fall of the apartheid regime in 1994, the interest in ancestral heritage among South Africans has grown significantly. This process did not bypass the "Coloured" community of South Africa and many of them began to abandon the "colonial nickname". They began to identify themselves as descendants of the aboriginal Khoikhoi and San. This phenomenon, which took the name as the Khoisan revivalism, had not only genealogical interest, but also a socio-political dimension.

Democratic South Africa has inherited the state racial classification from the apartheid era, according to which the Khoisan is continuing to be classified as "Coloured". Activists of the Khoisan revivalism demand its revision and seek to be recognized as the "First Nation" of South Africa. This status would not only allow to raise the prestige of the Khoikhoi and San, but also to secure special rights for them. In particular, the right to restitution of land that has been taken away by any non-Khoisans. The South African leadership agrees to classify the Khoisans under their name, however, the leadership is not ready to recognize them as the "First Nation". This could equate the expansion of Bantu-speaking Africans to Southern Africa and the European colonisation of the region. According to the government, it is incorrect to compare these two phenomena, and the required status will only cause a split within the South African society.

Materials for the research were obtained during my postdoctoral studies from 2018 to 2020 in South Africa.

Keywords: South Africa, Khoisan revivalism, Khoikhoi, San, first nation, land reform

For citation: Salakhedinov E.R. The Phenomenon of the Khoisan Community's Revivalism in South Africa: Social and Political Aspects. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 22-30. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020978-7

ВВЕДЕНИЕ

Народы *койкой* и *сан* - собирательно *койсаны* - являются наиболее древними обитателями Юга Африки, её аборигенами¹. Сам термин «койсаны» как зонтичное название для всех небантуязычных народов Юга Африки был предложен германскими антропологами, изучавшими регион в начале XX в. Так, охотники и собиратели сан нередко враждовавшие с животноводами койкой были объединены в единую группу. Неудивительно, что долгое время этот культурно-лингвистический конструкт существовал лишь в академической среде.

Широкую популярность термин «койсан» начал обретать во время политических перемен в ЮАР в 1990-х гг. К тому времени койкой и сан были практически полностью ассимилированы и рассматривали себя, скорее, как часть «цветного»² сообщества. Окончание эпохи апартеида привело к пересмотру многих колониальных концептов, в т.ч. таких, как «цветные», «бушмены» и «готтентоты»³. В этих условиях «политкорректная» койсанская повестка стала эффективным инструментом политической мобилизации среди протестных групп «цветного» сообщества. Койсанское возрождение стало важным элементом социально-политического ландшафта и отразило многие противоречия, присущие южноафриканскому обществу.

Социально-политические аспекты койсанского возрождения были предметом исследования автора во время прохождения постдокторантуры в *UNISA* - Университете Южной Африки (Претория). Основным источником информации стали архивные документы (в музее *McGregor* в Кимберли), полевые исследования крупнейшей в ЮАР койсанской общины - *платфонтейн сан* (Северный Кейп), где, в частности, были проведены круглые столы и взяты интервью у трех старейшин (*traditional leaders*) сообщества. Кроме того, автор общался с койсанскими активистами в Хаутенге и Западном Кейпе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ КОЙСАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Доколониальный период. С древних времен народы койкой и сан населяли обширную территорию от Замбии до южной оконечности Африканского континента, где занимались животноводством, охотой и собирательством. В начале 1-го тысячелетия н.э. в процессе экспансии бантуязычных племен на юг Африки произошли их первые контакты с койсанскими народами.

О характере взаимоотношений койсанов и бантуязычных африканцев в доколониальный период известно немного. По имеющимся данным, можно судить, что часть койсанов была интегрирована и впоследствии ассимилирована. Языки южных *нгуни*, к примеру, заимствовали щелкающие звуки из речи сан и койкой. Другая часть койсанов в результате конфликтов была вынуждена переселиться в полупустынные земли Калахари, где большинство из них проживает до сих пор. Географическая изолированность этого региона от внешнего мира сыграла решающую роль в сохранении традиционного уклада койсанских народов до наших дней.

Колониальный период и апартеид. В 1652 г. Голландская Ост-Индская компания основала Капстад (Кейптаун). Первыми местными жителями, которых встретили голландцы, были различные племена койсан. Во времена апартеида государственная пропаганда любила подчеркивать, что по прибытии европейцев в регион там не было бантуязычных африканцев⁴. Первый контакт с ними случился лишь спустя сто-

¹ Термин происходит от лат. *ab origine* - «от начала» и означает самых первых жителей того или иного региона. В отношении народов койкой и сан это особенно справедливо, т.к. они являются носителями древнейшей ДНК человечества и, таким образом, считаются старейшими из ныне живущих представителей *Homo Sapiens* (*прим. авт.*). См., например, [15].

² Слово «цветной» приводится в кавычках из-за имеющейся колониалистской коннотации. Использование альтернативного термина на данный момент не представляется возможным из-за отсутствия консенсуса по этому вопросу (*прим. авт.*).

³ Хотя в академической среде существует дискуссия вокруг происхождения слова «готтентот»: согласно преобладающему мнению, оно означает «заика» и являлось формой передразнивания щелкающих звуков в языках койкой (*прим. авт.*).

⁴ Американский эволюционный биолог Джаред Даймонд выдвинул интересную гипотезу о том, почему бантуязычные племена (прежде всего, народы коса) не пересекли реку Фиш и не осели на территории будущей Капской колонии, хотя ранее их предки буквально за несколько веков распространились на тысячи километров от экватора до южной оконечности Африки. По мнению Даймонда, это объясняется тем, что окультуренные бантуязычными народами растения - сорго и африканское просо - могут произрастать только в условиях африканского климата, характерного для территории от южной границы Сахеля до Кейпа, с сухой зимой и влажным летом. Тогда как для территории Кейпа характерен «южноевропейский» климат, а основные осадки выпадают в нелетнее время. Неудивительно, что европейские культуры (например, пшеница или виноград) легко прижились в данном регионе, в отличие от сорго и африканского просо. Иначе говоря, бантуязычные африканцы не поселились на Капской земле в силу того, что их сельскохозяйственные культуры не смогли там прижиться ввиду иных климатических особенностей региона (*прим. авт.*). См. также [16].

летие по мере продвижения европейских колонистов вглубь континента. Участь народов койкой и сан, первых столкнувшихся с голландцами, была отнюдь незавидной. После череды койсано-голландских войн бóльшая часть аборигенов была истреблена. Оставшиеся были порабощены и позднее влились в собирательное сообщество «цветных».

В начале XVIII в. Великобритания захватила Капскую колонию, что привело к череде конфликтов с бурами - голландскими фермерами-поселенцами, осевшими на Юге Африки. Для их подавления британцы начали использовать «цветные» вооруженные отряды. В эту категорию были приписаны все, кто не соответствовал черно-белой бинарной расовой модели. К «цветным» были отнесены люди с коричневой кожей, а именно - койсаны, потомки от смешанных браков и привезенные из Голландской Ост-Индии рабочие (капские малайцы).

Отметим, что переход Капской колонии под юрисдикцию англичан несколько улучшил ситуацию для небелого населения колонии. В частности, было отменено рабство, «цветные» получили право (часто формальное) на защиту своих прав в суде и, в случае прохождения имущественного ценза, право голосовать и быть избранными. В то же самое время классификация койкой и сан как «цветных» привела к их последующей практически полной ассимиляции в Южной Африке. Большинство койсан перестали идентифицировать себя таковыми на рубеже XIX-XX вв. [3, p. 139].

Во времена апартеида койсанские народы продолжили определять как «цветных». Хотя последние также подвергались сегрегации, насильственным переселениям и другим формам расовой дискриминации, условия их существования были несколько лучше, чем у африканцев. К примеру, «цветные» имели ограниченное право голосовать (но не быть избранными до 1983 г.). Правительство режима апартеида старалось использовать антагонизм между «цветными» и африканцами для достижения собственных целей. «Цветные» активно рекрутировались в вооруженные силы и полицейские отряды ЮАР и Юго-Западной Африки (Намибии) для противостояния набиравшим силу африканским освободительным движениям. Во времена колониализма и апартеида многие «цветные» предпочитали подчеркивать свою связь с белыми предками. К примеру, их фотографии нередко выставлялись на самые видные места в доме. Наличие иных генетических линий, напротив, игнорировалось. Неудивительно, что к концу режима апартеида в «цветном» сообществе ЮАР фактически не осталось людей, которые бы идентифицировали себя как койкой или сан.

Примечательно, что сегодня в ЮАР *платфонтейн сан* - самая крупная койсанская община и практически единственная, которая сохранила родные языки. Это эвакуированные в 1990 г. из Юго-Западной Африки (Намибии) солдаты (вместе с семьями), которые воевали на стороне режима апартеида против Организации народов Юго-Западной Африки (СВАПО) и правительства Анголы. Община состоит из двух этнических групп - кун (*!Xun*⁵) и кве (*Khwe*), общей численностью порядка 7 тыс. человек [17, p. 52].

Говоря о численности койсанских народов в современной ЮАР, отметим, что на данный момент она носит оценочный характер по двум основным причинам:

- в государственной статистике ЮАР, до переписи 2022 г., койсаны как категория не существовали. В переписи 2001 г. у респондентов была возможность, помимо 4 «традиционных» расовых групп, выбрать графу «другое» и указать в ней свою идентичность. В переписи-2022 среди ответов на вопрос - «На каком языке вы чаще разговариваете дома?» - появился вариант «языки кой, нама и сан»;

- другая сложность, которая может возникнуть, - это дискуссия о том, кого можно считать койсаном⁶. Если подразумевать под ними койкой и сан, которые сохранили язык и традиции, а также испокон веков проживали на территории ЮАР (не были переселены в страну как *платфонтейн сан*), то численность этих «аутентичных» койсан, скорее всего, исчисляется несколькими сотнями человек. Если же понимать под койсаном любого человека, который в силу любых причин считает себя представителем койсанских народов, тогда их численность может составить несколько десятков тысяч человек.

По итогам переписи 2022 г.⁷ можно будет с большей точностью оценить как количество людей, говорящих на койсанских языках, так и примерную численность людей, идентифицирующих себя с койсанами.

⁵ Знак «!» перед согласной означает щёлкающий звук (*прим. авт.*).

⁶ В России похожий спор ведется между «родовыми» и «ряжеными» казаками (*прим. авт.*).

⁷ Перепись 2022 г. длилась с февраля по май и сопровождалась многочисленными сбоями. Особые сложности возникли в провинциях Квазулу-Наталь, Хаутенг и Западный Кейп, где, по разным оценкам, от 40% до 60% жителей не были опрошены в силу различных причин. К примеру, в Западном Кейпе не удалось найти людей для работы в «трудных районах», включая известный своими преступными бандами Кейп-Флэтс (район в Кейптауне), где большинство населения составляют «цветные», и переписчиков привозили на автобусах из других провинций (например, из Лимпопо, что находится более чем за 1000 км от Западного Кейпа). По этим причинам результаты переписи, которые должны быть обнародованы к концу 2022 г., будут носить, скорее, приблизительный характер (*прим. авт.*).

«ЦВЕТНАЯ» ЛОВУШКА ИДЕНТИЧНОСТИ: НЕДОСТАТОЧНО БЕЛЫЕ, НЕДОСТАТОЧНО ЧЕРНЫЕ

Промежуточное положение «цветных» между белой и черными общинами ЮАР всегда было одной из основных проблем сообщества. После ликвидации режима апартеида эта ситуация едва ли изменилась.

С одной стороны, все прежние расовые ограничения были сняты и все граждане вне зависимости от цвета кожи получили возможность на представительство, право голосовать и быть избранным. Правительством был даже утвержден ряд программ «позитивного действия» (*affirmative action*), направленных на преодоление исторически сложившегося расового неравенства. Ключевой документ в этой сфере - программа «Усиления экономической власти черных на широкой основе» (*Broad-Based Black Economic Empowerment, B-BBEE*) - оперирует термином «черные», куда включаются не только африканцы, но также «цветные» и индийцы⁸. Таким образом, *de jure* все в прошлом дискриминируемые расовые группы получили равные возможности.

Однако, с другой стороны, фокус нового правительства был явно обращен на бантуязычное большинство страны. Правительство ЮАР сохранило расовую классификацию времен апартеида, по которой койсанские народы по-прежнему квалифицировались как «цветные», что приводило к их дискриминации в пользу бантуязычных африканцев. Так, при поступлении на учебу или работу нужно заполнить анкету, где необходимо отметить к какой из 4 расовых категорий (черный, белый, цветной, индеец) относится соискатель. Трудоустройство в бюджетной сфере и компаниях с государственным участием осуществляется по процентной формуле «80-9-9-2», что соответствует расово-демографической пропорции черных, белых, цветных и индийцев в среднем по стране.

Из-за этой формулы «цветные», к примеру, составляя большинство в провинции Западный Кейп (порядка 50%), дискриминируются в пользу африканцев, составляющих в ЮАР демографическое большинство. Известны случаи, когда «цветные» записывались «черными», чтобы получить работу по квоте. В октябре 2020 г. в ЮАР разразился скандал, когда министерство образования Западного Кейпа уволило Глена Снаймана - «цветного» по происхождению учителя начальной школы, обвинив его в том, что он обманным путем получил работу, записавшись «черным» (*Black*). После того как история получила широкую огласку, его восстановили в должности. Однако эта история лишь одна из тысячи, многие «цветные» вынуждены записываться черными, чтобы получить лучшую возможность для трудоустройства. Учитывая, что у большинства «цветных» европейские имена и фамилии, их анкеты часто забраковывают еще на стадии рассмотрения резюме. Данный вид кадровой дискриминации практически нельзя отследить и доказать. Более того, отдельные африканские политические активисты полагают, что «цветной» кандидат, идентифицируя себя как члена исторически маргинализованной группы, пытается извлечь выгоду из системы, потому что при апартеиде «цветные» имели более высокий социальный статус, чем африканцы.

В целом, степень антагонизма между «цветными» и другими расовыми группами страны продолжает оставаться высокой. Причем, если в годы апартеида значительная часть «цветной» интеллигенции в знак солидарности причисляла себя к черным, то сегодня ситуация, скорее, иная.

В ходе бесед с коллегами из Кейптаунского университета я слышал мнение, что «цветные, конечно, белых не любят, но черных они ненавидят сильнее». Так, в Кейптауне в 2018 г. на фоне острых дискуссий об *expropriation without compensation*⁹ было создано движение *Gatvol Capetonian* (яз. африкаанс - «сытые по горло кейптаунцы»), преимущественно состоящее из представителей «цветного» сообщества. Они выступали против расовой дискриминации «цветных» и высказывались даже за депортацию бантуязычных африканцев, прибывших в провинцию после 1994 г. [2].

«Цветное» сообщество ЮАР остается запертым в тисках колониальной черно-белой политической системы. Его представители, по меткому выражению южноафриканского историка, профессора Кейптаунского университета Мохамеда Адикари (р. 1953 г.), видят себя дискриминируемым меньшинством «недостаточно белым и недостаточно черным»¹⁰.

Ряд активистов видит решение проблемы в слове колониальной расовой категоризации, предлагая вместо нее ввести имущественный критерий (т.е. помогать бедным, а не черным). Звучат также предложения отказаться от термина «цветной», имеющего явный колониальный и уничижительный контекст, в пользу более нейтрального термина «коричневые» (*brown*). Другая часть активистов выступает за возврат к корням, призывая отринуть колониальную идентичность в пользу койсанского самосознания. С каждым годом количество людей, называющих себя койсанами, растет. Во многом это связано с переоценкой кон-

⁸ См.: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a53-030.pdf (accessed 13.10.2021)

⁹ Англ. - «экспроприация [земли белых фермеров] без [выплаты] компенсации». Выражение, ставшее «слоганом года», наиболее употребительным в 2018 г. в СМИ ЮАР и в Интернете (*прим. авт.*).

¹⁰ Так и называется исследование М.Адикари, посвященное проблемам «цветной» идентичности в ЮАР. См.: [16].

цепции «аборигенности» (*Indigeneity*), ныне ставшей инструментом в борьбе за перераспределение государственных благ.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И МОБИЛИЗАЦИЯ КОЙСАНСКОГО СООБЩЕСТВА

Прежде чем перейти к рассмотрению политических аспектов, важно сделать несколько пояснений.

Слово «койсан» - это экзоэтноним для небантуязычных народностей Юга Африки, предложенный в 1928 г. немецким антропологом Леонардом Шульце и вошедший в широкий научный обиход начиная с 1960-х гг.¹¹ [6]. Ряд исследователей сомневается в правомочности использования этого придуманного европейцами термина для защиты прав аборигенного населения Юга Африки [10]. Добавим также, что термин «сан» пришел из языка нама - крупнейшей этнической группы койкой - и означает «поднимающий [еду] с земли»¹². Этим словом нама обзывали собирателей, не имевших одомашненных животных. В этой связи некоторые активисты предпочитают использовать слово «бушмен» или «бусманн» (на яз. африкаанс - *Boesman*) и напоминают, что именно они были самыми древними обитателями региона, тогда как кочевые скотоводческие племена койкой прибыли на южную оконечность Африки только на заре нашей эры. Тем не менее, наиболее употребительной формой наименования остается слово «сан», собирательно - койсан, иногда встречается написание *коесан* (*Khoesan*).

Движение за возрождение койсанского сообщества, первоначально будучи, скорее, культурно-лингвистической инициативой, вскоре стало инструментом политической мобилизации. Протестные группы внутри «цветного» сообщества инкорпорировали термин «койсан» в свою политическую повестку. Здесь поясним, что следует отличать борьбу за традиционный образ жизни койкой и сан¹³ от городского политического активизма, который рядом исследователей предлагается обозначать как нео-койсанское возрождение ("*neo-Khoisan revivalism*").

Использование «койсанской» идентичности преимущественно выходцами из «цветного» сообщества не случайно. Отдельные группы «цветных» действительно могут иметь доминирующий койсанский компонент. Так, генетическое исследование «цветных» из Западного Кейпа показало, что основными генетическими компонентами сообщества являются преимущественно койсаны (32-43%), бантуязычные африканцы (20-36%), европейцы (21-28%) и в меньшей степени - азиатские народы (9-11%) [5]. Однако заметный койсанский генетический компонент и культурно-лингвистическое влияние можно встретить также у бантуязычных африканцев и даже у белых африканеров [7]. Однако для них койсанская проблематика не является инструментом политической мобилизации. Представляется, что формирование койсанской политики идентичности (*Identity politics*) преимущественно в «цветном» сообществе в немалой степени обусловлено социально-политическими факторами.

Вместе со сменой политической системы в 1994 г. и пересмотром прежних (колониальных) ценностей запрос на новую политическую повестку в «цветном» сообществе усилился. Реакцией на этот запрос стала идея койсанского возрождения, которая не только могла предоставить ответы на новые политические вызовы, но также коррелировала с основными устремлениями «цветного» сообщества, включая стремление к самоопределению, политическое представительство и повышение социально-политического статуса.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КОЙСАН И СТАТУС «ПЕРВОЙ НАЦИИ»

Во времена колониализма и апартеида «цветное» сообщество противопоставлялось африканскому. Этот антагонизм всячески поддерживался белой администрацией. С веками это разделение стало настолько привычным, что и сегодня многие «цветные» предпочитают рассматривать себя как общность культурно близкую, скорее, к белым, нежели к африканцам. Во многом из-за этого культурного наследия, многие «цветные» не разделяют ценностей доминирующего панафриканского дискурса и не рассматривают себя как черных африканцев. Однако в новой политической системе бороться за права более эффективно стало возможным, если выступать от громкого имени первых жителей Юга Африки, а не искусственно созданной колониальной общности. Причем койсаны, «пострадавшие как от белых, так и от черных, заслуживают особые права»¹⁴.

¹¹ Правомочность объединения языков койкой и сан в единую группу сегодня оспаривается рядом лингвистов и антропологов. Согласно некоторым недавним исследованиям, койсанские языки следует рассматривать не как языковую семью, а, скорее, как языковой союз (*Sprachbund* в терминах лингвиста и антрополога Н.С.Трубецкого). Иначе говоря, их близость связана не с происхождением от одного источника, а взаимовлиянием из-за длительного сожительства (*прим. авт.*).

¹² WIMSA Annual Report 2004-05. P. 58.

¹³ К койсанским группам, сохранившим традиционный образ жизни, а в редких случаях также и родной язык, можно отнести *гриква, риемфасмаак нама, ххомани* и отчасти - *платфонтейн сан* (*прим. авт.*).

¹⁴ Из интервью автора с самопровозглашённым «королем всех койсанов», Претория, июль 2018 г.

Складывающийся койсанский антиколониальный нарратив превращает не только европейцев, но и бантуязычных африканцев в колонистов, отнявших землю у мирных странствующих коренных народов сан и койкой [13, р. 53]. Таким образом, койсанские активисты получают моральное обоснование, чтобы стать, по меньшей мере, *primus inter pares*¹⁵. Не случайно одним из ключевых требований койсанских активистов является признание их «первой нацией» Юга Африки.

Термин «первая нация» койсанскими активистами был позаимствован, скорее всего, из-за громкого названия, из канадского права, в котором под ним подразумевают коренных канадцев за исключением инуитов и канадских метисов. В Канаде этот статус предоставляет коренным народам ряд привилегий, в т.ч. возможность освобождения от налогообложения и занятия традиционными промыслами, а также право на реституцию. Последний пункт является важнейшим требованием койсанского сообщества в Южной Африке.

КОЙСАНСКАЯ ДИЛЕММА И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

В ЮАР из 722,6 тыс. га городской земли, находящейся в собственности у физических лиц, 378 тыс. (49%) принадлежат белым, африканцам - 219 тыс. (30%), «цветным» и индийцам - 54,5 тыс. и 55,9 тыс. га, соответственно. Еще более контрастно ситуация обстоит в сельскохозяйственном секторе: из 37 млн га, принадлежащих индивидуальным землевладельцам, белые владеют 26,66 млн (72%), цветные - 5,37 млн (15%), индийцы - 2 млн (5%), африканцы - 1,3 млн га (4%)¹⁶ [8, pp. 12, 2]. В переводе на душу населения африканцы и «цветные» - самые безземельные. Эта ситуация сложилась во многом в результате исторической политики дискриминации.

Однако, если африканцы имеют право, пусть даже формальное, претендовать на реституцию, то для «цветных» ситуация обстоит сложнее. Дело в том, что, согласно положениям реституции, только лица и их потомки, потерявшие землю в результате дискриминационной политики с 1913 г. (дата принятия Закона о земле туземцев), имеют право требовать ее назад. Колонизация исторической Капской провинции, где проживает основная часть «цветных», происходила значительно раньше.

Таким образом, дата 1913 год отсекает возможность и у койсанских народов получить землю, отторгнутую много веков назад. В этих условиях, неудивительно, что койсанские активисты стремятся добиться пересмотра точки отсчета реституции. Однако земля у койкой и сан отторгалась не только европейцами, но и бантуязычными африканцами в ходе их переселения на Юг. В связи с этим могут возникнуть не только сложности технического характера (как обосновать право на землю, если документов не сохранилось или вообще их не было), но и образоваться правовая коллизия. К примеру, следует ли вернуть койкой пастбище, если обнаружится, что оно было отторгнуто у них бантуязычными африканцами? Подобное означало бы согласие с тезисом о том, что бантуязычные народы являлись такими же, как и европейцы, «пришлыми агрессорами».

В этих условиях правительство ЮАР, скорее, противостоит инициативам по признанию койсан первой нацией, а также выражает категорическое несогласие в уравнивании доколониальной миграции банту и колониальной экспансии европейцев. По мнению правительства, опыт коренных американцев и австралийских аборигенов неприменим к реалиям ЮАР, т.к. миграция бантуязычных народов на Юг Африки произошла в доколониальный период, и нет достоверных данных об этих процессах. Кроме того, как считает правительство, предоставление койсанским народам статуса первой нации может способствовать расколу южноафриканского общества [9]. С последним можно согласиться - едва ли многие черные южноафриканцы будут готовы признать себя второй (читай - некоренной!) нацией Южной Африки.

В панафриканистской парадигме правящего в ЮАР Африканского национального конгресса (АНК) койкой и сан рассматриваются как одни из множества коренных африканских народов и сверхправ им не полагается. Обсуждалась возможность предоставления койсанам статуса «уязвимых коренных народов», но отнюдь не требуемого статуса первой нации. Это неудивительно, принимая во внимание, что признание койсан первой нацией противоречит доминирующему в ЮАР взгляду на историю как освободительную борьбу африканцев против пришлых европейских колониалистов.

Вместе с тем, правительству ЮАР приходится считаться с позицией койсанских активистов, чьи голоса звучат громко как на международном уровне, так и внутри страны. В этом ключе следует рассматривать

¹⁵ Первый среди равных (лат.).

¹⁶ Подобная «безземельность» африканцев объясняется также тем, что колоссальные сельскохозяйственные территории находятся в собственности африканских королей и традиционных лидеров ЮАР. К примеру, король зулусов Мисуззулу Зулу и его приближенные управляют «Ингоньяма трастом», которому принадлежит 2,8 млн га - практически 30% земли в провинции Квазулу-Наталь, что делает зулусского монарха одним из крупнейших землевладельцев не только в ЮАР, но и в мире. В 2018 г. в ЮАР насчитывалось 14 признанных государством королей, королев и ведущих традиционных лидеров, а также 844 старших традиционных лидера [19, р. 20] (*прим. авт.*).

признание Национального совета койсан (*National Khoisan Council*) и включение его в систему обычного права, начавшееся преподавание языков *кваду-кой* (*Kwadi-Khoe*) в нескольких школах с компактным проживанием койсанского населения. Аэропорт Гкеберхи (*Gqeberha*, до февраля 2021 г. - Порт-Элизабет) получил имя вождя койкой Дэвида Стуурмана, а могилы двух вождей *груква* - Адама Кока I и Адама Кока II планируют внести в список национального наследия ЮАР [4]. Однако самым большим достижением койсанских активистов на сегодняшний день стало то, что в переписи 2022 г. они впервые в истории получили возможность записаться не «цветными», а под именем койкой или сан [4].

Эта победа стала результатом многолетних усилий по продвижению койсанской политической повестки на международном и национальном уровнях.

ПРОДВИЖЕНИЕ КОЙСАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Борьба за права койсанских народов в ЮАР хорошо согласуется с мировым идеологическим мейнстримом. Койсанских активистов регулярно приглашают на крупные международные мероприятия, посвященные защите прав малых коренных народов. Участвуя в научных конференциях, можно увидеть, как много исследований посвящено различным проблематикам койсанского сообщества. Койсаны - одна из наиболее исследованных в мире этнических групп, в среде антропологов, изучающих койсан, бытует шутка о том, что количество исследователей часто превосходит количество исследуемых. В этих условиях койсанская повестка, фактически ставящая знак равенства между экспансией бантуязычных народов и колонизацией европейцами Юга Африки, широко транслируется на международном уровне и позволяет привлекать финансовую и информационную поддержку. Приведем два примера.

В 2006 г. по инициативе Рабочей группы по делам коренных народов Юга Африки (*WIMSA*) и содействия международных фондов, таких как швейцарский *Ubuntu Foundation*, в 2006 г. вблизи Кейптауна была куплена ферма площадью 850 га, на которой воспроизвели традиционное поселение сан, названное *!Kwa ttu*. Здесь действует гостиничный комплекс и предлагается множество разных активностей, с помощью которых можно окунуться в традиционный быт аборигенов Юга Африки. В *!Kwa ttu* работает также интерактивный музей, который инструментами мягкой силы продвигает койсанскую ретроспективу, рассказывая о жизни мирных охотников-собираателей, которые пострадали как от нашествия бантуязычных народов, так и впоследствии европейских колонистов.

Другой пример. В 2018 г., в разгар обсуждения земельной реформы в ЮАР, американский журнал *Foreign Policy* опубликовал обстоятельную статью - «Первая нация Южной Африки была забыта» [11]. Главный посыл статьи заключался в том, что южноафриканское руководство, стремясь восстановить историческую справедливость и вернуть отнятую во время колониализма и апартеида землю, фактически игнорирует требования первых жителей этой страны - койсан, которые продолжают сталкиваться с дискриминацией, мало отличимой от апартеида.

В самой ЮАР койсанские активисты нередко сотрудничают с влиятельными африканерскими организациями, например, с правозащитным Африфорумом¹⁷. Оба этнических меньшинства декларируют борьбу против т.н. политики позитивной дискриминации правящей партии АНК, ущемляющей в правах как койсан, так и африканеров. Тактическому союзу способствует культурно-языковая близость. Для большинства койсанских активистов, выходцев из «цветной» среды, африкаанс является родным языком.

Африканерские организации активно инкорпорируют койсанский дискурс в свою повестку. Так, в иске Африфорума против Университета Южной Африки (*UNISA*), планировавшего постепенный отказ от языка африкаанс в стенах учебного заведения, одним из доводов «против» был - «все лингвисты единодушны в том, что койсаны сыграли важную роль в происхождении и развитии африкаанс - споры ведутся только о том, была ли эта роль ключевой или менее существенной» [1]. Таким образом, африкаанс преподносится как один из аборигенных языков, борьба с которым означала бы дискриминацию, в т.ч. койкой и сан.

В 2021 г. Конституционный суд ЮАР единогласно поддержал позицию истца, обязав университет сменить языковую политику и возместить все расходы, понесенные Африфорумом в связи с подачей иска. В свою очередь, койсанские городские активисты нередко используют африканерские политические лозунги, как, например, обвинения правительства в том, что оно проводит политику апартеида наоборот (*Reverse Apartheid*), дискриминируя койсан и другие этнические меньшинства в угоду черному большинству. В этом отношении очень показательна следующая история.

¹⁷ *AfriForum* был создан в 2006 г. по инициативе африканерского профсоюза «Солидарность», его главная цель - защита гражданских прав африканерского сообщества, а также других общественно-политических групп, меньшинств или отдельных лиц, подвергающихся дискриминационным практикам в Южной Африке (*прим. авт.*).

В сентябре 2018 г. выходец из «цветного» сообщества родом из Восточного Кейпа прибыл к стенам Юнион Билдингс¹⁸ в Претории, где провозгласил себя королем койсан (хотя у них никогда королей не было), разложил палатку и объявил бессрочную акцию протеста. Он требовал от правительства признать койсан первой нацией, сделать язык *нама* (*Khoekhoegowab language*) государственным, вернуть койсанским общинам земли их предков и дать возможность записываться койсанами, а не «цветными». Постепенно палаточный лагерь разрастался, привлекая все большее внимание прохожих и туристов. Это помогло собирать пожертвования, на которые жили «король и его свита». Несмотря на ряд попыток президентской службы безопасности и полиции выселить протестующих, оккупировавших место рядом с центральным входом в Юнион Билдингс, суд не удовлетворил их прошения.

Для пущего эффекта палатки протестующих были обвешаны плакатами с провокационными требованиями. В частности, правительство обвинялось в том, что оно относится к койсанам как к «каффирам» - крайне оскорбительный термин, употребляемый в отношении африканцев в ЮАР. Были случаи, когда за использование этого слова белых южноафриканцев сажали в тюрьму. Более того, пользуясь декриминализацией выращивания марихуаны (*dagga*), рядом с палаточным лагерем был высажен конопляный цветник с аргументом, что это растение является неотъемлемым компонентом койсанской традиционной медицины и помогает бороться с коронавирусом [14]. К протестующим несколько раз выходили чиновники разного уровня, но самопровозглашенный король ищет встречи с президентом, а поэтому протест продолжается.

Эта история - одна из многих. Как любое формирующееся сообщество, койсанская повестка часто привлекает людей с совершенно разным бэкграундом. Комизм и неосуществимость ряда их требований способны лишь усилить скептицизм властей касательно аутентичности койсанской идентичности, а также ставят вопрос, не являются ли притязания на койсанское наследие лишь способом для личного обогащения. Тем не менее, сводить койсанское возрождение и идентичность к «простому переизобретению традиций и фабрикации преемственности с первобытным наследием» было бы «суждением сомнительной политической и моральной мудрости», как иронично отмечал южноафриканский антрополог Джон Шарп [12, p. 96].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Койсанское сообщество в Южной Африке находится в фазе активного формирования и характеризуется наличием самых разнообразных форм организации. Феномен койсанского возрождения тесно связан с двумя основными факторами - ростом интереса к корням после краха режима апартеида и ощущением ущемленности, испытываемой многими членами «цветного» сообщества в новой демократической ЮАР. В этих условиях часть активистов решила полностью отказаться от навязанного «цветного» колониального самосознания и принять койсанскую идентичность. Новые городские койсаны мало чем отличаются от своих «цветных» сверстников и в большинстве своем не знают ни языка, ни культуры, ни обычаев койсанских народов. Смену идентичности во многих случаях можно рассматривать как форму политического протеста. Бороться за права в современной ЮАР можно куда более эффективно, если апеллировать к своей автохтонности, статусу первых людей Юга Африки.

Большинство койсанских активистов в своих политических взглядах воспроизвело многое из того, что присуще «цветному» сообществу ЮАР - дистанцирование от бантуязычного африканского большинства, ловушка идентичности (мы недостаточно белые и недостаточно черные) и, как следствие, запрос на самоопределение и эксклюзивный статус. Койсанская политическая повестка состоит из четырех основных требований - официальное признание койкой и сан, политическое представительство, осуществление земельной реформы с учетом интересов койсан и предоставление статуса первой нации.

Правительство ЮАР, более четверти века преимущественно сфокусированное на проблемах бантуязычного большинства страны, в последние годы начало обращать внимание на сравнительно немногочисленное, но громкое койсанское движение. В этом ключе можно рассматривать недавнее государственное признание ряда койсанских организаций, а также выделение языков *койкой* и *сан* в отдельную категорию в переписи 2022 г. Скорее всего, в будущем эта практика будет распространена и на другие формы государственной классификации. Весьма вероятно, что интересы койсан будут также учтены в рамках планируемой земельной реформы. Едва ли правительство ЮАР захочет быть обвиненным в дискриминации прав аборигенов. Гораздо сложнее обстоит дело с предоставлением койсанам требуемого статуса первой нации. Этот шаг в корне противоречил бы panafricanской парадигме АНК и представлял бы бантуязычное большинство страны «пришлым агрессором», мало отличимым от европейских колонистов.

¹⁸ Комплекс *Union Buildings* включает несколько больших зданий, в которых размещаются штаб-квартира правительства и офисы команды президента (*прим. ред.*).

В этих условиях руководство ЮАР, скорее всего, будет стремиться найти альтернативный компромиссный вариант, который бы учитывал интересы всех сторон. Данные переписи-2022 покажут, какое количество южноафриканцев идентифицируют себя как койкой и сан, что, на наш взгляд, позволит властям страны наметить дальнейшие шаги по повышению статуса этого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Afrikaans: Unisa vs AfriForum - The ConCourt judgment. <https://www.politicsweb.co.za/documents/afrikaans-unisa-vs-afriforum--the-concourt-judgment> (accessed 11.10.2021)
2. Andersen N. Gatvol Capetonian: Everything you need to know about the organization. *The South African*. 06.06.2018. <https://www.thesouthafrican.com/news/what-is-gatvol-capetonian/> (accessed 14.10.2021)
3. Besten M. "We are the original inhabitants of this land": Khoe-San identity in post-apartheid South Africa. *Adhikari M. (editor). Burdened by Race. Coloured identities in Southern Africa*. Cape Town: UCT Press, pp. 134-155.
4. Chambers D. Why the race question in this year's census will be a bit different. 27.03.2021. *Times Live*. <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2021-03-27-why-the-race-question-in-this-years-census-will-be-a-bit-different/> (accessed 15.10.2021)
5. de Wit E., Delpont W., Rugamika C.E. et al. 2010. Genome-wide analysis of the structure of the South African Coloured Population in the Western Cape. *Hum Genet.* № 128, pp. 145-153. DOI: 10.1007/S00439-010-0836-1
6. Güldemann T. 2014. 'Khoisan' linguistic classification today / Güldemann T. and Fehn A-M. (eds.) Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 1-41.
7. Hollfelder N., Erasmus J., Hammaren R. et al. 2020. Patterns of African and Asian admixture in the Afrikaner population of South Africa. *BMC Biol.* № 18. DOI: 10.1186/S12915-020-0746-1
8. Land audit report, 2017. https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201802/landauditreport13feb2018.pdf (accessed 11.10.2021)
9. Makinana A. First-nation status for Khoisan 'unsustainable'. *News24*. 27.11.2016.
10. Schlebusch C. 2010. Issues raised by use of ethnic-group names in genome study. *Nature*. № 464. DOI: 10.1038/464487A
11. Secorun L. South Africa's First Nations have been forgotten. *Foreign Policy*. 19.10.2018. <https://foreignpolicy.com/2018/10/19/south-africas-first-nations-have-been-forgotten-apartheid-khoisan-indigenous-rights-land-reform/> (accessed 11.10.2021)
12. Sharp J. Ethnogenesis and Ethnic Mobilization: A comparative Perspective on a South African Dilemma. *Wilmsen E.N. and McAllister P. (editors). The Politics of Difference. Ethnic Premises in a World of Power*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 85-103.
13. Verbuyst R. 2015. Claiming Cape Town. Ethnographic interpretations of Khoisan activism and land claims. Master Thesis. Leiden University/African Studies Centre.
14. Versluis J.M. Khoisan settlers refuse to move from the Union Building. *News24*. 27.07.2021.
15. Schuster S., Miller W., Ratan A. et al. 2010. Complete Khoisan and Bantu genomes from southern Africa. *Nature*. № 463, pp. 943-947. <https://doi.org/10.1038/nature08795> (accessed 03.11.2021)
16. Mohamed Adhikari. 2005. Not White Enough, Not Black Enough: Racial Identity in the South African Coloured Community. Ohio University Press.
17. Tempelhoff J.W.N. 2014. A first generation African community grappling with urbanisation: the views of Platfontein's San on water and sanitation service delivery. TD: *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*, 10 (4): 52-83.
18. Diamond J. 1999. *Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies*. N-Y: W.W.Norton.
19. van Rooyen J.S. The relationship between African Traditional Religion and Governance in South Africa. <https://scholar.ufs.ac.za/bitstream/handle/11660/10246/VanRooyenJS.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 25.06.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Салахетдинов Эльдар Рустамович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Eldar R. Salakhedinov, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 10.06.2022

Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта?

© Буяров Д.В.^а, 2022

^а Благовещенский государственный педагогический
университет, Благовещенск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8337-6817; buyarov_d@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается место и роль Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР в экономическом проекте Нового шелкового пути в контексте международных отношений Китая.

Значение СУАР для Китая в начале XXI в. возрастает благодаря его хозяйственно-экономическим и геостратегическим характеристикам. Экономическая стратегия Китая способствует его усилению в Центрально-Азиатском регионе и укрепляет позиции в сравнении с возможностями России и США. Для Китая это не только стремление к достижению внешнеэкономических целей, но и возможность снижения рисков террористической угрозы. Синьцзян становится не только плацдармом новой экономической политики КНР в Центральной Азии, но и связующим звеном важного маршрута товаров, сырья и инвестиций от Тихого океана до Европы.

В то же время СУАР является зоной длительной нестабильности, выражающейся в развитии сепаратизма, терроризма и экстремизма. Действия китайских властей направлены на стабилизацию обстановки в автономном районе. Но иногда это достигается силовыми методами и противоречит этнорелигиозным традициям местного населения. Таким образом, СУАР как часть Нового шелкового пути характеризуется не только как перспективно развивающийся регион, но и представляет собой очаг значительного риска.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Синьцзян, Новый шелковый путь, уйгуры, экономическая политика, терроризм

Для цитирования: Буяров Д.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта? *Азия и Африка сегодня*. 2022 № 7. С. 31-39. DOI: 10.31857/S032150750016491-2

Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's international relations: A part of the New Silk Road or a hotbed of conflict?

© Dmitry V. Buyarov^a, 2022

^a Blagoveshchensk State Pedagogical
University, Blagoveshchensk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8337-6817; buyarov_d@mail.ru

Abstract. The article examines the place and role of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China in the economic project of the New Silk Road in the context of China's international relations. The importance of the XUAR for China at the beginning of the XXI century increases due to its economic and geostrategic characteristics. China's economic strategy contributes to its strengthening in the Central Asian region and strengthens its position in comparison with the capabilities of Russia and the United States.

For China, this is not only a desire to achieve foreign economic goals, but also an opportunity to reduce the risks of the terrorist threat. Xinjiang is becoming not only a springboard for China's new economic policy in Central Asia, but also a link between the important route of goods, raw materials and investments from the Pacific Ocean to Europe. At the same time, the XUAR is a zone of long-term instability, which is expressed in the development of separatism, terrorism and extremism.

The actions of the Chinese authorities are aimed at stabilizing the situation in the autonomous region. But sometimes this is achieved by force and contradicts the ethno-religious traditions of the local population. Thus, XUAR, which is part of the New Silk Road, is characterized not only as a promisingly developing region, but also represents a hotbed of significant risk.

Keywords: China, Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR), Xinjiang, New Silk Road, Uyghurs, economic policy, terrorism

For citation: Dmitry V. Buyarov (Blagoveshchensk). Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's international relations: A part of the New Silk Road or a hotbed of conflict? *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 31-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016491-2

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. Китай стал играть все более значимую роль в мире. Перспективы усиления КНР стали вызывать некоторую озабоченность в странах Центральной Азии и на Западе. В июле 2011 г. госсекретарь США Х.Клинтон объявила о Стратегии Нового шелкового пути. В сентябре того же года в Нью-Йорке состоялась встреча высокопоставленных официальных лиц по иностранным делам из ряда стран, на которой была поддержана концепция «Нового шелкового пути» в Центральной Азии. В свою очередь, Х.Клинтон отметила, что экономическое развитие создаст перспективы для местного населения и станет альтернативой их сотрудничеству с боевиками (повстанцами) [1].

Заявления руководства США стали реакцией на реально происходившие события. Как отмечает отечественный китаевед, профессор А.В.Островский, «В 2005 г. Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан начали реализацию региональной программы, призванной возродить Великий шелковый путь» [2, с. 210].

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в Астане, в которой предложил стратегию «Экономического пояса Шелкового пути». По его словам, это должно было способствовать экономическим и культурным связям на Евразийском континенте, особенно торговым и инвестиционным, а также развитию инфраструктуры [3]. При этом он предложил строительство единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря.

В октябре 2013 г., выступая в парламенте Индонезии и на сессии АСЕАН, Си Цзиньпин выдвинул концепцию общей судьбы КНР и АСЕАН, а также создания «Морского шелкового пути XXI века». В октябре 2014 г. в Пекине был подписан меморандум о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, возглавляемого Китаем, для реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути, включая его морской маршрут. Уставные капиталы Азиатского банка и Фонда Шелкового пути составили \$100 и \$40 млрд, соответственно.

Предложение Си Цзиньпина было направлено на усиление китайского влияния в Центральной Азии, которое должно было конкурировать или, по крайней мере, уравнивать американскую концепцию, предложенную ранее Х.Клинтон.

По словам китайских специалистов, термин «Шелковый путь» не только может вызывать теплые чувства за пределами Китая, но также способствует росту энтузиазма внутри страны, поскольку он затрагивает воспоминания о былом величии и его новых возможностях, что в целом сможет снова поставить Китай в центр мира [4]. Выступая в Астане Си Цзиньпин предостерег также от угроз терроризма, экстремизма и сепаратизма как причин повышенного внимания к экономическому развитию Синьцзяна и Центральной Азии.

В 1990-2000-е гг. Афганистан был не единственным очагом нестабильности в регионе. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР также имели место инциденты, связанные с применением насилия, обусловленные сепаратизмом, терроризмом и недовольством, вызванным рядом внутренних и внешних факторов.

СУАР И НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В экономическом проекте Нового шелкового пути Синьцзян-Уйгурскому автономному району отводится одна из ключевых ролей.

Район отличается достаточно выгодное географическое положение. Кроме того, Синьцзян имеет как туристическую инфраструктуру, так и аграрную и промышленную базу для развития внешнеэкономических контактов [5, с. 16-21]. Сухопутные пути КНР на Запад проходят, в основном, через Синьцзян, который за последние 10 лет превратился во внешнеэкономический хаб Центральной Азии¹.

Постепенно этот автономный район стал плацдармом Китая для проникновения не только в Центральную, но и в Южную и Западную Азию. Основным приоритетом стало развитие 3 транспортных маршрутов через Синьцзян. Согласно заявлениям китайского правительства, СУАР играет и будет играть важную роль в проекте «Один пояс - один путь» (ОПОП) не только в качестве транспортного узла, но и как центр коммерческой логистики, а также центр развития туризма, культуры, науки и образования и медицинского обслуживания [6].

---

¹ В географическом и этнокультурном контексте к региону Центральная Азия относятся не только пять постсоветских республик (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан), но Синьцзян. СУАР связан со странами Центральной Азии в культурном, национальном, а в последние десятилетия - и в экономическом плане.

За последние 20 лет аграрно-промышленная база СУАР получила значительное развитие, и для стран Центральной Азии этот регион превратился в своего рода «промышленную мастерскую» (Синьцзян экспортирует не только одежду и обувь, но и электромеханические изделия)². Здесь существует относительно развитая туристическая инфраструктура, в т.ч. для шоп-туризма. На границах СУАР работает 29 контрольно-пропускных коридоров, из которых 17 имеют статус «открытых районов государственного значения». В пределах Синьцзяна функционирует 8 районов с особым налоговым режимом, созданы свободные экономические зоны в Хоргосе и Кашгаре и экспортно-импортный район в Урумчи.

Одним из показателей экономического роста являются объемы внешнеторгового оборота провинции. Совокупный товарооборот СУАР за 2019 г. составил более 164 млрд юаней (около \$23,4 млрд), из них экспорт - 125 млрд и импорт - 39 млрд юаней. По сравнению с 2018 г. внешнеторговый оборот Синьцзяна увеличился на 31%. Примечательно, что значительную долю в экспорте СУАР (около 30,7 млрд юаней) составили электромеханические изделия [7]. При этом следует отметить, что экономическое развитие региона замедлилось в условиях пандемии COVID-19. Из-за закрытия границ снизился товарооборот СУАР, составивший в 2020 г. 148 млрд юаней (\$20,7 млрд) [8].

В целом успешной экономической политике стала мешать сложная этнополитическая обстановка в регионе. Синьцзян традиционно был одной из самых беспокойных провинций Китая, что обусловлено этно-религиозными, культурно-историческими и социально-экономическими противоречиями между коренным тюркоязычным населением, среди которого преобладают уйгуры, и ханьцами. В результате беспорядков, произошедших 5 июля 2009 г., по официальным китайским оценкам, погибли 197 человек. После июльских событий был принят ряд мер, направленных на обеспечение стабильности, большинство из которых были сосредоточены на улучшении экономических показателей. В 2010 г. в г. Кашгар, центре уйгурской культуры и истории, была создана особая экономическая зона. Целью властей было превратить Кашгар в крупный транспортный узел, открыв рынки в Центральной Азии и за ее пределами, а также поощрить инвесторов и предпринимателей [9].

Одним из факторов, способствовавших росту недовольства, стала смена политического руководства. В апреле 2010 г. первым секретарем КПК СУАР стал ханец Чжан Чуньсянь. Он настолько укрепил свое положение, что его стали называть «королем Синьцзяна». Чжан принял ряд мер по консолидации местной политической элиты, отменил некоторые ограничения, например, запрет на использование Интернета и др. Однако он не смог предотвратить новых беспорядков.

В сентябре того же года прошла демонстрация, в которой, в основном, приняли участие ханьцы, с требованием его отставки. Хотя события, аналогичные тем, что произошли в июле 2009 г., не повторялись, но беспорядки и инциденты насилия по-прежнему имели место. Широкую огласку получило убийство 74-летнего уйгурского имама Абдурехима Даомалла в августе 2013 г. Абдурехим был заместителем председателя Исламской ассоциации города Турфана, связанной с правительством и осуждавшей сепаратизм и терроризм [10].

Убийцами были радикально настроенные уйгуры, обвинявшие часть высшего мусульманского духовенства в «предательстве» по отношению к своей этнической группе. В конце апреля 2014 г. на железнодорожной станции в Урумчи произошло нападение террориста-смертника, в результате которого три человека погибли и было много раненых. Что еще больше усугубило этот инцидент в глазах властей, так это то, что он произошел в течение нескольких часов после того, как Си Цзиньпин завершил инспекционную поездку в Синьцзян.

Акция, похоже, была задумана как преднамеренное и прямое оскорбление его власти и легитимности в глазах уйгуров. За первую половину 2014 г. жертвами конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе стало более 200 человек, в т.ч. и из-за ограничений по поводу Рамадана³. Продолжением этих событий стало убийство 30 июля того же года имама Джума Тахира, который в своих проповедях поддерживал власти КНР [25].

Террористические акты с участием уйгуров происходили и за пределами Синьцзяна: один из них - 28 октября 2013 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине, когда уйгур на джипе намеренно врезался в толпу туристов; другой - 1 марта 2014 г., когда 10 уйгурских сепаратистов, нападавшие с ножами на железнодорожной станции Куньмин, убили 31 и ранили 143 человека (подробнее см.: [23]).

В середине 2000-х гг. Китай втягивается в волну исламского терроризма, который еще раньше затронул страны Ближнего Востока, Африку, Индию, Индонезию. В своей речи в Мосуле 4 июля 2014 г. лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади включил Китай в число стран, где «права мусульман были насильственно попораны».

² Например, в СУАР открыто 7 автомобильных заводов, которые поставляют в центральноазиатские республики около 20 тыс. автомашин в год. См. подр.: <http://russian.people.com.cn/31518/8045861.html> (accessed 06.08.2021)

³ В Синьцзяне погибли 50 человек. *Коммерсант*, 26.09.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2576890> (accessed 01.09.2021)

В самом Синьцзяне в это время увеличивалось число сочувствующих мусульманским террористам. Вполне естественно, что это способствовало активизации борьбы с экстремизмом и терроризмом в СУАР. Крупные проявления терроризма в Синьцзяне и за его пределами вновь привели к кадровым перестановкам. В 2016 г. Си Цзиньпин снял Чжана с должности главы КПК СУАР, и главой партийного комитета КПК СУАР был назначен ханец Чэнь Цюаньго. «Железный Чэнь», как его прозвали, стал осуществлять весьма жесткую политику по наведению порядка в провинции. Превентивные правоохранительные действия в отношении уйгуров, казахов и других национальных меньшинств дали свои результаты. В СУАР не было больше таких крупных терактов и беспорядков, как до назначения Цюаньго. Но сама проблема «трех зол» - терроризма, экстремизма и сепаратизма - сохранилась.

Ключевым источником разногласий в Синьцзяне всегда был демографический фактор. Начиная с 1949 г. численность ханьцев в регионе возростала значительным образом. Между переписями 1953 и 1982 гг. соотношение ханьцев ко всему населению Синьцзяна выросло с 6,1% до 40,4% [11, pp. 247-248]. Хотя фактическая доля ханьцев в СУАР была более или менее стабильной с начала 1980-х гг., но культурное и экономическое влияние этой этнической группы, титульной нации в Китае, изменило Синьцзян, породив негативные настроения среди уйгуров.

По данным переписи 2010 г., численность населения СУАР составляла 21,8 млн человек. Наиболее представительная этническая группа - это уйгуры, 46,42% (около 10,13 млн), за ними следовали ханьцы с 38,99% (около 8,51 млн), казахи и хуэй⁴ занимали 3-е и 4-е места, соответственно, - 7,02% и 4,5%, или, в абсолютных цифрах, чуть более 1,5 млн казахов и чуть менее 1 млн хуэй⁵.

Согласно 7-й общенациональной переписи 2020 г., численность населения СУАР достигла 25,85 млн человек, из которых представители хань составили 42,24%, а национальные меньшинства - 57,76%, из них 44,96% - уйгуры⁶.

С одной стороны, этнический состав населения региона делает СУАР привлекательнее в качестве форпоста на экономическом поясе «Шелкового пути». Основными контрагентами шоп-туристов из стран Центральной Азии являются местные уйгуры и казахи, с которыми им проще найти общий язык. С другой стороны, часть мусульманского тюркоязычного населения Синьцзяна вызывает опасения у Пекина своими радикальными настроениями.

СИНЬЦЗЯН И ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ЗАПАДОМ

Сочетание исламской культуры и развитие сепаратизма среди уйгуров превратило Синьцзян в настоящую проблему для международных отношений Китая. Особенно остро этот вопрос встал в начале 2000-х гг.

Наиболее влиятельной зарубежной уйгурской организацией является Всемирный конгресс уйгуров (ВУК). Созданный на конференции в Мюнхене в 2004 г., конгресс представлял собой коалицию антикитайских объединений-диаспор, которые, согласно официальным заявлениям, стремились добиваться национального самоопределения Синьцзяна⁷.

Лидер ВУК Рабия Кадир пыталась формировать в западных странах позитивное общественное мнение в отношении движения уйгуров за независимость. И в поисках новой поддержки она посетила Австралию в августе 2009 г., чтобы присутствовать на премьере документального фильма «10 условий любви», который был снят о ее биографии и антикитайской борьбе. Фильм был показан на Мельбурнском кинофестивале вопреки резкому противодействию китайских властей. Так, англоязычная газета *China Daily* отмечала, что, «предоставив Кадир платформу для антикитайской сепаратистской деятельности, Канберра приняла сторону террористов»⁸. Р.Кадир продолжает жить в Вашингтоне и время от времени делает антикитайские заявления.

Примечательно, что позиция США по отношению к проблеме Синьцзяна не является неизменной. Постепенно США начали менять свое отношение к событиям в СУАР. Если в начале 2000-х гг. Вашингтон без-

⁴ Хуэй - одно из 56 официально признанных национальных меньшинств КНР. В течение многих веков исповедует ислам (ханафитского толка) и является носителем исламского культурного наследия (*прим. ред.*).

⁵ Xinjiang Yining Urban Transport Improvement Project. The World Bank. <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P126454> (accessed 06.08.2021)

⁶ Численность населения Синьцзяна увеличилась на 18,52% за последние 10 лет. http://russian.news.cn/2021-06/14/c_1310007142.htm (accessed 06.08.2021)

⁷ World Uyghur Congress. <https://www.uyghurcongress.org/en/introducing-the-world-uyghur-congress/> (accessed 07.08.2021)

⁸ Australia's choice. *China Daily*, 19 August 2009. P. 8. http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2009-08/19/content_8586007.htm (accessed 08.08.2021)

оговорочно возлагал всю вину на Пекин, обвиняя его едва ли не в этническом геноциде⁹, то позже его официальные представители изменили свое отношение к акциям боевиков в Синьцзяне. Так, в ответ на инцидент, произошедший в мае 2014 г. на рынке Урумчи, пресс-секретарь Белого дома Джей Карни опубликовал заявление, начинавшееся с того, что США осуждают террористический акт в Синьцзяне. В частности, он отметил: «Это отвратительный и возмутительный акт насилия в отношении ни в чем не повинных гражданских лиц, и Соединенные Штаты решительно выступают против всех форм терроризма» [12]. В период правления Б.Обамы отношения двух стран несколько стабилизировались. Но встречи Си Цзиньпина с Б.Обамой не сняли противоречий между Пекином и Вашингтоном.

С приходом Д.Трампа отношения США и КНР ухудшились. Официальный визит госсекретаря М.Помпео в Казахстан и Узбекистан в начале февраля 2020 г. только подтвердил это. Это был первый визит высокопоставленного американского дипломата в эти страны за 5 лет, и он почти полностью был сосредоточен на Китае. Помпео призвал страны Центральной Азии опасаться китайских инвестиций и призвал их громче выступить против политики Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [13].

Отношения США и КНР, по сути, переросли в торговую войну, что, однако, положительно сказалось на возможностях СУАР с его свободными экономическими зонами и трансграничной инфраструктурой. Администрация Дж.Байдена вновь стала указывать на «растущую агрессию» Китая (внутреннюю борьбу с экстремизмом и международную экономическую активность) и стремиться к созданию союза с Европой и другими своими традиционными партнерами. Многие из союзников США охотно подыгрывали Вашингтону. Например, в этом направлении лидирует Австралия, премьер-министр которой С.Моррисон заявил, что, по его мнению, Новый шелковый путь «не отвечает национальным интересам Австралии» [14].

В то же время Европейский Союз и, в частности, Германия стараются вести себя более самостоятельно. Китай является крупнейшим торговым партнером ЕС с общим объемом в \$586 млрд, по данным на 2020 г.¹⁰ В декабре 2020 г. канцлер Германии А.Меркель привела ЕС к подписанию масштабного инвестиционного соглашения между ЕС и Китаем. Вероятно, это был некий апогей в отношении между ЕС и КНР. Однако вскоре создание «центров по перевоспитанию» в Синьцзяне и усиление Пекином мер административного контроля в Гонконге привели к ухудшению отношений. В мае 2021 г. Европейский парламент ратифицировал это инвестиционное соглашение с Китаем, были введены санкции против китайских чиновников из-за «центров по перевоспитанию» в СУАР.

22 февраля 2021 г. Канада стала второй страной после США, признавшей действия Китая против уйгуров в Синьцзяне «геноцидом». Парламент Нидерландов принял аналогичное решение 25 февраля 2021 г. [15].

ГОСУДАРСТВА, ГРАНИЧАЩИЕ С СУАР

Самые протяженные границы у Синьцзяна - с Монголией и Казахстаном. Также СУАР граничит с Кыргызстаном, Таджикистаном, Россией, Афганистаном, Пакистаном и Индией.

Нужно признать, что в двусторонних отношениях России и Китая, а также Монголии и Китая, Синьцзян не играет сколько-нибудь значительной роли. На официальном уровне в Москве событиям в СУАР не уделяется внимания, а инциденты, происходящие в автономном районе, в российских СМИ замалчиваются, чтобы не подвергать сомнению отношения стратегического партнерства двух стран.

Что касается Пакистана, он традиционно поддерживал хорошие отношения с Китаем, но в то же время являлся ареной исламистских настроений [16, р. 27]. С 2011 г. произошло несколько инцидентов, которые оказали негативное воздействие на отношения Пакистана и США. Среди них - убийство лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена в мае 2011 г. на территории Пакистана без согласования с местным правительством и нанесение авиаудара по подразделению пакистанских солдат [17, р. 8]. Это, безусловно, сблизило Пакистан и КНР. В свою очередь, Китай делает все возможное для поддержания тесных отношений с Пакистаном. Экономические отношения двух стран в последнее время расширились. Китай также активно инвестирует в инфраструктуру Пакистана, основным примером чего является порт в Гвадаре на юго-западе Пакистана. Для Китая через этот порт пролегает короткий путь к богатым нефтью ближневосточным странам.

Во время визита в Пакистан в мае 2013 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян официально выдвинул идею китайско-пакистанского экономического коридора, связывающего Кашгар в Синьцзяне с Гвадаром, откры-

⁹ US State Department accusation of China 'genocide' relied on data abuse and baseless claims by far-right ideologue. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cebel/eng/zt/xinjiangEN1/t1860060.htm> (accessed 10.11.2021)

¹⁰ Китай стал крупнейшим торговым партнером ЕС. *Коммерсант*, 16.02.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4692754> (accessed 01.09.2021)

вающего потенциал для крупных торговых и энергетических поставок между Китаем, Ближним Востоком и Африкой [16, р. 28]. Создание китайско-пакистанского экономического коридора длиной в 3000 км оценивается в \$60 млрд.

Однако этническая обстановка в СУАР влияет на отношения Китая с Пакистаном. Некоторые уйгуры, причастные к терроризму и боевым действиям в Афганистане, нашли убежище в Пакистане, в то время как другие прошли подготовку в Пакистане, чтобы принять участие в «джихаде» против китайского государства. Когда в июле 2011 г. в Кашгаре вспыхнуло насилие, китайские власти утверждали, что лидер одного из главных инцидентов проходил подготовку в Пакистане [17].

Как бы то ни было, инцидент в целом не повредил китайско-пакистанским отношениям. Пакистан отрицал какие-либо связи с уйгурскими террористами. По словам американского антрополога и эксперта по Центральной Азии из университета Джорджа Вашингтона Шона Робертса, правительство Пакистана настаивало на том, что оно поможет КНР в решении проблемы, с которой она столкнулась [18, р. 16].

Обращаясь к Центральной Азии, следует отметить, что одной из ключевых тенденций в регионе является распространение экономического и стратегического влияния Китая. Как и в случае с Монголией, это обычно приветствуется в официальной государственной политике центральноазиатских стран. Но иногда в общественном мнении возникают опасения по отношению к КНР и ханьцам. Так, например, в Казахстане в 2019 г. прокатились массовые протесты против строительства китайских заводов [24].

Как показывает анализ французского историка и политолога Марлен Ларюэль, посвященный современной ситуации в Центральной Азии, можно говорить о том, что в этом регионе синофилия и синофобия идут рука об руку [19, р. 192]. Происходит тихое, но значительное продвижение Китая в Центральной Азии, в котором роль Синьцзяна имеет решающее значение. Хотя экономическое продвижение Китая в Центральной Азию носит многоплановый характер, его основное внимание уделяется обеспечению ресурсами и энергией. В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин совершил визит в регион, в ходе которого было подписано 47 сделок (по предоставлению китайских кредитов и поставок центрально-азиатских энергоресурсов) на сумму более \$60 млрд¹¹.

Несмотря на снижение товарооборота с \$46,4 млрд в 2019 г. до \$38,6 млрд в 2020 г. КНР продолжает оставаться ведущим торговым партнером для центральноазиатских стран¹². Хотя на ЦА приходится 0,8% китайского импорта и 0,9% экспорта, зависимость региона от Китая растет. В настоящее время на долю КНР приходится около 22% всего экспорта из Центральной Азии и 37% их импорта. Таким образом, страны Центральной Азии находятся в асимметрично зависимых торговых отношениях с Китаем [13].

В развитии проекта Нового шелкового пути определенную роль играет и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Одной из главных причин создания ШОС было предотвращение распространения исламистского влияния и терроризма, а также трансграничная перевозка наркотиков. В составе ШОС была организована Региональная антитеррористическая структура (РАТС), базирующаяся в Ташкенте. ШОС была создана в июне 2001 г., т.е. за несколько месяцев до теракта 11/9, что свидетельствует о том, что страны региона были хорошо осведомлены об опасных тенденциях терроризма в регионе.

Одной из причин беспорядков в июле 2009 г. в СУАР Китай назвал вмешательство извне, в т.ч. из Центральной Азии. В 2013 г. РАТС создала специальное подразделение для оказания помощи Китаю в борьбе с терроризмом в Синьцзяне.

Директор исполнительного комитета РАТС Чжан Синьфэн обосновал решение о коллективных действиях по всей Центральной Азии следующим образом: «Террористические нападения в Синьцзяне тесно связаны с деятельностью террористических, сепаратистских и экстремистских сил в Центральной Азии, поэтому совместные антитеррористические усилия стран-членов имеют решающее значение для стабильности Китая в долгосрочной перспективе» [20]. Хотя Китай, в целом, избегает вмешательства во внутреннюю политику других стран, он использовал ШОС, стремясь оказать давление на правительства Казахстана и Кыргызстана, чтобы они закрыли уйгурские политические партии и газеты [21].

Нужно признать, что некоторый ущерб репутации Китая в Центральной Азии нанесла национальная политика Пекина в Синьцзяне. Ограничения по отношению к ортодоксальным мусульманам в Китае возмущают религиозно настроенную и малообразованную часть населения Центральной Азии. Они считают, что китайцы (ханьцы) видят во всех мусульманах и тюркских народах источник терроризма и экстремизма. В Центральной Азии имеет место распространение слухов и ложной информации через социальные сети и приложения для обмена сообщениями о «жестоких преследованиях» мусульман в Синьцзяне [13].

¹¹ КНР прокладывает новый Шелковый путь в Азии. https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131022_china_central_asia_silk_road (accessed 01.09.2021)

¹² Китай и Центральная Азия: новый формат партнерства открывает дополнительные возможности для сотрудничества и развития региона. <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0514/c95181-9850039.html> (accessed 15.09.2021)

На сегодняшний день около 1,5 млн казахов, 200 тыс. киргизов, 50 тыс. сарыкольцев и ваханцев, близких к таджикам, и 18 тыс. узбеков проживают в СУАР. Среди задержанных и отправленных в «центры по перевоспитанию» в Китае есть также выходцы из Казахстана и Кыргызстана. Их родственники уже несколько лет проводят пикеты у посольств Китая в Нур-Султане и Бишкеке. Хотя антикитайские протесты периодически вспыхивают в разных городах Казахстана и Киргизии, говорить о всеобщей синофобии еще рано [13]. Можно говорить о том, что страны Центральной Азии в некоторой степени настороженно относятся к расширению влияния Китая, опасаясь его доминирования. Постепенно Китай становится самым влиятельным игроком в Центральной Азии. И в этой связи Новый шелковый путь способствует как экономическому развитию региона, так и укреплению позиций КНР.

СИНЬЦЗЯН И ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ТУРЦИЕЙ

Уйгуры являются тюрками, и ситуация в Синьцзяне вызывает озабоченность Анкары. Интересным представляется исторический факт, что именно в Кашгаре (южный Синьцзян) правитель из династии Караханидов Сатук Бугра-хан стал первым правителем среди тюркских народов, принявшим ислам в X в. Но интересы Турции в Центрально-азиатском регионе (ЦАР) находятся не только в сфере этнокультурных традиций. Усиление Китая в качестве основного интегратора в ЦАР, конечно же, не могло не вызвать обеспокоенности со стороны турецкого правительства.

По сути, отношения Турции с Китаем стали напряженными начиная с июля 2009 г., но с тех пор они значительно улучшились. Реакция Анкары на подавление беспорядков в Синьцзяне была очень негативной. Тогда премьер-министр Р.Т.Эрдоган заявил, что «происходящее в Китае является своего рода геноцидом»¹³. В то же время экономика играет большую роль в отношениях двух стран. В 2011 г. товарооборот составил \$24 млрд, из которых \$21,5 млрд пришлось на китайские товары. В 2020 г. товарооборот Турции и Китая вырос до \$26 млрд¹⁴.

Китай заинтересован в инвестировании в турецкие инфраструктурные проекты, такие как канал, который в 2027 г. соединит Черное и Мраморное моря. В 2012 г. Эрдоган посетил СУАР и получил согласие Китая на создание торговой зоны в Урумчи. Однако в этом нет ничего необычного или противоречащего интересам Китая. В то же время представители международного уйгурского движения восприняли это с чрезмерным энтузиазмом, наделив турецкого лидера эпитетом «защитника уйгуров». Однако не стоит забывать, что на сегодняшний день в переговорах с китайским правительством для Турции важнее не проблема Синьцзяна, а дальнейшее развитие торговых отношений с Китаем [26].

На сегодняшний день в Турции проживает около 50 тыс. уйгуров¹⁵. В январе 2021 г. после нескольких месяцев протестов турецких уйгуров у консульства КНР в Стамбуле, пытавшихся получить информацию о пропавших без вести в Китае членах их семей, полиция запретила их собрания из-за опасений по поводу общественной безопасности, а также в целях предотвращения распространения COVID-19 [15].

Отметим, что еще в июле 2019 г. Эрдоган заявил: «Счастливая жизнь, процветание и счастье всех народов в китайском Синьцзяне является свершившимся фактом, турецкая сторона не позволит никому разжечь вражду между Китаем и Турцией»¹⁶. Таким образом, турецкие власти не идут на открытую конфронтацию с Китаем, при этом иногда делают критические заявления, но в целом поддерживают партнерские отношения. Безусловно, Турция заинтересована в проекте Нового шелкового пути и не станет подвергать риску собственные экономические интересы, поддерживая националистическое движение части уйгуров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди наиболее важных международных тенденций в 2000-е гг. следует выделить беспрецедентный экономический рост Китая. На сегодняшний день более 60 стран, в которых проживает 2/3 населения мира, включились в проект Нового шелкового пути или проявили к нему интерес. В рамках проекта Китай уже потратил около \$200 млрд и, согласно прогнозам, к 2027 г. его инвестиции составят более \$1,2 трлн [22].

¹³ Turkish PM Erdogan likens Xinjiang violence to genocide // France 24 International News. <https://www.france24.com/en/20090710-turkish-pm-erdogan-xinjiang-violence-genocide-turkey-uyghurs-han-trade-beijing-china> (accessed 20.08.2021)

¹⁴ Турция и Китай наращивают торговлю за счет железных дорог. <https://vestikavkaza.ru/articles/turcia-i-kitaj-narativaut-torgovlu-za-scet-zeleznyh-dorog.html> (accessed 20.08.2021)

¹⁵ Uyghurs in Turkey welcome U.S. boycott of Olympics. <https://www.reuters.com/lifestyle/sports/uyghurs-turkey-welcome-us-boycott-olympics-2021-12-07/> (accessed 07.12.2021)

¹⁶ Все народы в Синьцзяне живут счастливо - Эрдоган. *Sputnik Казахстан*. <https://ru.sputnik.kz/20190702/erdogan-sinczyan-narody-10802954.html> (accessed 12.12.2021)

СУАР как часть КНР также вносит свой вклад в изменение баланса сил, который благоприятствует Китаю по сравнению с США и Россией, прежде всего, в том, что касается Пакистана, Центрально-Азиатского региона и Турции. Существует потенциальная напряженность между Китаем и Турцией, на которую рассчитывает часть уйгуров Синьцзяна, но в настоящее время сотрудничество и стабильные двусторонние отношения в большей степени отвечают интересам обеих стран.

Сухопутная часть Нового шелкового пути достаточно важна для КНР, поскольку позволяет частично решить проблему зависимости от морских коммуникаций с их издержками и угрозой, создаваемой США в Восточно-Китайском и Южном-Китайском морях. При этом для сохранения стабильности сухопутного участка будет необходим контроль над радикально настроенными уйгурскими организациями.

По официальным заявлениям Пекина, Синьцзян - «ключевое поле битвы в борьбе с терроризмом в Китае»¹⁷. В последние годы под опекой и при поддержке центрального правительства СУАР наладил механизмы сотрудничества с соседними странами по борьбе с терроризмом в приграничных районах и между правоохранительными органами. Прагматические обмены и сотрудничество осуществлялись в сфере разведки, совместного пограничного контроля, расследования и поимки подозреваемых террористов, прекращения финансирования терроризма, пресечения терроризма в киберпространстве и транснациональных преступлений, судебной помощи и трансграничной нефтегазовой деятельности¹⁸.

Специфическое положение Синьцзян-Уйгурского автономного района на Новом шелковом пути не только способствует его превращению в важнейшее место для транзита товаров, сырья, капиталов и организации производства, но и создает трансграничные риски в условиях возможных терактов уйгурских боевиков.

Этнические и религиозные разногласия в Синьцзяне по-прежнему серьезны. Исламистское давление все еще присутствует в Центральной Азии и усиливается на Среднем Востоке. Это, в свою очередь, может способствовать росту нестабильности в самом СУАР. Необходимость подавления терроризма и религиозного экстремизма сопровождается силовыми мерами, которые, вероятно, будут по-прежнему использоваться западными странами для пропагандистских выпадов против КНР. Однако они, скорее всего, представляют собой различные экономические интересы. Сложно поверить, что западные державы или какие-либо другие страны будут рисковать экономическими преимуществами в Синьцзяне ради критики национальной политики КНР. В конце концов, и Запад, и Китай разделяют враждебность к исламизму.

Шелковый путь и Синьцзян как зона конфликта в Центральной Азии могут быть в некотором роде противоположностями, но они не являются взаимоисключающими друг друга реалиями.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Swami P. 2011. India backs New Silk Road in Central Asia. *The Hindu*, 24 September. <https://www.thehindu.com/news/national/india-backs-new-silk-road-in-central-asia/article2480058.ece> (accessed 01.08.2021)
2. Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян - горизонты нового Шелкового пути. М.: «Издательство МБА», 2016, с. 210. Bazhenova E.S, Ostrovskiy A.V. 2016. Xinjiang - Horizons of the New Silk Road. Moscow. P. 210. (In Russ.)
3. 习近平. 2013. 弘扬人民友谊共创美好未来. (Xi Jinping. Develop friendship between peoples, jointly create a wonderful future). (In Chin.). http://www.wrsa.net/content_40747541.htm (accessed 12.09.2021)
4. Brown K. 2014. The New Silk Road: China Reclaims Its Crown. *The Diplomat*, 18 November 2014. <http://thediplomat.com/2014/11/the-new-silk-road-china-reclaims-its-crown> (accessed 10.08.2021)
5. Буяров Д.В. Синьцзян и экономический пояс на Шелковом пути. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX международной научно-практической конференции*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. с. 16-21. Buyarov D.V. 2019. Xinjiang and the economic belt on the Silk Road. *Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Blagoveshchensk. Pp. 16-21 (In Russ.)
6. 谭衷. 2020. 解码西部大开发再升级. (Tang Zhong. Western Region Development and Modernization) (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/2020-06/18/c_1126129678.htm (accessed 03.08.2021)
7. 中国统计年鉴-2020. (China Statistical Yearbook) (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (accessed 01.10.2021)
8. 中国统计年鉴-2021: (China Statistical Yearbook) (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (accessed 01.11.2021)
9. Patience M. 2012. Will development bring stability to restive Xinjiang city of Kashgar? *BBC News, China*, 16 August 2012. <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-19264601> (accessed 04.08.2021)
10. Hoshur S., Vandenbrink R. 2013. Imam stabbed to death after supporting crackdown against Uyghurs. *Radio Free Asia*, 16 August. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/imam-08162013200309.html> (accessed 05.08.2021)

¹⁷ Борьба с терроризмом и превентивные репрессии. Меняющаяся стратегия Китая в Синьцзяне. <https://www.caa-network.org/archives/19076> (accessed 10.12.2021)

¹⁸ The Fight against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2019/03/18/content_281476567813306.htm (accessed 23.08.2021)

11. Starr S.F. 2004. Xinjiang. China Muslim Borderland. Armonk, New-York: M.E. Sharpe. Pp. 247-248.
12. Carney J. 2014. Statement by Press Secretary Jay Carney on terrorist attack in China. The White House. 22 May. <https://obama.whitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/05/22/statement-press-secretary-jay-carney-terrorist-attack-china> (accessed 08.08.2021)
13. Umarov T. 2020. China Looms Large in Central Asia. <https://carnegie.ru/commentary/81402> (accessed 08.08.2021)
14. Coonan C. 2021. Opinion: China's New Silk Road is full of potholes. <https://www.dw.com/en/opinion-chinas-new-silk-road-is-full-of-potholes/a-57427475> (accessed 18.09.2021)
15. Kashgarian A., Sahinkaya E. 2021. Turkey Cracks Down on Uighur Protesters After China Complains. <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/turkey-cracks-down-uighur-protesters-after-china-complains> (accessed 10.08.2021)
16. Siddique Q. 2014. Deeper than the Indian Ocean? An analysis of Pakistan-China relations. *SISA Report* № 16, Oslo: SISA Centre for International and Strategic Analysis. P. 27. <https://silo.tips/download/sisa-report-no-deeper-than-the-indian-ocean-an-analysis-of-pakistan-china-relati> (accessed 10.08.2021)
17. Wines M. 2011. China Blames Foreign-Trained Separatists for Attacks in Xinjiang. *The New York Times*, 1 August 2011. <http://www.nytimes.com/2011/08/02/world/asia/02china.html>. (accessed 14.08.2021)
18. Roberts S. 2012. Imaginary Terrorism? The Global War on Terror and the Narrative of the Uyghur Terrorist Threat. Washington, D.C.: The Institute for European, Russian and Eurasian Studies, Elliott School of International Affairs, The George Washington University. P. 16. https://www.researchgate.net/publication/272998379_Imaginary_Terrorism_The_Global_War_on_Terror_and_the_Narrative_of_the_Uyghur_Terrorist_Threat (accessed 25.08.2021)
19. Laruelle M., Peyrouse S. 2012. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor. New-York: Columbia University Press, London: Hurst. P. 192. https://www.academia.edu/34356557/The_Chinese_Question_in_Central_Asia_Domestic_Order_Social_Changes_and_the_Chinese_Factor_London_New_York_Oxford_University_Press_and_Hurst_2012_co-authored_with_Sebastien_Peyrouse (accessed 12.10.2021)
20. Weitz R. 2014. The Shanghai Cooperation Organization: A Fading Star? *The Asian Forum: An Online Journal*, 2(6), November-December. <https://theasianforum.org/the-shanghai-cooperation-organization-a-fading-star/> (accessed 12.08.2021)
21. Su Mei Ooi, Trinkle K. 2015. China's New Silk Road and Its Impact on Xinjiang. <https://thediplomat.com/2015/03/chinas-new-silk-road-and-its-impact-on-xinjiang/> (accessed 15.08.2021)
22. Chatzky A., McBride J. 2020. China's Massive Belt and Road Initiative. <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed 20.08.2021)
23. Буяров Д.В. Проблема этнического терроризма и сепаратизма в современном Китае. *Современный Китай в условиях трансформации* / Отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 114-115.
Buyarov D.V. 2015. The problem of ethnic terrorism and separatism in modern China. *Modern China in the conditions of transformation* / Edited by D.V. Kuznetsov, D.V. Buyarov. Moscow. Pp. 114-115. (In Russ.)
24. Кулинцев Ю. Актуальны ли антикитайские протесты в Казахстане для российских интересов? Российский совет по международным делам, 4.10.2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktualny-li-antikitayskie-protesty-v-kazakhstan-dlya-rossiyskikh-interesov/> (accessed 10.09.2021)
Kulintsev Yu. 2019. Are anti-Chinese protests in Kazakhstan relevant to Russian interests? Russian Council for International Affairs. 4 October 2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktualny-li-antikitayskie-protesty-v-kazakhstan-dlya-rossiyskikh-interesov/> (accessed 10.09.2021) (In Russ.)
25. Demick B. 2014. Uighur imam who supported Chinese Communist Party is stabbed to death. *The Los Angeles Times*. <https://www.latimes.com/world/asia/la-fg-china-imam-killed-20140730-story.html> (accessed 12.09.2021)
26. Nury A. 2012. A Turkish Primer on Engaging Beijing. <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303513404577353272107433282> (accessed 12.11.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Буяров Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия.

Dmitry V. Buyarov, PhD (Philosophy), Associate Professor, Head, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.06.2022

Буркина Фасо: путч 2022 года

© Филиппов В.Р.^а, 2022

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0501-8528: fvr1957@mail.ru

Резюме. В июне 2021 г. наиболее авторитетные эксперты парижского Центра анализа, прогнозирования и стратегии направили президенту Франции аналитический доклад, в котором призвали его быть готовым к длительной дестабилизации в Африке и предупреждали, что грядущий мировой политический кризис может сломать хрупкие политические режимы в Сахеле и Центральной Африке. Этот прогноз оказался пророческим. Военный переворот в Мали в мае 2021 г. привел к свержению президента Б.Ндау. В сентябре произошел военный переворот в Гвинее, в ходе которого был задержан президент страны А.Конде.

В январе с.г. путч в Буркина Фасо закончился арестом президента М.Каборе.

С 2015 г. эта страна была вовлечена в спираль насилия, творимого в Африке джихадистскими группами. Её граждане все более явно демонстрировали недовольство неспособностью властных структур обеспечить безопасность населения и защитить людей от набегов исламистов, армия, в свою очередь, была возмущена плохим снабжением и некомпетентностью командования. Каборе не смог преодолеть политический кризис в стране. В результате военного переворота к власти пришли офицеры, которые продемонстрировали свои симпатии к России и российскому президенту. Эти политические ориентации нашли поддержку у граждан страны и стали очевидными в ходе массовых демонстраций в столице.

Участники столичных акций в поддержку нового руководства страны продемонстрировали неприятие африканской политики Франции. Париж резко осудил военный переворот в Буркина Фасо так же, как смену политических режимов в Мали и Гвинее. 17 февраля Елисейский дворец объявил о том, что Франция и ее партнеры по операции «Такуба» приняли решение о выводе войск с территории Сахеля. Напротив, сразу после переворота российская частная военная компания «Вагнер» заявила о своей готовности оказать содействие в модернизации буркенийской армии и содействовать укреплению обороноспособности страны.

Ключевые слова: Буркина Фасо, Франция, Россия, операция «Такуба», ЧВК «Вагнер», военный переворот, Каборе, Сандаого, Путин, Макрон

Для цитирования: Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40-47.
DOI: 10.31857/S032150750020974-3

Burkina Faso: Putsch 2022

© Vasilij R. Filippov^а, 2022

^а Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0501-8528: fvr1957@mail.ru

Abstract. In June 2021, the most authoritative experts of the Paris Center for Analysis, Forecasting and Strategy sent an analytical report to the President of France. In the report the experts urged him to be prepared for a prolonged destabilization in Africa and warned that the coming global political crisis could break the fragile political regimes in the Sahel and Central Africa. This prediction turned out to be prophetic. The military coup in Mali in May 2021 led to the overthrow of President B.Ndau. In September, a military coup took place in Guinea, during which the country's president, A.Conde, was detained.

In January of this year, President M. Kabore was arrested as a result of the coup that took place in Burkina Faso. Since 2015, this country has been involved in a spiral of violence perpetrated in Africa by jihadist movements. Its citizens more and more clearly demonstrated dissatisfaction with the inability of the authorities to ensure the safety of the population and protect people from the raids of the Islamists, the army, in turn, was outraged by the poor supply and incompetence of the command. Kabore was unable to overcome the political crisis in the country. As a result of the military coup, officers came to power who showed clear sympathy for Russia and the Russian president. These political orientations found support among the citizens of the country and became apparent during mass demonstrations in the capital.

Participants in the capital's actions in support of the new leadership of the country demonstrated their rejection of France's African policy. Paris strongly condemned the military coup in Burkina Faso, as well as the change of political regimes in Mali and Guinea. On February 17, the Elysee Palace announced that France and its partners in Operation Takuba had decided to withdraw troops from the Sahel. On the contrary, immediately after the coup, the Russian private military company Wagner declared its readiness to assist in the modernization of the Burkenian army and to help strengthen the country's defense capability.

Keywords: Burkina Faso, France, Russia, Operation "Takuba", PMC "Wagner", military coup, Kabore, Sandaogo, Putin, Macron

For citation: Vasilij R. Filippov. Burkina Faso: Putsch 2022. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 40-47. (In Russ.).
DOI: 10.31857/S032150750020974-3

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 2020 г. сотрудники Центра анализа, прогнозирования и стратегии (*Centre d'analyse, de prévision et de stratégie - CAPS*) направили президенту Франции аналитический доклад «Эффект панголина: грядущий шторм в Африке». Его авторы призвали Эммануэля Макрона быть готовым к «длительной дестабилизации» в Африке в условиях «предстоящего кризиса обществ и государств». Известные французские дипломаты и политики предположили, что этот кризис может сломать «хрупкие режимы» в Сахеле и Центральной Африке. Они сочли, что коронавирус может стать «политическим вирусом, который... покажет неспособность этих государств защитить свое население» [12].

Аналитики *CAPS* обратили внимание президента на «особую уязвимость некоторых экономически слабых и политически нестабильных франкоязычных стран, менее надежных и структурированных, чем другие». Они предупреждали, что «сравнение государств, чья государственная политика терпит неудачу (государства Сахеля и Центральной Африки) с другими африканскими странами, обладающими более прочными властными институтами (например, Руанда или Сенегал) будет «неблагоприятно» для первых, что «эффект сравнения» может стать дополнительным конфликтогенным фактором и привести к смене политических элит. Дипломаты *Quai d'Orsay* (МИД Франции) полагают, что прямым следствием кризиса станет «жесткая конкуренция за передел геополитического и экономического пространства на Африканском континенте» [12].

Концептуальные положения, содержащиеся в этом документе, оказались пророческими. Напомню, военный переворот в Мали, который привел к отстранению от власти временного президента Б.Ндау, случился в ночь на 24 мая 2021 г. Затем 5 сентября 2021 г. произошел военный переворот в Гвинее, в ходе которого был задержан президент страны Альфа Конде. Наконец, 23 января 2022 г. путч в Буркина Фасо закончился арестом президента этой республики М.Каборе. Он стал третьим переворотом за полгода в зоне, которую Франция рассматривает как особую сферу геополитических интересов. Политический обозреватель РИА Новости Е.Караева написала по этому поводу: «Еще один государственный переворот во французской зоне регионального влияния - это своего рода открытка Парижу, написанная издевательским тоном и с подтекстом» [1].

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Начиная с 2015 г. Буркина Фасо, как и соседи этой африканской страны Мали и Нигер, попала в спираль насилия, которое раскручивается в Африке год от года джихадистскими движениями, связанными с «Аль-Каидой Магриба» (АКМ) и организацией «Исламское государство (ИГИЛ)». По оценкам ООН, в результате эскалации террористической активности исламистов с 2015 по 2022 гг. в регионе погибли не менее 2 тыс. человек и 1,4 млн человек стали беженцами¹. Страны Сахеля оказались главными мишенями террористов, граждане, армия и силовые структуры этих стран все более активно демонстрировали недовольство неспособностью властных структур обеспечить безопасность населения и защитить людей от жестоких набегов исламистов.

Журналисты, работающие в этом регионе, констатировали: «В Буркина Фасо, как и в Мали, именно кризис безопасности явно оказал дестабилизирующее воздействие. Непрерывающиеся сообщения об атаках исламистов разжигают народный гнев на городских улицах и недовольство среди солдат, которые считают, что их послали, недостаточно вооруженных, недоплачиваемых или даже недокормленных, чтобы подержать борьбу с активистами групп, которые не берут пленных» [2].

Общественное доверие к президенту Буркина Фасо М.Каборе заметно упало после атаки джихадистов на северные деревни Солхан и Яга в июне 2021 г. В результате этих террористических актов, ответственность за которые несут боевики, прорвавшиеся с территории Мали, погибли не менее 174 человек [2]. Эти трагические события спровоцировали протесты оппозиции в столице, что побудило президента страны провести перестановки в правительстве и назначить себя министром обороны [3].

14 ноября 2021 г. бандформирование во главе с И.Ансарулой напало на пост жандармерии в г. Ината в провинции Сум на севере страны. В неравном бою были убиты более полусотни военнослужащих и четверо мирных жителей. Первоначально Каборе постарался скрыть масштабы трагедии и «отверг внутренний отчет армии о драме Инаты»². Однако вскоре информацию, опубликованную *RFI*, подтвердили в Мини-

¹ Coup d'Etat au Burkina Faso: la junte rétablit la Constitution et modifie les institutions. https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/01/31/coup-d-etat-au-burkina-faso-le-pays-suspendu-par-l-union-africaine_6111721_3212.html (accessed 12.04.2022)

² Drame d'Inata: Le président du Faso a rejeté les conclusions du rapport d'enquête. <https://www.sidwaya.info/blog/2021/12/05/drame-dinata-le-president-du-faso-a-rejete-les-conclusions-du-rapport-denquete/> (accessed 22.05.2022)

стерстве связи страны. Выяснилось, что погибшие фактически были брошены на произвол судьбы и не получали продовольствие в течение двух недель.

Эта трагедия всколыхнула общественное мнение и стала причиной массовых акций протеста в Уагадугу. Демонстранты осудили неспособность правительства и армии эффективно бороться с джихадистами и обеспечивать безопасность населения.

Когда масштабы трагедии стали достоянием гласности, президент пообещал пролить свет на причины случившегося. В обращении к нации на следующий день после теракта он заверил, что армия больше не будет терпеть подобных лишений, а к виновным в трагедии будут применены показательные санкции. После того, как в жандармерии были проведены соответствующие чистки, на руководящие посты были назначены 12 молодых офицеров, которые должны были исправить ситуацию. А 8 декабря премьер-министр К.Дабире подал заявление об отставке правительства. Каборе принял отставку и назначил главой кабинета Л.Зербо. Кроме того, президент назначил Генеральному инспектору вооруженных сил крайний срок расследования теракта в Инате и потребовал отчета не позднее 13 декабря 2021 г.

Но президенту не удалось преодолеть политический кризис. 22 января 2022 г. жители Уагадугу провели марш солидарности с Мали. Полиция разогнала толпу, применив светошумовые гранаты и слезоточивый газ. Это и стало непосредственным поводом для вооруженного мятежа.

СОБЫТИЯ ЯНВАРЯ 2022 г.

Путч начался 23 января 2022 г. с акций протеста военных в казармах Уагадугу и северных городов Кайя и Уахигуя. Митингующие потребовали у президента отставки начальника штаба вооруженных сил. Не встретив понимания у главы государства, военные прибегли к аргументу силы. Близ частного дома главы государства в столичном квартале Патт-д'Уа и в районе казарм в Уагадугу началась интенсивная перестрелка. Известно, что охранявший президента полк жандармерии предпринял попытку эвакуировать Каборе, но был рассеян восставшими солдатами. Захватившие власть офицеры объявили, что переход власти был ненасильственным, однако на следующее утро были опубликованы фотографии внедорожников президентского кортежа с многочисленными пулевыми отверстиями. В одном из автомобилей были обнаружены следы крови.

Вскоре несколько новостных программ объявили о том, что Каборе задержан и под стражей доставлен в одну из армейских казарм. Позже сотрудник службы безопасности заявил, что президент, глава парламента и члены кабинета находятся в руках солдат. Государственные границы были закрыты, введен общенациональный комендантский час.

На следующий день к полудню военные захватили штаб-квартиру государственной медиакомпании *Radio Télévision du Burkina* и выступили с телеобращением к нации³. Было объявлено, что президент Каборе смещен со своего поста, действие Конституции приостановлено, парламент распущен и правительство отправлено в отставку⁴. Специальный Указ, также зачитанный по телевидению, гласил об отставке начальника штаба армии Ж.Уэдраого.

Представитель хунты капитан С.Уэдраого от имени вновь созданного «Патриотического движения за охрану и восстановление» (*Mouvement patriotique pour la sauvegarde et la restauration - MPSR*) объявил, что восставшие военные положили конец президентству Каборе из-за ухудшения ситуации с безопасностью на фоне углубляющегося исламского мятежа и неспособности президента справиться с кризисом. Было сказано также, что военные будут работать над созданием приемлемого для всех календаря проведения новых выборов. Рядом с капитаном молча сидел подполковник П.-А.Сандаого Дамиба.

31 января военные официально анонсировали возобновление действия Конституции страны. Одновременно подполковник С.Каборе зачитал по национальному телевидению «Основополагающий закон», включавший в себя 37 статей. Согласно этому закону, *MPSR* призвано обеспечить непрерывность руководства государством до создания переходных органов власти. По ст. 28 документа, президент *MPSR* одновременно является президентом Буркина Фасо, главой государства, верховным главнокомандующим национальных вооруженных сил⁵. Им стал лидер восставших военных - подполковник С.Дамиба. Были назначены также два вице-президента, координатор и главы комиссий, имена которых в документе не упоминались. Кроме того, «Основополагающий закон» гарантировал независимость правосудия и презумпцию не-

³ Soldiers seen outside Burkina Faso state TV after mutinies. <https://www.france24.com/en/live-news/20220124-soldiers-seen-outside-burkina-faso-state-tv-after-mutinies> (accessed 19.04.2022)

⁴ Burkina Faso army says it has deposed President Kabore. <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/24/burkina-faso-army-says-it-has-deposed-president-kabore> (accessed 10.04.2022)

⁵ Burkina Faso: la junte rétablit la Constitution et modifie les institutions. <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/burkina-faso-la-junte-retablit-la-constitution-et-modifie-les-institutions-20220131> (accessed 27.05.2022)

виновности, а также основные свободы, содержащиеся в Конституции, в частности, свободу передвижения, свободу выражения мнений и свободу печати.

По информации агентства *Reuters*, С.Дамиба закончил элитную военную академию в Париже (*Ecole Militaire*) и парижскую Консерваторию искусств и ремесел (*CNAM*)⁶ со степенью магистра криминалистики. Ему 41 год, до 2015 г. он служил в элитном полку президентской охраны (в 2015 г. полк был расформирован). На момент государственного переворота он командовал пехотным полком вооруженных сил Буркина Фасо [13].

На следующий день после путча, 25 января, было опубликовано заявление М.Каборе, в котором он объявил, что в интересах нации он решил уйти с поста президента Буркина Фасо. Напомним, что Каборе был избран на этот пост в ноябре 2015 г. в результате народной революции (до того, он с 2002 по 2012 гг. он был президентом Национальной ассамблеи). Пять лет спустя его переизбрали на второй срок на демократических выборах.

Политическая позиция М.Каборе заслуживала уважения соотечественников. Еще в молодости Каборе стал членом политбюро организации «Союз коммунистической борьбы», которая в 1983 г. привела к власти столь популярного в стране Т.Санкару. Каборе имел все шансы успешно продолжать свою политическую карьеру, однако в последнее время его популярность резко упала, поскольку резко упала уверенность в его способности обуздать насилие джихадистов. Подчеркну, что в заявлении восставших военных в качестве причины захвата власти указывалось ухудшение ситуации с безопасностью в стране и неспособность президента Каборе объединить нацию перед лицом опасности.

После захвата власти военные проявляли к экс-президенту известное уважение. Делегация ЭКОВАС и ООН смогла встретиться с ним на вилле в Уагадугу, где он находится под домашним арестом. Совместную делегацию ЭКОВАС и ООН возглавляют министр иностранных дел Ганы Ш.Бочуэй и М.Аннадиф, специальный представитель ООН по Западной Африке и Сахелю. Они засвидетельствовали, что Каборе содержится в комфортных условиях и чувствует себя хорошо, что у него есть доступ к врачам. Еще до путча panafricanский портал *LSI Africa* сообщил, что семья тогда еще президента страны покинула Буркина Фасо.

ГОЛОС УЛИЦЫ

Президентская партия Народное движение за прогресс (*Mouvement populaire pour le progrès - MPP*) осудила «попытку убийства» свергнутого президента еще до того, как был подтвержден его арест. После этого жители столицы, поддерживавшие в большинстве своем восставших военных, разгромили и сожгли штаб-квартиру *MPP*. Опасаясь погромов и мародерства, лидеры *MPSR* в ту же ночь ввели комендантский час

Как только было объявлено о том, что президент Каборе отстранен от власти, сотни людей (по другим данным, демонстрантов были тысячи) вышли на улицы столицы.

Российское агентство «Новости» сообщало, что люди, собравшиеся на площади Нации в Уагадугу, размахивали флагами и трубили в рожки вувузелы⁷, демонстрируя поддержку военным, уличные торговцы продавали плакаты с изображением нового лидера. Корреспонденты агентства взяли ряд интервью у жителей столицы. Так, Ж.Траоре заявила, что не считает приход военных к власти переворотом. По ее словам, это освобождение страны. Активист *MPSR* Л.Уэдраго сказал: «Мы несколько раз призывали президента Каборе уйти, но он нас не слушал. Армия услышала нас и поняла»⁸. По данным агентства, несмотря на политические потрясения, жизнь в Уагадугу шла своим чередом. И городской рынок, и магазины, и заправки работали, в городе военное присутствие было почти незаметно. Примечательно то, что французские и американские журналисты нехотя признали, что «на улицах Уагадугу люди в большинстве своем выражают поддержку военным», что «юные жители Буркина Фасо встретили известие о смещении президента с ликованием»⁹. В западных масс-медиа и социальных сетях появились фотографии демонстрантов, которые держат в руках портреты подполковника С.Дамибы.

Самым болезненным для Елисейского дворца стало то, что военный переворот произошел под лозунгами не только смены политического режима, но и под лозунгами смены внешнеполитической ориентации

⁶ Консерватория искусств и ремесел (*Conservatoire national des arts et métiers*) создана в 1794 г. является одним из самых престижных учебных заведений Франции (прим. ред.).

⁷ Вувузела (на яз. зулу) - рожок длиной до метра, ставший широко известным во время чемпионата мира по футболу 2010 г. в ЮАР (прим. ред.).

⁸ СМИ: в Буркина-Фасо сотни людей вышли поддержать взявших власть военных. <https://ria.ru/20220126/podderzhka-1769530136.html> (accessed 12.04.2022)

⁹ Military junta takes power in Burkina Faso. <https://www.france24.com/en/tv-shows/eye-on-africa/20220124-military-junta-takes-power-in-burkina-faso-i-eye-on-africa-france-24-english> (accessed 30.04. 2022)

Буркина Фасо. Об этом свидетельствовал тот факт, что новые власти страны с первых дней открыто демонстрировали свои симпатии к властям Мали, которые выразили недоверие Парижу и прибегли к помощи российской ЧВК «Вагнер». Эта смена внешнеполитического курса нашла поддержку в умах людей, которые вышли на площадь Нации в Уагадугу. «Нет, нам больше не нужна Франция, - сказал один из демонстрантов корреспонденту “Голоса Америки”. - Мы здесь потому, что хотим защиты со стороны России. Франция не сделала ничего, что принесло бы нам успех»¹⁰. Та же радиостанция процитировала активиста *MPSR* Ф.Беого, который сказал, что французы должны позволить жителям страны решать проблемы самостоятельно. По его словам, демонстранты не выступают против Франции, однако Франция должна заниматься своими делами и позволить Буркина Фасо жить самостоятельно.

Вместе с тем, наиболее радикальная часть молодежи, собравшейся на митинг, выражала крайнее недовольство действиями Пятой республики в Сахеле. Репортер *Reuters* заявил, что сам видел, как группы молодых людей жгли французские флаги, что, по мнению журналиста, «свидетельствует о растущем недовольстве военной ролью, которую бывшая колониальная держава все еще играет в регионе»¹¹.

РЕАКЦИЯ ФРАНЦИИ НА СОБЫТИЯ В УАГАДУГУ

Реакция Елисейского дворца на происходящее в Буркина Фасо была предсказуемой. Э.Макрон на следующий день после захвата власти и ареста Каборе сделал заявление, в котором осудил военный переворот и солидаризировался с позицией подконтрольного Парижу Экономического сообщества западноафриканских государств - ЭКОВАС. Президент Франции напомнил, Каборе два раза был избран народом в ходе демократических выборов. В свою очередь, министр обороны Французской республики Ф.Парли, выступая в парламенте, заявила, что переворот в Буркина Фасо так же, как и переворот в соседнем Мали, не являются причиной для Франции и ее союзников прекращать свои операции в Сахеле.

Вопреки очевидному, французская апологетическая по отношению к Франции пресса называла Буркина Фасо родиной французского спецназа и главным союзником Парижа в борьбе с джихадистами, отмечала «прогресс, достигнутый правительством (Буркина Фасо - В.Ф.), соседями по региону и Францией в кампании против боевиков» [2]. Оценки крайне субъективные и далеко не соответствующие действительности.

Здесь нужно вспомнить о том, что отношения между двумя странами складывались очень непросто. Многим более шести месяцев спустя после президентской инаугурации, в ноябре 2018 г., Макрон посетил Буркина Фасо. Накануне его прибытия мотоциклисты с закрытыми лицами бросили гранату в автомобиль с французскими солдатами в Камбоинзе. Визит сопровождался акциями протеста, митингующие требовали вывести с территории страны французские войска и забросали машину Макрона камнями (см.: [4]). У стен университета, где выступал французский президент, участники митинга жгли шины, скандировали «Долой империализм» и развернули плакаты с надписью «Французские войска - вон из Буркина Фасо, вон из Африки», «Нет французским базам в Буркина Фасо и Африке»¹².

Особого внимания заслуживает риторика Макрона в ходе этого визита. Президент выступил не в правительственном учреждении, а в актовом зале столичного университета. В рамках этой статьи нет возможности пересказать ход очень острой дискуссии со студентами, приведу только оценки французских журналистов и политиков об этом мероприятии.

Лидер движения «Вставай, Франция» Н.Дюпон-Эньян назвал поведение президента своей страны «высокомерным и презрительным», а его риторику - находящейся «на грани расизма»¹³. Глава партии «Национальный фронт», депутат Европарламента Н.Бэй заявил, что Макрон «оскорбил главу африканской страны», а его коллега, один из лидеров этой партии Ф.Филиппо добавил, что его поведение недостойно главы государства. «Нам было стыдно!» резюмировал он (цит. по: [5]). Одна из студенток спросила Макрона: почему так мало студентов из Африки учится во Франции и так много французских солдат находится в странах Черного континента? В ответ Макрон лицемерно заявил, что французские военные умирают за африканцев и добавил: «Не говорите мне так о французских солдатах, вы должны им только аплодировать»¹⁴.

¹⁰ После военного переворота в Буркина-Фасо растут пророссийские настроения. <https://www.golosameriki.com/a/pro-russia-sentiment-grows-in-burkina-faso-after-coup/6417075.html> (accessed 11.05.2022)

¹¹ France, UN join West African states in denouncing Burkina Faso army takeover. <https://www.france24.com/en/africa/20220125-france-un-join-west-african-states-in-denouncing-burkina-faso-military-takeover> (accessed 23.04.2022)

¹² Macron publicly 'humiliates' Burkina Faso president as French leader's Africa trip goes wrong. <https://on.rt.com/8tb9> (accessed 30.04.2022)

¹³ Zapolitique: «Un chef d'État ne peut pas se comporter comme ça». http://www.lepoint.fr/zapping-du-point/zapolitique-un-chef-d-etat-ne-peut-pas-se-comporter-comme-ca-29-11-2017-2176071_2470 (accessed 14.05.2022)

¹⁴ 'Who are the traffickers? They are Africans': Macron loses his cool at Burkina Faso Q&A. <https://on.rt.com/8tas> (accessed 15.05.2022)

Заметим, что в настоящее время под флагом операции «Бархан» в Мали, Чаде, Нигере, Кот-д'Ивуаре и Буркина Фасо действуют 3000 французских военных, еще 350 французских миротворцев дислоцированы в Центральноафриканской Республике (подробнее см.: [14]). Но умирают французские солдаты отнюдь не за африканцев, а за энергетические интересы Франции. Контингенты французских войск фактически охраняют урановые рудники, которые разрабатывает французская горнодобывающая компания «Арва» (см.: [6]).

Когда во время дискуссии молодая девушка обвинила Францию в том, что она «несет ответственность за убийство М.Кадафи», а один из студентов сказал, что «присутствие французских солдат в Сахеле - это новая колонизация», Э.Макрон, уходя от ответа, грубо предложил своим оппонентам не вставать в «постколониальные глупые позы» (цит. по: [7]). Французский публицист Т.Дитрих так прокомментировал эти высказывания главы французского государства: «Макрон вёл себя в Уагадугу как мелкий колониальный чиновник, упившийся абсента. Патернализм, защита франка КФА, прославление солдат, обвиняемых в изнасилованиях в Центральноафриканской Республике» (цит. по: [8]).

События 2018 г. продемонстрировали, что молодые буркенийцы уже не склонны поддаваться уверениям в любви и стремлении к обоюдновыгодному сотрудничеству. Они требуют от бывшей метрополии устранить из практики франко-африканских отношений всё то, что имеет для них неоколониальный привкус - разграбление национальных ресурсов африканских стран французскими компаниями, зависимость франка КФА от курса евро, явная или латентная поддержка одиозных африканских диктаторов Елисейским дворцом и, главное, военное присутствие Франции на территории суверенных стран Черного континента.

Дискуссия показала, что, по мнению большинства буркенийцев, террористические акции джихадистов являются следствием агрессивной политики Франции, а не наоборот¹⁵. Они все настойчивее требуют покончить с дискриминационной практикой «Франсафрик». Отметим: накануне визита Э.Макрона в Африку газета «Фигаро» опубликовала статью с примечательным названием «Макрон, молодой президент и фантомы “Франсафрик”», в которой автор - Т.Бертемет - предрекал, что глава французского государства постарается не упоминать термин «Франсафрик», но он неизбежно вынужден будет вспомнить о нем во время этого африканского тура [9, р. 2].

На этом историческом фоне попытки части французских масс-медиа представить военный переворот 2022 г. как заговор кучки военных авантюристов, выглядят крайне неубедительно. Те офицеры, которые пришли сейчас к власти в Мали, в Гвинее или в Буркина Фасо, не удовлетворены ролью политического и экономического вассала Франции. Именно поэтому они обращают свои взоры на Россию, которая в 2018 г. продемонстрировала свою способность оказать эффективную политическую и военную помощь Центральноафриканской Республике.

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 2022 ГОДА

Если французские флаги сжигали на площади Нации, то (по признанию агентства *France 24*) российские флаги расцвели («усеяли») демонстрацию, а несколько демонстрантов призвали Москву заменить Францию в борьбе с джихадистами. Это очевидно свидетельствует не только о политических симпатиях митинговавших, но и о внешнеполитических ориентациях лидеров восставших военных.

Известно, что еще в январе 2022 г. подполковник П.-А.Сандаого Дамиба дважды предлагал президенту Каборе обратиться за помощью к бойцам частной военной компании «Вагнер», чтобы решить вопросы борьбы с исламистами на севере страны (см.: [10]). Тогда еще действующий президент мотивировал свой отказ тем, что обращение к российской ЧВК может ухудшить отношения с западными странами, как это случилось в Мали.

Западные масс-медиа усматривают связь государственного переворота в Буркина Фасо с деятельностью российского бизнесмена Е.Пригожина, которого они относят к ближайшему окружению президента России [11], связывают с группой наемников «Вагнера» и с Агентством интернет-исследований - российским пропагандистским агентством. Пригожина обвиняют в финансировании частной военной компании «Вагнер», которая проявила себя на Украине, в Сирии, в Ливии и в ряде стран Африки к югу от Сахары. Эта ЧВК, которая с декабря 2021 г. находится под санкциями Евросоюза, оказывает услуги правительствам разных стран по техническому обслуживанию военной техники и обучению военнослужащих развивающихся стран. Франция, которой бойцы российской ЧВК создали много проблем в ее бывших колониях, на-

¹⁵ Burkina Faso. Une grenade pour l'arrivée de Macron à Ouagadougou. *Le journal numérique*. 2017. 28 novembre. <https://lalibre.be/international/2017/11/28/une-grenade-pour-larrivee-de-macron-a-ouagadougou-OPZTE3MTMVC7VGMUJLI66XVIY/> (accessed 10.04.2022)

стаивают на том, что «Вагнер» действует в интересах Кремля там, где он не хочет открыто манифестировать свои интересы и свое присутствие.

Сам же Е.Пригожин категорически отрицает какую-либо связь с ЧВК «Вагнер». Вместе с тем, он не скрывает своего интереса к ситуации в Африке и однозначно формулирует свою позицию относительно причин кризиса в Сахеле. Делясь своими мыслями о захвате власти военными в Буркина Фасо, он не отрицал, что одобряет этот государственный переворот так же, как перевороты в Мали и Гвинее в 2021 г. Он приветствовал происходящее в Буркина Фасо как признак новой эры деколонизации Африки. По его мнению, все эти перевороты происходят потому, что Запад пытается управлять бывшими колониями и подавлять их национальные приоритеты, навязывать африканцам чуждые им ценности, иногда с явным издевательством над ними. «Неудивительно, что многие африканские государства стремятся к свободе. Это происходит потому, что Запад пытается удержать народы этих стран в полуживотном состоянии»¹⁶.

В свою очередь, интерес со стороны российской ЧВК к происходящему в Буркина Фасо стал очевиден уже 26 января, когда зарегистрированное в Москве ООО «Содружество офицеров за международную безопасность» предложило новым властям страны обеспечить подготовку буркенйских военных. В уставных документах этой организации (лоббизирующей интересы российских ЧВК) предусмотрена «деятельность по дополнительному профессиональному образованию»¹⁷.

В письме генерального директора организации А.Иванова инициаторам январского вооруженного переворота говорилось о тесных связях СССР с Буркина Фасо, которые сложились еще в эпоху деколонизации Африки. Автор письма отметил, что «Франция не добилась успехов в борьбе с терроризмом в регионе» и выразил уверенность в том, что российские военные инструкторы могли бы помочь сформировать новую буркенйскую армию. В письме значилось: «СОМБ готов поделиться опытом, приобретенным в ЦАР, по быстрой организации и качественной работе, чтобы построить армию, способную воевать и взять под контроль ситуацию с безопасностью в стране в короткие сроки» (цит. по: [11]).

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Конституционный совет Буркина Фасо 10 февраля 2022 г. принял решение признать президентом Буркина Фасо подполковника П.-А.Сандаого Дамиба¹⁸. 17 февраля он был приведен к присяге в качестве президента страны. Новый глава государства пообещал разобраться с растущей нестабильностью, которая стала причиной отстранения от власти его предшественника.

Государственный переворот, который был совершен под его руководством, поддержали граждане страны. Научно-исследовательский институт *Apidon*¹⁹ провел в Буркина Фасо соцопрос, согласно которому 23,78% опрошенных заявили, что отнеслись к перевороту «очень хорошо», 34,27% - «приветствовали» его, 17,79% - восприняли это «довольно хорошо». Лишь 8,24% респондентов заявили, что отрицательно относятся к случившемуся²⁰. Если принять во внимание пророссийские ориентации нового руководства страны и массовую поддержку пришедших к власти военных, можно с большой долей вероятности предположить, что влияние Российской Федерации в Западной Африке вообще и в Буркина Фасо в частности будет и дальше укрепляться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Франция стремительно теряет свое влияние в Западной Африке. Так, 17 февраля Елисейский дворец объявил о том, что Франция и ее партнеры по операции «Такуба», а также Канада «приняли решение о скоординированном выводе войск с территории Мали». Франция, дескать, «не видит смысла в дальнейшей борьбе против террористов в западноафриканском государстве из-за грубого нарушения международных соглашений местными властями»²¹. По мнению экспертов, такое решение вызвано укреплением отношений Бамако с Москвой, а также сообщениями о прибытии в страну российских военных инструкторов.

¹⁶ См.: <http://lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr/archive/2022/01/25/la-russie-au-burkina-22754.html> (accessed 18.04.2022)

¹⁷ Содружество офицеров за международную безопасность // ОКВЭД-2017 - Юридические лица. <https://vembo.ru/company/1217700038710> (accessed 15.05.2022)

¹⁸ Конституционный совет Буркина-Фасо признал власть лидера мятежников Дамибу. <https://regnum.ru/news/polit/3503994.html> (accessed 12.04.2022)

¹⁹ *Apidon Academy of Science* или *2AS* - частное высшее учебное заведение в Буркина Фасо (*нприм. авт.*).

²⁰ Граждане Буркина-Фасо поддержали госпереворот. <https://regnum.ru/news/polit/3512163.html> (accessed 12.04.2022)

²¹ Франция уходит из Мали и оставляет дела «ЧВК Вагнера». <https://regnum.ru/news/polit/3508820> (accessed 12.04.2022)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Караева Е. Госпереворот в Буркина-Фасо стал новым унижением Франции в Африке. <https://radiosputnik.ria.ru/20220125/afrika-1769383167.html?in=t> (accessed 12.04.2022)
Karaeva E. The coup d'état in Burkina Faso became a new humiliation of France in Africa. (In Russ.). <https://radiosputnik.ria.ru/20220125/afrika-1769383167.html?in=t> (accessed 12.04.2022)
2. Melly P. Coup d'Etat au Burkina Faso: le retour des militaires au pouvoir en Afrique de l'Ouest. <https://www.bbc.com/afrique/region-60140388> (accessed 12.04.2022)
3. Ochieng B. Burkina Faso coup: Why soldiers have overthrown President Kaboré. <https://www.bbc.com/news/world-africa-60112043> (accessed 12.04.2022)
4. Калегина М. Автобус делегации Макрона закидали камнями в столице Буркина-Фасо. <https://life.ru/1064918> (accessed 12.04.2022)
Kalegina M. Macron's delegation bus was stoned in the capital of Burkina Faso. (In Russ.). <https://life.ru/1064918> (accessed 12.04.2022)
5. Boni M. Macron accusé d'avoir commis une bourde diplomatique au Burkina Faso Macron accusé d'avoir commis une bourde diplomatique au Burkina Faso. *Le Figaro*. 2017. 29 novembre.
6. Philippov V.R. Uranium factor in France's foreign policy towards Africa. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 2. Pp. 171-185.
7. Berthemet T. Macron veut une Europe plus engagée en Afrique. *Le Figaro*. 2017. 28 novembre.
8. Бовдунов А. «В неоколониальном стиле»: готова ли Франция к перезагрузке отношений с бывшими владениями в Африке. <https://russian.rt.com/world/article/455657-makron-afrika--vizit-vystuplenie-es> (accessed 12.04.2022)
Bovdunov A. "In neo-colonial style": is France ready to restart relations with former possessions in Africa (In Russ.). <https://russian.rt.com/world/article/455657-makron-afrika--vizit-vystuplenie-es> (accessed 12.04.2022)
9. Berthemet T. Macron, le jeune président et les fantômes de la «Françafrique». *Le Figaro*. 2017. 27 novembre.
10. Obaji Philip Jr. African President Was Ousted Just Weeks After Refusing to Pay Russian Paramilitaries. <https://www.thedailybeast.com/burkina-faso-president-ousted-after-refusing-to-pay-wagner-mercenaries>
11. Барабанов И. Российские наемники предложили помощь военным, захватившим власть в Буркина-Фасо. <https://www.bbc.com/russian/news-60148030> (accessed 12.04.2022)
Barabanov I. Russian mercenaries offered help to the military who seized power in Burkina Faso. (In Russ.). <https://www.bbc.com/russian/news-60148030> (accessed 12.04.2022)
12. Bobin F., Tilouine J. Coronavirus: les experts du Quai d'Orsay redoutent le «coup de trop» qui «déstabilise» l'Afrique. https://lemonde.fr/afrique/article/2020/04/03/coronavirus-les-experts-du-quai-d-orsay-redoutent-le-coup-de-trop-qui-destabilise-l-afrique_6035470_3212.html (accessed 12.04.2022)
13. Aaron Ross. Fresh from promotion, Burkina Faso writer-colonel leads a coup. <https://www.reuters.com/article/burkina-security-damiba-idAFL8N2U44X4> (accessed 21.05.2022)
14. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 1. С. 40-47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
Philippov V.R. 2022. Operation "Barkhan": An inglorious termination? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 40-47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филиппов Василий Рудольфович, доктор исторических наук, Центр изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Vasily R. Philippov, Dr.Sc. (History), Center for Tropical African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.06.2022

Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы

© Дейч Т.Л.^a, 2022^a Институт Африки РАН. Москва. Россия
ORCID ID: 0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

Резюме: Цель статьи - оценить состояние экономических связей Китая с Африкой, а также изменения в них в условиях COVID-19 и осложнения международной ситуации. Актуальность темы обусловлена политической и экономической значимостью Китая как второй державы мира, важной ролью африканских стран в мировой экономике и международных отношениях и усилением конкурентной борьбы на континенте. Пекин - главный торговый партнер Африки, один из ее ведущих доноров и инвесторов.

Автор анализирует проблемы, с которыми столкнулось китайско-африканское торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество и перспективы его развития. Торгово-экономические отношения Китая со странами Африки, пережившие спад в связи с пандемией, снижением цен на сырье и другими причинами, претерпевают серьезные изменения. Статья содержит также анализ глобальной китайской внешнеполитической инициативы «Один пояс - один путь», в которую включена Африка, и результаты участия в китайском проекте для африканской экономики.

Важный фактор африканской политики Пекина - действующий с 2000 г. Форум сотрудничества «Китай-Африка» (ФО-КАК).

Как показал анализ проблемы, несмотря на сложные условия вследствие пандемии COVID-19 и резко обострившейся международной обстановки, экономическое сотрудничество Китая с Африкой продолжает развиваться. Однако Пекин вносит в него определенные коррективы. Это касается, в частности, кредитования проектов, обострившего долговую проблему ряда африканских стран.

Ключевые слова: Китай, Африка, Африканский Союз, «выход за рубеж», сотрудничество, торговля, помощь, инвестиции, инфраструктура, пандемия, «Один пояс - один путь», африканские долги

Для цитирования: Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 48-56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4

China-Africa economic ties: Problems and outlooks

© Tatiana L. Deych^a, 2022^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the state of China-Africa economic ties and the changes taking place in them during the COVID-19 and the aggravation of international relations.

The relevance of the topic is due to the political and economic significance of China as well as the important role of African countries in the world economy and modern international relations, and to the intensification of the world powers competition for positions and influence on the continent. Beijing is Africa's leading trade partner, one of its main donors and investors.

The article analyzes China's economic cooperation with African countries, the problems they faced in era of COVID-19, and the prospects for their development. China's trade and economic relations with African countries have experienced a downturn due to the pandemic, lower commodity prices and other reasons, but now we see the growth of Sino-African trade. The article also contains an analysis of the global Chinese foreign policy initiative "One Belt, One Road" (BRI), which included Africa, and the results of the participation in Chinese project for African economy.

The China-Africa Cooperation Forum (FOCAC), which has been operating since 2000, remains an important factor in Chinese policy on the continent. It was confirmed in November 2021 by the 8th FOCAC conference in Dakar (Senegal), where the supply of Chinese vaccines to the continent, lending to African projects, African debts, as well as the BRI integration with African Continental Free Trade Area were among the discussed issues.

In difficult conditions due to COVID-19 and worsening of international situation China-Africa economic cooperation continues to develop. However, Beijing is making certain adjustments to it. This applies, in particular, to project lending, which has aggravated the debt problem of some African countries.

Keywords: China, Africa, cooperation, COVID-19, trade, lending, infrastructure, "One Belt, One Road", FDI, FOCAC

For citation: Deych T.L. China-Africa economic ties: Problems and outlooks. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 48-56. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020975-4

ВВЕДЕНИЕ

Стимулом для китайско-африканского экономического сотрудничества в XXI в. стало принятие Пекином на вооружение стратегии «выхода за рубеж», которую после вступления Китая в ВТО в 2001 г. тогдашний премьер-министр КНР Чжу Жунцзи назвал одной из главных задач экономики КНР¹. Идеологическим обоснованием стратегии стала разработанная к моменту прихода к власти председателя КНР Си Цзиньпина и взятая им на вооружение концепция «ответственной державы»,

Руководство страны считает, что как самая крупная развивающаяся страна Китай имеет большие достижения в реализации программ реформ и открытости, и это дает импульс подъему других развивающихся стран [19, р. 21], в т.ч. Африки.

С приходом к власти Си Цзиньпина стратегический арсенал Пекина пополнился провозглашенной им в 2013 г. инициативой «Один пояс - один путь» (ОПОП). Инициатива, в которую вовлечены и страны Африки, направлена на содействие развитию инфраструктуры, стимулирование торгово-экономических связей путем либерализации торговли, интенсификацию инвестиционного и финансового сотрудничества со странами-участницами, углубление политического сотрудничества и гуманитарных связей [5].

Развитие китайско-африканских экономических связей сделало Китай главным торговым партнером и ключевым источником финансирования целей развития Африки. В последние годы экономическое сотрудничество Китая с Африкой осуществлялось в условиях пандемии *COVID-19* и обострения международной обстановки. Однако вопреки сложностям, оно продолжило развитие, что подтвердила состоявшаяся в ноябре 2021 г. Дакарская конференция Форума сотрудничества Китай-Африка (*FOCAC*).

ТОРГОВЛЯ КИТАЯ СО СТРАНАМИ АФРИКИ

Торгово-экономические отношения Африки с Китаем, ее главным партнером пережили спад в связи с пандемией, однако следствием оживления экономики КНР в последние годы стал рост китайско-африканской торговли.

Товарооборот Африки с Китаем неуклонно рос, в среднем на 20% в год. В 2019 г., согласно данным китайской таможи, он увеличился на 22%, составив \$208,7 млрд. При этом китайский импорт из Африки упал на 3,8% - до \$95,5 млрд, а экспорт в Африку вырос на 7,9%, составив \$113,2 млрд [1]. Однако Китайско-африканская исследовательская инициатива (*China-Africa Research Initiative - SAIS-CARI*) Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса приводит другие цифры - китайско-африканский торговый оборот за 2019 г. составил \$192 млрд. Но и согласно этим данным в 2019 г. торговля выросла, поскольку в 2018 г. ее объем составлял \$185 млрд. Главным африканским экспортером в Китай источник назвал Анголу, за которой следовала ЮАР, за ней - Республика Конго, а самым крупным покупателем китайских товаров он назвал Нигерию, ЮАР и Египет².

В 2020 г. объем китайско-африканской торговли несколько снизился по сравнению с 2019 г. в связи с пандемией *COVID-19*, падением цен на сырье и другими причинами, составив \$187 млрд [2]. Однако в 2021 г. он увеличился на \$67 млрд и, по данным китайской таможи, побив рекорд, достиг \$254 млрд. Рост был обязан, в основном, увеличению китайского экспорта на континент. Тем не менее, он состоялся вопреки пандемии, нанесшей ущерб цепочкам снабжения и вызвавшей хаос в экономике, когда контейнеры скопились в портах, ожидая транспортировки, а локдауны нанесли удар по производственному процессу [3].

Таким образом, пандемия, хотя и повлияла на торговые отношения Китая с большинством стран Африки, но не смогла оказать на них разрушительное воздействие.

На протяжении многих лет характерной особенностью товарооборота между Китаем и странами Африки является существенное превышение китайского экспорта в Африку над импортом из нее. Африканские продукты составляют всего 4% китайского импорта³.

Как заметил эксперт в области развивающихся рынков фирмы *Capital Economics* в Лондоне Джон Эшборн, Китай получает преимущества в регионе, заполняя его своим дешевым экспортом, тогда как экспортеры сырья несут ущерб. Фактором, негативно повлиявшим на китайско-африканскую торговлю, эксперт назвал торговую войну США с Китаем. «Такие страны, как Ангола, зависимые от экспорта нефти, чувствовали бы себя лучше, если бы не разразилась торговая война, - сказал он. - Пострадала богатая металлами и

¹ Премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи выступил с докладом о работе правительства. Генконсульство КНР в Хабаровске. 03.05.2002. <http://www.chinaconsulate.khb.ru>. www.mfa.gov.cn (accessed 15.09.2020)

² FOCAC: Infrastructure, trade drive, China-Africa ties. *Business Africa*. 2021, November. www.africanews.com (accessed 20.12.2021)

³ China Africa Research Initiative. 2022. John Hopkins School of Advanced International Studies. Data. Chinese Investment in Africa. www.sais-cari.org

минералами Южная Африка, а также Замбия - главный производитель меди и кобальта, спрос Китая на которые в 2019 г. упал». Чарльз Робертсон, главный экономист фирмы «Ренессанс капитал», назвал в числе стран, которые меньше затронула эта ситуация, Кению, чей экспорт чая и кофе оказался к ней менее чувствителен [1].

Касаюсь ближайшего будущего китайско-африканских торговых отношений, эксперты прогнозируют рост «аппетита» Китая к африканским ресурсам, хотя и не столь значительный, в каком заинтересованы африканские поставщики. К тому же Китай намерен диверсифицировать источники сырья, частично переориентируя, в частности, закупки нефти. Исключение составят стратегические материалы, такие как кобальт, которыми располагает ДР Конго.

В то же время китайский экспорт в Африку продолжит расти. Поскольку проблема отрицательного баланса Африки в торговле с Китаем сохраняет остроту, вопросы расширения африканского экспорта не сходят с повестки дня Пекина, предпринимающего активные шаги по наращиванию импорта из Африки за счет увеличения в нем доли несырьевой продукции.

Это подтверждает организованный в Китае в сентябре 2021 г. онлайн-«трехмесячник» продвижения африканских товаров в КНР в рамках реализации планов партнерства в области цифровых инноваций. Об успешности усилий Пекина расширить номенклатуру африканского экспорта говорит тот факт, что в последние годы Китай стал вторым после ЕС по значимости импортером сельскохозяйственной продукции из стран континента. Китай импортирует из стран Африки рис, кофе, чай, пальмовое масло, другие товары. Важнейшей статьёй сельскохозяйственного импорта Китая из Африки является хлопок. Импорт продукции сельскохозяйственной отрасли, в которой занята основная часть африканского населения, увеличивался, в среднем, на 14% в год. В целом же 62% всего африканского экспорта в Китай приходится в 2021 г. на 3 африканские страны: ЮАР, Анголу и ДР Конго (см. табл. 1).

Таблица 1. Ведущие африканские экспортеры в Китай в 2021 г.
Table 1. Leading African exporters to China, 2021

Страна	Стоимость экспорта в Китай (\$ млрд)	% ко всему африканскому экспорту в КНР
ЮАР	33	31
Ангола	21	20
ДР Конго	12	11
Республика Конго	5	5
Замбия	4	4

Источник: Olander Eric. 2022. Almost 2/3 of Africa's Export to China Last Year Came just Three Countries. China Africa Project. February 9, 2022. chinaafricaproject.com

В конце 2021 г. в Пекине был опубликован 108-страничный доклад о состоянии торгово-экономических связей Китая с Африкой - «*China-Africa Economic and Trade Relationship Annual Report*». В нем говорится, что Китай создал в 16 африканских странах 25 торгово-экономических зон, которые привлекли на конец 2020 г. 623 предприятия с общей суммой инвестиций в \$7,35 млрд и создали 46 тыс. рабочих мест. К концу 2020 г. 7 китайских банков открыли 15 отделений в африканских странах [2]. Публикация доклада была приурочена к открытию китайско-африканской торговой выставки (Экспо) в Чанша (провинции Хэйнань) [4].

«ОДИН ПОЯС - ОДИН ПУТЬ» КАК ДРАЙВЕР ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Развитию китайско-африканских торгово-экономических связей способствует реализация китайской глобальной инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП). В 2021 г. 140 стран мира подписали свыше 200 соглашений, касающихся их участия в ОПОП, в основном с китайскими компаниями, реализующими инфраструктурные проекты (порты, железные и шоссейные дороги, энергетика, телекоммуникационные сети), на которые выделялись низкопроцентные китайские кредиты и займы [6].

За первые 6 месяцев 2019 г. соглашения с Китаем об участии в ОПОП подписали Африканский Союз, Нигерия, Либерия. А на 2022 г. о присоединении к инициативе заявили уже 49 стран Африки. Доля стран Африки и Ближнего Востока в китайских инвестициях в ОПОП выросла с 8% в 2020 г. до 38% в 2021 г. [7, p. 9].

Как отметила М.Нкоана-Машабане, министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР, концепция ОПОП, предполагающая интенсивное развитие региональной инфраструктуры, а также проект «Морского шелко-

вого пути», соединяющего Китай и прибрежные африканские страны через Индийский океан, отвечают задачам, поставленным в Программе инфраструктурного развития Африки [8].

В январе 2022 г. министр иностранных дел КНР Ван И совершил традиционный визит на континент, посетив ряд стран Восточной Африки, в частности, Эритрею⁴. Профессор Лина Бенабдалла, специалист по китайско-африканским отношениям из Северной Каролины, рассматривает этот визит в свете стратегической важности для Пекина доступа к Красному морю для реализации его глобальной инициативы «Один пояс - один путь» [9]. Визит призван укрепить присутствие Китая в Красном море, расширить морские пути и базу в Джибути⁵. Незадолго до визита Ван И в ноябре 2021 г. Эритрея присоединилась к китайской инициативе ОПОП. Между двумя странами уже подписано соглашение о стратегическом партнерстве. После Эритреи Ван И посетил Кению, которую китайская «Глобал Таймс» назвала «моделью для совместной реализации инициативы ОПОП и сообщила, что *China Communication Construction Corporation* выделит \$353 млн на строящийся в Момбасе нефтяной терминал⁶.

2 февраля 2022 г. соглашение об интеграции в ОПОП заключило Марокко. Почву для этого создал подписанный еще в 2017 г. Меморандум о взаимопонимании в вопросах ОПОП. Сближению двух стран способствовала достигнутая в 2021 г. договоренность о производстве марокканской компанией *Sothemat* на фабрике в Касабланке 5 млн доз китайской вакцины *Sinopharm SARS-COVID-2*. На 2022 г. ПИИ Китая в Марокко составили \$380 млн. Большая их часть направлена в инфраструктуру, мобильную связь, телекоммуникации и рыболовство. Двусторонняя торговля составила в 2020 г. \$4,7 млрд, на 2% больше, чем в 2019 г. Предполагают, что в 2022 г. товарооборот между Марокко и Китаем составит \$6 млрд⁷.

Пекин ратует за объединение инициативы «Пояс-путь» с Африканской континентальной зоной свободной торговли (*AfCFTA*). 1 января 2021 г. вступило в силу соглашение КНР с Маврикием, подписанное в октябре 2019 г., - первое китайское соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с африканской страной, которое Китай намерен использовать как модель соглашений с другими африканскими странами [11].

Пекин планирует беспрошленно продвигать китайские товары потребителям в ОПОП через африканские страны благодаря *AfCFTA* и рассчитывает играть в этой схеме центральную роль, обеспечивая логику, технологии и установленные стандарты. Так, Чан Хао, официальный представитель Национальной комиссии развития и реформ, заявил на китайско-африканском «мозговом» форуме в декабре 2020 г. о целесообразности интеграции двух многонациональных торговых режимов [10].

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В последние два десятилетия Китай действовал как один из ведущих инвесторов в развитие Африки. Накопленные китайские инвестиции в странах континента выросли почти в 100 раз за 17 лет: с \$490 млн в 2003 г. до \$43,4 млрд в 2020 г., что делает его 4-м инвестором для стран континента. Пиком стал 2018 г. - \$46,1 млрд. Приток китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Африку вырос с \$74,8 млн в 2003 г. до \$4,2 млрд в 2020 г.⁸

В 2008 г. ПИИ КНР составили \$5,5 млрд после покупки Промышленным и коммерческим банком Китая долей южноафриканского *Standard Bank*. В 2013 г. ПИИ Китая превысили ПИИ США, которые с 2010 г. стали сокращаться⁹. В 2018 г. ПИИ Китая странам Африки составили \$5,4 млрд, в 2019 г. наблюдалось их сокращение до \$2,7 млрд. Однако в 2020 г., несмотря на пандемию *COVID-19*, китайские ПИИ в Африку снова выросли - до \$4,2 млрд¹⁰, причем 35% их объема пришлось на Специальные экономические зоны (*SEZs*), дороги, мосты¹¹.

Как следует из *табл. 2*, в 2019 г. основными получателями китайских инвестиций в Африке были ЮАР, ДР Конго, Ангола, Замбия, Эфиопия, Нигерия и Маврикий [12]. В 2020 г. ЮАР, ДР Конго, Эфиопия и Нигерия сохранили места в этом списке, тогда как Ангола, Замбия и Маврикий выпали из него, а их место заняла Кения¹².

⁴ Olander Eric. Taking Stock of Wan Yi's Tour of East Africa and Indian Ocean States. January 11, 2022.

⁵ Cobus van Staden. Africa: What does Chinese foreign minister Wang Yi's tour signify. *Africa Report*. 12 January, 2022. www.theafricareport.com (accessed 25.01.2022)

⁶ Belt and Road Expands in Africa as Morocco signs Joint Implementation Plan with China. *Sputnik International*. 06.01.2022 sputniknews.com

⁷ Ibidem.

⁸ Yike Fu. The Quiet China Africa Revolution: Chinese Investment. *The Diplomat*. November 22, 2021.

⁹ Shirley Ze Yu. Why substantial Chinese FDI is flowing into Africa. *Africa at LSE*. April 2, 2021. blogs/se.ac.uk

¹⁰ Yike Fu. The Quiet China Africa Revolution...

¹¹ Data: Chinese Investment in Africa. China Africa Research Initiative. The Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. US Bureau of Economic Analysis. John Hopkins School of Advanced International Studies. 2022. www.sais-cari.org

¹² Data: Chinese Investment in Africa. China Africa Research Initiative. The Statistical Bulletin...

Таблица 2. Основные получатели китайских ПИИ в Африке в 2019 г.
Table 2. Main recipients of Chinese investment in Africa, 2019

Страна	\$ млн
1. ЮАР	6147
2. ДР Конго	5597
3. Ангола	2891
4. Замбия	2864
5. Эфиопия	2559
6. Нигерия	2194
7. Маврикий	1292

Источник: Krippahl Cristina. Who benefits from China-Africa Relations? John Hopkins University. SAIS China-Africa Research. 30.11.2021. www.dw.com

Хотя число частных китайских компании на континенте значительно превышает число государственных, именно на последние приходятся самые крупные инвестиции, и именно они продолжают сегодня доминировать в финансировании африканской инфраструктуры. Китай остается самым крупным зарубежным вкладчиком при посредстве государственных компаний и банков в энергетическое развитие Африки¹³.

Новой формой сотрудничества Пекина с африканским бизнесом стали китайско-африканские инвестиционные форумы. В 2018 г. было создано Межбанковское объединение Китая и Африки (*China-Africa Inter Bank Association*). Инициатором его создания выступил Китайский государственный банк развития (*China Development Bank*), оказавший в 2006-2018 гг. финансовую поддержку на сумму свыше \$50 млрд в реализации свыше 500 проектов в 43 странах Африки. Помимо китайского банка, в Объединение вошли 16 ведущих африканских банков. В задачах новой структуры - совместно продвигать сотрудничество в области инфраструктуры, производственных мощностей, а также в гуманитарной сфере, предоставляя финансовые услуги для строительства объектов в рамках ОПОП и способствуя формированию «более тесного китайско-африканского сообщества единой судьбы»¹⁴.

КИТАЙСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ СТРАН АФРИКИ И АФРИКАНСКИЕ ДОЛГИ

Заметное место в стратегии Китая в Африке играет проблема займов и кредитов странам Африки. В последние 20 лет Китай действовал как ключевой источник финансирования целей развития Африки, помогая ей в реализации объектов инфраструктуры. По данным Китайско-африканской исследовательской инициативы (*China-Africa Research Initiative - SAIS-CARI*) Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса, с 2000 по 2019 гг. Китай подписал с африканскими правительствами и государственными предприятиями 1141 соглашение о займах на \$153 млрд¹⁵; при этом 68% кредитов пришлось на долю Анголы, Эфиопии, Замбии, Камеруна. 80% этих займов пошли на экономические и социальные инфраструктурные проекты, в основном транспорт, энергетику, телекоммуникации. При этом, если в 2018 г. Африка получила \$9,9 млрд, то в 2019 г. сумма займов сократилась на 30%, до \$7 млрд¹⁶.

В последние годы наблюдалось сокращение официального кредитования стран Африки двумя ведущими государственными банками КНР - Китайским банком развития (*China Development Bank*) и китайским Эксимбанком (*China Eximbank*), что дало основания для прогнозов, согласно которым процесс сокращения объемов кредитования продолжится.

Это не означает, что кредитование прекратится, однако оно станет более избирательным и потребует более тщательного обоснования. Кредитование сможет осуществляться альтернативными источниками, например, частными предприятиями, коммерческими банками. Как заявил руководитель Китайско-африканского проекта (*China-Africa Project*) Эрик Оландер, «время, когда африканские правительства получали легкий доступ к финансированию инфраструктуры, закончилось»¹⁷. Сейчас китайские кредиторы становятся более осторожными в их предоставлении.

¹³ The Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. China Africa Research Initiative. John Hopkins School of Advanced International Studies. January 2021.

¹⁴ В Пекине подписано соглашение о создании Межбанковского объединения Китая и Африки. 06.09.2018. russian.people.com/cn/n3/2018/-906/c31518-9497929.html (accessed 19.05.2020)

¹⁵ CARI Conference. China's overseas lending in Comparative Perspective. April 6 - May 18. 2021. www.sais.cari.org/

¹⁶ Acker Kevin, Brautigam Debora. Twenty years of data on China's Africa lending. Briefing Paper. April, 2021. www.sais-cari.org

¹⁷ Olander Eric. China to cut back lending to Africa in the post-COVID-19 era. *The Africa Report*. 1 December, 2020.

Одна из причин сокращения финансирования - растущая задолженность стран Африки. Источники ссылаются на цифры, свидетельствующие о росте задолженности стран Африки южнее Сахары в последнее десятилетие, которая составила в 2020 г. рекордные \$702 млрд, тогда как в 2010 г. оценивалась в \$305 млрд¹⁸. Китайские займы странам континента по состоянию на 2021 г. превысили \$140 млрд, что утяжелило их долговое бремя. Самыми крупными должниками называли Эфиопию (\$13,7 млрд), Кению (\$9,8 млрд), Республику Конго (\$7,42 млрд), Замбию (\$6,38 млрд), Камерун (\$5,57 млрд)¹⁹.

Дебора Бротигем из Китайско-африканской исследовательской инициативы Университета Джона Хопкинса, специалист по китайско-африканским отношениям, и ее китайский коллега Ван Цзиньхуан изучили долговую проблему Замбии и подготовили документ, в котором оценили долги Замбии всем китайским финансистам, как официальным, так и коммерческим, на август 2021 г. примерно в \$6,6 млрд [13].

Эта оценка вдвое превышает цифры, которые озвучило ранее правительство Замбии. Правительство и государственные предприятия страны оказались должны 17 китайским банкам и другим кредиторам. Все-го с 2000 г. Замбия задолжала Китаю \$10,3 млрд. Ряд проектов был приостановлен или прекращен, часть долгов была выплачена. На август 2021 г. 35 из 61 проекта были завершены, 6 оформлены, но не начаты, 3 официально приостановлены или прекращены. Так или иначе, но Замбия осталась должна китайским кредиторам \$6,6 млрд [13].

Китай не оставляет долговую проблему без внимания. Си Цзиньпин призвал китайские финансовые институты работать над ее решением. Эксимбанк Китая и Китайский банк развития предоставили Замбии отсрочку выплаты кредитов. Китай интенсифицировал усилия по реструктуризации займов в 6-10 африканских странах, вплотную столкнувшись с проблемой возврата долгов. Китайские банки и другие кредиторы повторно реструктурировали в 2020 г. долг Анголы и Замбии; в 2021г. процесс должен был распространиться на Кению, Эфиопию и Джибути. 18 африканских стран вели переговоры с Китаем на тему долговой проблемы²⁰.

КИТАЙСКИЕ ПРОЕКТЫ В АФРИКЕ: В ФОКУСЕ ИНФРАСТРУКТУРА

Основное направление китайского финансирования стран Африки - проекты развития, прежде всего, инфраструктурные. Согласно *Aid Data Project*, Китай финансировал более 3 тыс. инфраструктурных проектов. Это совпадает с чаяниями африканцев, уделивших важное место данной проблеме в своих документах - «Повестке 2063», «Программе инфраструктурного развития Африки» (*PIDA*), «Президентской инфраструктурной инициативе» («*Presidential Infrastructure Championing Initiative*»), и отвечает планам самого Китая, центральное место в которых отводится ОПОП.

Займы и кредиты Китая позволили реализовать в странах Африки целый ряд инфраструктурных объектов. С его помощью в Африке были построены более 6000 км железных и столько же шоссежных дорог, более 80 объектов энергетики. В соответствии с «Китайско-африканским планом действий в железнодорожном сотрудничестве (2016-2020 гг.)», Пекин финансировал строительство железных дорог в Нигерии, Эфиопии, Джибути, Кении, Анголе. Китайские компании инвестировали в строительство и модернизацию африканских аэропортов, улучшение авиационной инфраструктуры. Уделялось внимание морскому транспорту: расширялись линии морской связи, модернизировались морские порты.

Однако задолженность стран Африки влияет на проблему завершения инфраструктурных проектов. Это коснулось, в частности, кенийского мега-проекта - железной дороги из Момбасы до границы с Угандой. Китайский Эксимбанк выделил средства, позволившие завершить первые участки дороги. Затем проект застопорился. Лишь недавно строительство последнего участка дороги возобновилось, и во время визита в Кению министра иностранных дел КНР Ван И в январе 2022 г. давняя мечта двух африканских стран стала реальностью - железная дорога, связавшая кенийский порт Момбаса с Угандой, была наконец открыта²¹.

Особое внимание уделяет Китай созданию в Африке промышленной базы. С помощью китайских финансов и специалистов, используя опыт Китая в создании Специальных экономических зон (СЭЗ), на континенте созданы экономические зоны и промышленные парки. Так, действует угандийско-китайский промышленный парк, в развитие которого Энергетическая группа Гуанчжоу инвестировала \$620 млн. Функционирует СЭЗ Огун-Гуандун в Нигерии, где заняты 26 китайских компаний и 5 тыс. местных работников.

¹⁸ Pandey Kian. Sub-Saharan Africa's debt burden increased to record \$702 bn in 2020 - highest in a decade. October 14, 2021.

¹⁹ Dipanjan Roy Chauldhury. Africa's rising debt: Chinese loans to continent exceed \$140 billion. Et Bureau. September 23, 2021.

²⁰ Olingo A. 2018. Africa: China Plans to Sell off its African Infrastructure Debt to investors. <https://allafrica.com/stories/201811950324.html>.06.2018 (accessed 25.02.2020)

²¹ Olander Eric. Week in Review. New Possible to Transport Cargo from Uganda to Kenya's Port Mombasa. *Africa Report*. January 14, 2022.

Инвестиции в зону составили \$234 млн. В Руанде действует СЭЗ вблизи Кигали, где работают китайские фабрики. Китай вложил \$148 млн в промышленный парк в 80 км к юго-востоку от Аддис-Абебы²².

Важное место в китайско-африканском экономическом сотрудничестве отводится решению энергетических проблем стран континента. 43% китайских инвестиций в африканскую инфраструктуру приходятся на электроэнергетику. Согласно *Global Data*, на 2019 г. Китай был занят в 242 энергетических проектах в Африке. Финансирование инфраструктурных проектов, в т.ч. в электроэнергетике, осуществляли, в основном, китайский Эксимбанк (67%) и Китайский банк развития (13%) [14]. Вместе с тем, Китай упрекают в том, что, рассуждая о т.н. «зеленом ОПОП» и устойчивом энергетическом развитии на континенте, он одновременно финансирует угольную энергетику²³. При этом следует учесть, что в 2021 г. Китай вложил в горнодобывающую промышленность Африки 21% средств, что меньше, чем Великобритания (45%), Франция (43%) и США (37%)²⁴.

В 2021 г. наблюдался рост китайского доминирования в секторе африканских высоких технологий. Китайские технологические компании строят свое растущее присутствие на континенте с помощью распространения услуг *5G*, оказываемых компаниями *Huawei* и *ZTE*. Компания *Alibaba* расширяет свою деятельность в Африке через *Aliexpress*. Компания *Transsion* удерживает 50% африканского рынка мобильных телефонов. Чтобы удовлетворить потребности африканских пользователей, она учредила центры исследований и разработок в Лагосе (Нигерия) и Найроби (Кения)²⁵.

Участие Китая в цифровизации африканской экономики стало поводом для нападков в США. В ходе слушаний в палате представителей США по иностранным делам Подкомитета по Африке законодатели выразили недовольство по поводу китайской цифровой инфраструктуры, распространяемой в Африке компаниями *Huawei* и *ZTE*. Согласно их заявлениям, некоторые африканские правительства используют эту инфраструктуру для шпионажа в отношении политических оппонентов²⁶.

Китай декларирует поддержку перехода Африки к «зеленой» и низкоуглеродной экономике. Он сокращает инвестиции в угольную промышленность Африки и в строительство электростанций, работающих на угле, перенося центр тяжести на вложения в возобновляемые источники энергии: солнечные, ветровые и другие. Дакарский «План действий» на 2022-2024 гг. включает призыв к инвесторам, региональным организациям и Африканскому банку развития (АФБР) активно участвовать в климатической программе и «зеленых» проектах. При этом в качестве эмитента рассматривается АФБР, а не правительства африканских стран, получившие понижение кредитных рейтингов в период пандемии *COVID-19*.

ДАКАРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФОКАК

Как стратегическое направление китайской внешней политики можно рассматривать созданный в 2000 г. Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК). Позитивно оценивая деятельность этой организации, ученые из Института глобального диалога в Претории (ЮАР) П.Мтемба и Ф.Мабера, издателя книги «Africa-China Cooperation. Towards an African Policy on China?», опубликованной в 2021 г., пишут, что с момента своего создания «ФОКАК осуществлял стратегическое взаимодействие между Китаем и Африкой на базе взаимного доверия, взаимовыгодного сотрудничества, взаимного уважения к суверенитету и территориальной целостности друг друга, взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга» [15, p. 16].

Заседания Форума проводятся раз в 3 года, поочередно в Китае и странах Африки, в форматах саммитов с участием глав государств и министерских конференций; на заседаниях обнародуются программные документы китайского правительства, касающиеся политики в Африке, подводятся итоги сотрудничества за последние три года и объявляется программа на следующий трехлетний срок.

В ноябре 2021 г., в разгар *COVID-19*, в формате онлайн состоялось очередное заседание ФОКАК - министерская конференция в Дакаре (Сенегал) под лозунгом «Углублять китайско-африканское партнерство и способствовать устойчивому развитию, чтобы построить китайско-африканское сообщество общей судьбы в новую эру». Форум состоялся в сложных международных условиях: урон сотрудничеству нанесли как пандемия *COVID-19*, так и ухудшившаяся международная обстановка, которую создали обострившиеся отношения между ведущими акторами на африканском континенте.

²² China Focus: Overseas parks boost China-Africa industrial Cooperation. *Xinhua*. 2018. www.xinhuanet.com/english/2018-06/14/c.137243623 (accessed 10.08.2018)

²³ Olander Eric. China-Africa: Top 10 issues going until 2021. *Africa Report*. January 2021. www.theafrica-report.com

²⁴ Потеряйко А. Китай оккупирует африканскую экономику кредитами и инвестициями. *Regnum*, 17 января 2022 г.

²⁵ Лу Чжоу. Китайские смартфоны в Африке и Индии. *Китай*, май 2019 № 5. С. 56-57.

²⁶ Olander Eric. China Becomes a Major Focus in U.S. Housing Hearing about Elections in Africa. The China Africa Project. March 3, 2021. chinaafricaproject.com

В приветственной речи президент Сенегала Маки Салл заявил: «20 лет назад Китай и Африка решили поднять свои исторические отношения на новый уровень и создали ФОКАК как новую основу формально-го взаимовыгодного партнерства. С тех пор мы двигались вперед рука об руку прагматично и эффективно, о чем свидетельствуют интенсификация нашей торговли, инвестиций и другие достижения наших планов действия» [16]. Председатель Си Цзиньпин выступил онлайн на открытии конференции, а на заседаниях Китай представлял министр иностранных дел Ван И.

Ключевыми темами конференции стали вакцинация африканского населения, африканская задолженность, интеграция инициативы «Один пояс - один путь» с Африканской зоной свободной торговли, а также подтверждение солидарности Китая со странами Африки.

Одной из тем Форума стало растущее участие китайских частных и ряда государственных предприятий в государственно-частном партнерстве в Африке, что является ответом на финансовый кризис, при котором доступ Африки к массивному китайскому финансированию затруднен.

Главные обещания, прозвучавшие в докладе Си Цзиньпина 29 ноября 2021 г., включали поставку в Африку более 1 млрд доз вакцины против ковида, расширение экспорта стран Африки в Китай, участие Китая в африканских программах сокращения бедности, развитие «зеленой» экономики, расширение программы строительства, цифровые инновации [17]. Форум принял 4 ключевых документа - Дакарский план действий (2022-2024), «Видение китайско-африканского сотрудничества 2035», «Китайско-африканская декларация по изменениям климата» и «Декларация 8-й министерской конференции ФОКАК» [16].

Китай понизил сумму финансовых обязательств перед странами Африки: с \$60 млрд в 2018 г. до \$40 млрд в 2021 г. Выступая на пресс-конференции в Найроби 4 декабря 2021 г., китайский посол в Кении Чжоу Пиньян назвал причины, побудившие Пекин сократить объемы финансирования Африки, и главную из них - 9 пунктов намеченной программы сотрудничества, реализация которых потребует значительно больше \$40 млрд. «Не всё, что делает Китай для Африки, имеет денежное выражение, - сказал он, - в целом, поддержка, которую оказывает Китай Африке, вырастет, а не сократится» [16].

Намеченные программы предусматривают меры по развитию сельского хозяйства, развитие торговли и расширение африканского импорта в Китай до \$300 млрд, содействие инвестированию с упором на энергетику [18], списание долгов наименее развитых стран. Предусматриваются также реализация 10 проектов цифровой экономики; 10 «зеленых» программ, программы охраны окружающей среды и изменения климата. Как заявил Си Цзиньпин, Китай реализует в Африке 10 программ мира и безопасности и продолжит оказывать военную помощь Африканскому Союзу, поддерживать усилия африканских стран в сферах региональной безопасности, борьбы с терроризмом и проводить тренинги миротворцев [16]. Таким образом, ФОКАК наметил серьезную программу сотрудничества с Африкой, перспективы реализации которой будут во многом зависеть от ситуации в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трудных экономических условиях, которые создали для Китая и стран Африки пандемия *COVID-19* и обострение международной обстановки, китайско-африканское сотрудничество продолжало развиваться. Торгово-экономические отношения Китая со странами Африки, пережившие спад, активизировались. Китай сохраняет заинтересованность в африканских ресурсах. Вместе с тем, он наращивает усилия по сокращению дисбаланса в торговле с Африкой с помощью мер, призванных содействовать расширению африканского несырьевого экспорта.

Специалисты сходятся на том, что кредитование Китаем стран Африки сократится, станет более избирательным и потребует более серьезного обоснования. Возрастет роль в предоставлении Африке займов и кредитов частных предприятий, коммерческих банков. Главная причина сокращения кредитования - растущая задолженность стран Африки.

Хотя объявленная Пекином программа финансирования на следующие 3 года по объемам уступает предыдущей, Дакарский план действий на 2022-2024 гг. свидетельствует о стремлении Пекина и впредь вносить вклад в развитие африканской экономики в таких важных для нее сферах, как медицина и здравоохранение, сельское хозяйство, торговля, транспорт, энергетика, цифровая и «зеленая» экономики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Nyabiage Jevans, China's trade with Africa grows 22% in 2019 to 208 bn. *South China Morning Post*. 18.01.2020.
2. Olander Eric 2021. By the Numbers: New Report Breaks Down Current State of China-Africa Trade and Economic Ties. *The China Africa Project*. September 27.
3. Mureithi Carlos. Trade between Africa and China reached an all-time high in 2021. *Quartz*. Africa. February 8, 2022.

4. Olander Eric. China-Africa Trade in 2021 Amounted to \$254 Billion, Breaking an All-Time Record. *The China Africa Project*. January 29, 2022.
5. Чубаров И.Г. Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс-один путь» *Международная политика*, 2018 №3 (25) С.45-58. DOI:1046272/2587-8476-2018-03-4558 (In Russ.).
Chubarov I.G. Five components of China's Foreign Economic Course "One Belt - One Road". *International Policy*. 2018 № 3 (25). Pp. 45-58. DOI: 1046272/2587-8476-2018-03-4558 (In Russ.)
6. Herbert Natalie. China's Belt and Road Initiative invests in African infrastructure and African military and police forces. *Viernes. Revista de Prensa*. April 30, 2021. www.almendron.com
7. Wang Christoph Nedopil. 2022. Countries of the Belt and Road Initiative. Shanghai. Green Finance and Development Center. FISF University, Shanghai. www.greenfds.org
8. Nkoana Mashabane. Minister of International Relations and Cooperation. A win-win synergy: Africa's Agenda 2063 and China's One Belt and One Road Initiative. FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. December 2015. P. 2.
9. Nyabiage Jevans. Chinese Foreign Minister set for 3-nation tour of East Africa as Beijing sees to deepen Ties. *South China Morning Post*. January 3, 2022.
10. Olander Eric. Can China integrate Africa's new Free Trade Area with Belt and Road? Comments from a high-ranking official at China's National Development and Reform Commission are the clearest signal so far that Beijing is serious about linking its own multinational trading regime with Africa's. *Sup China*. 08.12.2020. <https://supchina.com>
11. Tiezzi Sh. China's Africa Diplomacy Starts 2021 on a High Note. *The Diplomat*. January 6, 2021.
12. Krippahl Cristina. Who benefits from China-Africa Relations? John Hopkins University. SAIS China-Africa Research. 30.11.2021 www.dw.com
13. Brautigam Debora, Wang Yinxuan. Zambia's Chinese Debt in the Pandemic Era. *CARI Briefing Paper 05. 2021*. China Africa Research Initiative. School of Advanced International Studies, John Hopkins University. Wash., D.C., September 28, 2021.
14. Marais Yanna, Labuschag Jean-Pierre. If you want to prosper, consider building roads. Chinese role in African infrastructure and capital projects. *Deloitte Insights*. 22.03.2019.
15. Mtembu Philani, Maberu Faith, 2021. Africa-China Cooperation. Towards an African Policy on China? London, Palgrave Macmillan. ISSN 2662-2491
16. Thomas David. What did FOCAC 2021 Deliver for Africa. Africa Trade and Investment. *African Business*. November 29, 2021.
17. Xi Jinping. Uphold the Tradition of Always Standing Together and Jointly Build a China-Africa Community with a Shared Future in the New Era. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China at the Opening Ceremony of the Eighth Ministerial Conference of The Forum on China-Africa Cooperation. November 29, 2021.
18. Searfe Jeade. FOCAC-8. A success or failure. Misleading Headlines FOCAC: success or failure. *The African Report*. 23 December, 2021.
19. Yang B. The Belt and Road Initiative and China-Africa Production Capacity Cooperation. National Think Tank. 2018 (3). Beijing, China Social Science Press. 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дейч Татьяна Лазаревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatiana L. Deych, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and the Foreign Policy of African States. Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.06.2022

Интернационализация юаня и международные расчеты между Китаем и странами Африки

© Фитуни О.Л.^а, 2022

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2302-2013; o-l-fit@yandex.ru

Резюме. Одно из проявлений глубинной трансформации мировой системы - относительное ослабление в мировой экономике роли доллара и других традиционных резервных валют и повышение роли китайского юаня. Объективными причинами этого феномена является рост экономической мощи и международного влияния КНР и её позиций в международной торговле, инвестициях и наполнении финансовых потоков.

Объективные факторы сочетаются с целенаправленной и продуманной политикой Пекина в области интернационализации юаня (ИЮ), и стратегия КНР перешла от этапа «расчеты в юанях при трансграничной торговле и инвестициях + юаневые оффшорные финансовые центры + свопы в местной валюте» к новой триаде целей более высокого порядка - «торговля фьючерсами на сырую нефть в юанях + ускорение открытия внутренних финансовых рынков + поощрение использования юаня в рамках проектов “Один пояс - один путь”».

Учитывая роль КНР во внешней торговле и инвестиционном процессе в Африке, данный географический вектор ИЮ - один из наиболее успешных. ИЮ здесь движется в двух плоскостях: «расширения» за счет взаиморасчетов в нацвалюте узких мест сотрудничества, возникающих из-за традиционной для Африки нехватки у контрагентов иностранной валюты, и введения в оборот инновационных финансово-валютных инструментов и решений, выводящих расчеты из-под контроля долларовых или иных клиринговых схем, контролируемых Западом.

Ключевые слова: Китай, Африка, диаспора, интернационализация юаня, расчеты в нацвалютах, взаимозачеты, бартер, платежные платформ

Для цитирования: Фитуни О.Л. Интернационализация юаня и международные расчеты между Китаем и странами Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 57-63. DOI: 10.31857/S032150750020976-5

Internationalization of the yuan and cross-border settlements between China and Africa

© Olga L. Fituni^a, 2022

^а Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2302-2013; o-l-fit@yandex.ru

Abstract. One of many manifestations of the ongoing deep transformation of the world system can be seen in the current relative weakening of the role of the US dollar and other traditional reserve currencies in the world economy and the increasing role of the Chinese yuan. The objective cause for this phenomenon is the ascent of the economic power and international influence of the PRC and the country's position in international trade, investment and filling financial flows. Objective factors are combined with China's purposeful and smart state policy in the field of internationalization of the yuan (IY).

The strategy of IY has gone from the “old triad” scheme (yuan settlements of cross-border trade and investment + establishing offshore yuan financial centers + growth of bilateral local currency swaps) to a new “triad” (trading yuan-nominated oil futures + speeding up the opening of domestic financial markets + encouraging the use of the yuan along the “Belt and Road”, the strategy has also changed from fully developing the offshore financial market to encouraging the opening of the onshore market.

Taking into account the role of the PRC in foreign trade and investment process in Africa, this geographic vector of IY is one of the most successful. IY here develops in two aspects: removing, through mutual settlements in the national currency, the bottlenecks of cooperation arising from the shortage of foreign currency in African economies and the introduction of new financial instruments and solutions to take the settlements out of the control of US dollar, as well as away from other clearing schemes controlled by the West.

Keywords: China, Africa, diaspora, internationalization of the yuan, settlements in national currencies, clearing, barter, cross-border platforms

For citation: Fituni O.L. Internationalization of the yuan and cross-border settlements between China and Africa. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 57-63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020976-5

ВВЕДЕНИЕ

Юань - денежная единица, в которой исчисляется национальная валюта КНР, или *жэньминьби* (кит., букв. - «народные деньги») - постепенно превращается из замкнутой, неконвертируемой валюты континентальной части Китая в глобально признанное международное средство обращения, платежа, накопления, меру стоимости и мировые деньги.

Этот процесс получил в научной литературе наименование *интернационализации юаня* (ИЮ). Он является объектом пристального внимания не только ученых, но, возможно даже в большей мере, политиков и деловых кругов, поскольку знаменует собой системную трансформацию современной мировой экономики и международных отношений. Происходящее было бы невозможно без мощнейшего роста в последние десятилетия экономического потенциала Китая и параллельного тренда относительного ослабления могущества и доминирования конкурирующих глобальных центров силы, прежде всего США и ЕС. При этом нередко собственно экономическая мотивация уступает место геополитическим целям, которыми Запад руководствуется, в частности, вводя всё новые и новые санкции, в т.ч. против России и Китая.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЮАНЯ: ПРИНЦИПЫ И ЭТАПЫ

Интернационализация юаня (ИЮ) - хотя и объективный, но отнюдь не стихийный процесс. Курс на неё - стратегическая линия партии и правительства КНР. 5-й пленум ЦК Коммунистической партии Китая 19-го созыва (октябрь 2020 г.) постановил, что следует «последовательно и осмысленно продвигать интернационализацию юаня, придерживаясь подхода, ориентированного на потребности рынка, и принципа независимого выбора предприятий, чтобы создать новый тип взаимовыгодных отношений сотрудничества, основанный на интернационализации и свободном использовании юаня» [1].

Подчеркнем, что эта задача ставится не изолированно, а в контексте реформирования финансового сектора КНР в целом и реализуется как интегральный элемент развития всей экономики страны с тем, чтобы к 2035 г. КНР «вошла в число стран-лидеров по совокупной национальной мощи и международному влиянию» [2].

К идее поступательной ИЮ в контексте углубления рыночных реформ руководство страны обратилось после мирового финансового кризиса 2008 г. В нулевые и 2010-е годы этот процесс объективно стимулировался ростом торгового оборота КНР со многими странами мира и формированием многочисленных новых китайских диаспор в разных регионах планеты, в т.ч. в Африке, активно вовлеченных в деловые отношения с фирмами у себя на родине [3].

Примерно с 2010 г. Китаем реализовалась стратегия ИЮ, которая была ориентирована на расширение объемов и областей трансграничных расчетов в юанях; предоставление уполномоченным банкам возможности осуществлять операции с юанями в ряде оффшорных (находящихся за пределами континентальной части Китая) финансовых центров, в т.ч. в Гонконге, Тайване, Сингапуре, Лондоне.

В 2015 г. Китай создает собственную Трансграничную межбанковскую платёжную систему - *CIPS*, способную во многих отношениях заменять и/или дублировать функции широко известного *SWIFT*, надежность услуг которого, как показали события начала 2022 г., в высокой степени зависит от решений США и их союзников. На конец 2021 г., по китайским данным, через *CIPS* было проведено транзакций на сумму более 80 трлн юаней (примерно \$12,78 трлн) [4]. По данным на конец марта 2022 г., система насчитывает 1304 участника¹.

В ноябре 2015 г. МВФ подтвердил, что китайский юань соответствует критериям для включения в состав валютной корзины его расчетной единицы - специальных прав заимствования (СДР). Это знаменовало формальное признание денежной единицы КНР в качестве одной из главных мировых валют. Примерно с 2018 г. международное использование юаня вновь на подъеме. Даже начавшаяся в конце 2019 г. пандемия *COVID-19* и связанные с ней катаклизмы в мировом хозяйстве лишь замедлили темпы процесса, но не повернули его вспять.

В ноябре 2020 г. КНР подписала соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП) с десятью странами АСЕАН, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Оно охватило крупнейшую часть мира как по численности населения, так и по суммарному объему экономики и торговли. Тем самым были созданы новые возможности для расширения сферы использования юаня. На африканском направлении новые перспективы открыло создание в 2018 г. Общеконтинентальной зоны свободной торговли, которая заработала с 2021 г. Серьезные успехи были достигнуты в области реализации программ «Один пояс - один путь».

¹ CIPS Participants Announcement No. 75. https://www.cips.com.cn/en/participants/participants_announcement/57096/index.html

По данным *SWIFT*, на март 2022 г. юань - 3-я по значимости валюта в обслуживании мировой торговли (после доллара США и евро), 4-я - по объему деноминированных в ней золотовалютных резервов (ЗВР) разных стран (впереди еще и британский фунт), и 5-я - в международных расчетах, в целом (помимо упомянутых выше валют, его опережает еще и японская йена)².

Однако вопрос не в рейтингах и не в количественных показателях. Качественная составляющая ИЮ претерпела серьезные изменения, которые говорят о куда более высокой степени зрелости процесса. Старая стратегическая триада ИЮ, множившая «расчеты в юанях при трансграничной торговле и инвестициях + юаневые оффшорные финансовые центры + двусторонние свопы³ в местной валюте» уступает место триаде приоритетов более высокого порядка - «торговля фьючерсами на сырую нефть в юанях + ускорение открытия внутренних финансовых рынков + поощрение использования юаня в рамках проектов «Один пояс - один путь»» (ОПОП) [5].

Именно в контексте реализации этих актуализированных стратегий следует рассматривать появившиеся весной 2022 г. сообщения о намечающихся договоренностях по возможному включению в формулу цены на саудовскую нефть стоимости нефтяных фьючерсов, деноминированных в юанях [6]. В этом видно уже начало применения юаня не только в качестве средства платежа, но и как меры стоимости.

При этом старые направления ИЮ, конечно, не исчезают. Большая часть из них просто превратилась в повседневную наработанную рутину. Так, Народный банк Китая (НБК) в рутинном порядке ныне осуществляет валютные свопы в национальных валютах с центральными банками многих государств. До пандемии, за период с 2009 по 2020 гг., двусторонние соглашения о валютных свопах (ДСВС) на общую сумму более чем 3,5 трлн юаней (\$554 млрд) были подписаны с 41 страной континента. Для них это имеет как чисто экономическую, так и политическую значимость: с одной стороны - доступ к юаневой ликвидности, с другой - уменьшение зависимости от доллара и манипуляций Федеральной резервной системы (ФРС) США. Следует также иметь в виду, что конкретные методы, приоритеты и темпы ИЮ в высокой степени зависят от региональных и национальных условий стран-партнеров - не у всех из них валютно-финансовые системы подготовлены к продвинутым технологиям ИЮ.

АФРОЮАНИ И ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ

Учитывая роль КНР во внешней торговле и инвестиционном процессе в Африке, данный географический вектор ИЮ - более чем очевиден и уместен. Китай уже 13-й год подряд сохраняет статус крупнейшего торгового партнера континента. В 2021 г. общий оборот взаимной торговли достиг \$254,3 млрд (прирост за год - 35,3%), из которых африканский экспорт в Китай составил \$105,9 млрд (годовой прирост - 43,7%)⁴. Обоюдные инвестиции приблизились \$100 млрд, из которых примерно \$30 млрд - вложения африканских инвесторов в КНР [7].

Однако использование юаня в торгово-финансовых отношениях с Африкой отнюдь не явление последних десятилетий. В Африке южнее Сахары оно началось с предоставления в 1960 г. Гвинею беспроцентной кредитной линии в юанях [8]. Затем последовали другие юаневые кредиты этой стране, погашение которых допускалось в конвертируемых валютах или путем экспорта товаров из африканской страны в Китай [9]. Аналогичным образом позднее работали юаневые кредиты другим африканским странам, например, Танзании и Замбии. В строгом смысле такие кредиты и связанный с ними бартер нельзя было назвать интернационализацией юаня. Последний, подобно валютам подавляющего большинства социалистических стран, оставался замкнутой валютой. В 1980-1990-е гг. экспортно-импортные отношения КНР со многими странами стали обслуживаться конвертируемыми валютами. Правда, зарубежные китайские диаспоры, активно расширившие свои экономические связи с родиной, были вынуждены активно использовать платежи в нацвалютах обеих сторон, в основном, через бартер.

С начала XXI в. наблюдается постепенное расширение использования юаня в отношениях с Африкой и по другим разделам счета текущих операций - в отношении чистого дохода по инвестициям и трансфертным платежам. Это было в значительной мере связано с ускорением китайской иммиграции и взрывным ростом численности новой китайской диаспоры, в целом, на континенте, усилением здесь инвестицион-

² SWIFT. RMB Tracker. March 2022. <https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/remminbi/rmb-tracker/rmb-tracker-document-centre> (accessed 03.04.2022)

³ От англ. swap - взаимный размен, обмен. Своповые соглашения между центральными банками - финансовый механизм, который позволяет странам-участницам получить доступ к ликвидности в валюте страны-контрагента, минуя необходимость покупок на валютных рынках. Взаимные свопы между центральными банками в нацвалютах минимизируют, при прочих равных условиях, потребность обращаться к валютам третьих стран, например, к доллару или евро (прим. авт.).

⁴ China-Africa trade hits a new high under the epidemic, highlighting the resilience of China-Africa economic and trade cooperation. <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gjxw/202203/131009.html>

ной активности КНР. Анализ структуры занятости представителей китайской диаспоры в Африке показывает, что большая ее часть вовлечена в средний и мелкий бизнес, де-факто активно работающий с юанем [10]. Суммарно экономическая значимость китайских диаспор для двухсторонних отношений, особенно в секторе экспортно-импортной торговли КНР с Африкой, достаточно велика [11].

Наряду с крупными государственными корпорациями во внешнеэкономической экспансии, особенно в ее «диаспоральном сегменте», во все возрастающих объемах участвовал китайский малый и средний бизнес, трансакционные издержки которого часто оказывались мало предсказуемыми из-за неопределенностей, связанных с расчетами с местными партнерами. Например, расширение связей с африканскими контрагентами тормозилось нехваткой иностранной валюты и сложностями многоступенчатых процедур и операций по конвертации, регуляторными рисками, потерями на непредвиденных резких колебаниях курсов и т.п. В ряде случаев ситуация облегчалась при использовании юаня и местных валют. Для средних и мелких предпринимателей, в особенности представителей китайской диаспоры в Африке, нередко использование национальных валют становилось принципиально важным для сохранения их бизнеса.

Распространение юаня движется в двух плоскостях: с одной стороны - «расширения» за счет взаиморасчетов в нацвалюте узких мест сотрудничества, возникающих из-за традиционной для Африки нехватки у контрагентов иностранной валюты, а с другой - введения в оборот инновационных финансово-валютных инструментов и решений, таких, как блокчейн и цифровые денежные единицы, выводящие расчеты из-под контроля долларовых или иных клиринговых схем, контролируемых Западом.

В 2012 г. расчеты в юанях по стоимости покрывали лишь 0,5% торгового оборота КНР с Африкой. Но к 2015 г. этот показатель увеличился до 10%, а ныне превышает 40%. Клиринговый бизнес *Bank of China, BOC* (не путать с центральным Народным банком Китая - НБК!)⁵ в юанях охватывает более 20 главных банков в ЮАР, Нигерии, Уганде, Маврикии, Кении, Танзании, ДР Конго, Гане, Ботсване, Намибии, Экваториальной Гвинее, Зимбабве, Эфиопии и других крупных африканских странах.

В 2013 г. НБК подписал с южноафриканским центральным банком *African Reserve Bank (SARB)* соглашение, которое позволяет последнему инвестировать облигации во внутренний китайский рынок. В апреле 2015 г. они заключили соглашение о свопе на сумму 30 млрд юаней / 54 млрд рандов и подписали Меморандум о взаимопонимании в создании клиринговых механизмов в юанях в ЮАР. НБК поручил Йоханнесбургскому филиалу китайского *BOC* выполнять функции клирингового банка в юанях в ЮАР. В 2016 г. Китайская система торговли иностранной валютой (*CFETS*) объявила об облегчении режима торговли «юань - южноафриканский ранд» и разрешении прямых сделок с двумя валютами на китайском межбанковском валютном рынке. В 2018 г. НБК и *SARB* продлили на 3 года двусторонние соглашения о валютных свопах на те же суммы в нацвалютах.

В 2015 г. НБК подписал с центробанком Замбии Меморандум о взаимопонимании по созданию клиринговых механизмов в юанях и уполномочил *Bank of China (Zambia) Ltd* выполнять функции расчетного банка в юанях в этой стране. Кроме того, в Тропической Африке двусторонние соглашения о валютных свопах (ДСВС) в нацвалютах имели место с центробанками Зимбабве, Ганы, Кении, Нигерии и ряда других стран.

В Северной Африке в 2016 г. ДСВС с НБК осуществили центральные банки Марокко (10 млрд юаней / 15 млрд дирхамов) и Египта (18 млрд юаней / 47 млрд ег. ф.).

В целом страны Африки испытывают доверие к китайской валюте как к объекту вложения и сохранения национального богатства. По имеющимся оценкам, доля юаневых активов в валютных резервах африканских стран может достигать 20%. Это многократно выше, чем в среднем по миру⁶.

Тенденция к диверсификации состава инвалютных резервов, фиксируемая по всему миру на протяжении уже длительного времени, резко усилилась после заморозки существенной части российских золотовалютных резервов в 2022 г. Юань в этих условиях естественным образом оказался в роли наиболее очевидной альтернативы доллару и евро. Хотя конкретные данные о том, насколько эта тенденция проявилась в Африке, пока отсутствуют, из выступлений официальных лиц КНР и африканских государств непосредственно до и после состоявшейся в ноябре 2021 г. в Дакаре 8-й министерской встречи Форума по китайско-африканскому сотрудничеству (*FOCAC*), можно сделать вывод, что и на Африканском континенте подобные подвижки имеют место.

⁵ *Bank of China Limited* - китайская финансовая группа, образованная на основе старейшего из ныне действующих китайских банков. Штаб-квартира - в Пекине. С 2011 г. входит в число глобально системно значимых банков. В 2020 г. по объему активов (вдвое больше, чем у *Bank of America*) банк занимал 4-е место в мире (*прим. авт.*). См. также: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/the-world-s-100-largest-banks-2020-57854079> (accessed 02.04.2022)

⁶ <https://www.euromoney.com/article/b12kjn62twmrq0/africas-rmb-denominated-reserves-to-reach-20-in-five-years> (accessed 27.03.2022)

В работе *FOCAC* в целом вопросу валютно-финансовых расчетов и использованию национальных валют в целях облегчения экономических отношений с Африкой уделяется большое внимание. Выступая с докладом на Дакарском форуме, председатель КНР Си Цзиньпин объявил о запуске 9 программ китайско-африканского сотрудничества на перспективу до 2035 г. [16]. Две из них (4-я - инвестиционная и 5-я - по цифровизации) напрямую касаются ИЮ и развития расчетов в нацвалютах. Китайский лидер также анонсировал учреждение Китайско-африканского трансграничного центра расчетов в юанях (КАТЦЮ) [12].

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Такой центр был создан в г. Чанша (провинция Хунань) на базе хунаньского филиала одного из крупнейших банков мира - *Industrial and Commercial Bank of China (ICBC)*. С 2007 г. *ICBC* - главный акционер (20,1% акций) *Standard Bank of South Africa (SBSA)*, крупнейшего финансового института в Африке, сильно влияющего на кредитно-финансовую составляющую международных экономических отношений (МЭО) всего континента. Разветвленная сеть филиалов *SBSA* в Африке существенно облегчает задачу финансирования китайско-африканских сделок в целом и ведение расчетов в юанях в частности. Под собственным наименованием *SBSA* владеет филиалами в Анголе, Малави, Маврикии, Намибии, ДР Конго, Мозамбике, Эсватини и Лесото.

Филиалы в Ботсване, Гане, Кении, Кот-д'Ивуаре, Танзании, Замбии, Зимбабве, Уганде именуется *Stanbic Bank Limited* с указанием соответствующей страны, например, *Stanbic Bank Uganda Limited*. Нигерийский филиал носит название *Stanbic IBTC Bank PLC* (Нигерия). Финансовая группа *SBSA* также владеет офшорными банками на островах Мэн и Джерси (в проливе Ла-Манш). Кроме того, в нее входят страховая *Liberty Group Ltd* (ЮАР, доля 54%) и компания по управлению активами *Melville Douglas Investment Management Proprietary Ltd*.

Сказанное делает понятным, почему власти Китая возложили именно на *ICBC*, главного акционера *SBSA*, задачу по организации и налаживанию работы Китайско-африканского трансграничного центра расчетов в юанях (КАТЦЮ). Основные направления деятельности Центра на сегодняшний день - аналитические разработки для принятия решений и определения финансовой и экономической политики, создание и внедрение инновационных продуктов, трансграничный клиринг в юанях, собственно инвестирование и финансирование, банковские операции и др. Кроме того, он представляет услуги по получению финансовой поддержки, по поиску партнеров и маркетингу, а также т.н. услуги «бизнес-инкубатора»⁷.

Учрежденный еще в июле 2020 г. по итогам первой Китайско-африканской торгово-экономической выставки, до 2022 г. КАТЦЮ функционировал в экспериментальном режиме, отработывая возможные схемы и форматы взаиморасчетов в юанях с африканскими контрагентами. Он выступил в качестве организатора серии мероприятий по двустороннему поиску партнеров, таких, как «Сведёние африканских и китайских партнеров в секторе сельскохозяйственной продукции» в 2020 г., «Конференция китайских и африканских поставщиков и покупателей» в 2021 г., «Китайско-африканский диалог о финансовом сотрудничестве» и других крупных форумов. Одновременно проводились консультационные и информационные мероприятия по экономическим и торговым вопросам на базе разработанной *ICBC* собственной платформы подбора партнеров - *ICBC Business Matchmaker*. Таким образом, взаимное информирование друг о друге и сведёние потенциальных участников экономического взаимодействия избрано в качестве приоритетной задачи платформы.

Финансовая поддержка бизнесов, особенно провинциальных, - второе важное направление. Например, в первые три квартала 2021 г. хунаньские металлургические компании *Lianyuan Steel* и *Xiangtan Steel* из группы *Hunan Valin Iron & Steel Group Co., Ltd.*, а также *Minmetals Copper (Hunan) Co., Ltd* и ряд других получили через КАТЦЮ финансирование для импорта из Африки железной руды и другого сырья. Для сделок с участием 5 африканских стран были выданы импортные аккредитивы на сумму более 6,5 млрд юаней и выдано 11 гарантий на сумму, эквивалентную 106 млн юаней⁸.

При помощи КАТЦЮ, таким образом, осуществляется управление рисками, включая курсовые риски валют Китая и Африки, что способствует дальнейшей ИЮ. В конце 2021 г. Центр открыл бизнес по спотовым расчетам и продажам иностранной валюты 6 африканских стран. КАТЦЮ сотрудничает с 22 африканскими странами в осуществлении трансграничных расчетов в юанях [13].

27 сентября 2021 г. состоялась презентация Зоны углубленного торгово-экономического сотрудничества Китая и Африки, созданной в рамках Чаншаской подзоны Хунаньской экспериментальной зоны сво-

⁷ Бизнес-инкубатор - это организация, занимающаяся поддержкой проектов молодых предпринимателей на всех этапах развития: от разработки идеи до её коммерциализации (*прим. авт.*).

⁸ http://www.enghunan.gov.cn/hneng/News/Localnews/202112/t20211202_21218389.html (accessed 05.04.2022)

бодной торговли (ЗСТ), одной из 21 действующих пилотных ЗСТ КНР. Здесь сконцентрировано несколько инновационных платформ сотрудничества, таких как «Африканский центр торговли несельскохозяйственными товарами», «Демонстрационный парк инноваций для содействия китайско-африканскому экономическому и торговому сотрудничеству».

В марте 2022 г. министерство торговли провинции Хунань подписало соглашение о стратегическом сотрудничестве с *360 Digital Security Technology Group*, дочерней компанией информационного гиганта *360 Group*, для совместного строительства «Китайско-африканской экономической и торговой долины цифровых сведений» (*Smart Valley*). Проект будет аккумулировать и обрабатывать «большие данные» (*Big Data*) по торговле с Африкой, структурировать и выдавать практически полезную информацию, осуществлять цифровое управление в области экономического и торгового сотрудничества с континентом [14].

Китайско-африканская зона углубленного сотрудничества в Чанша создает устойчивые торгово-производственные цепочки между предприятиями КНР и Африки. За время ее функционирования было сформировано 10 импортно-экспортных производственных цепочек, которые привели к появлению («культивированию») на китайском рынке более 100 африканских товарных брендов, в т.ч. по таким видам продукции, как кофе, какао, орехи кешью, малая сельскохозяйственная техника.

Хотя провинция Хунань не имеет выхода к морю, она постепенно превращается в опорный регион и логистический центр углубленного китайско-африканского торгово-экономического сотрудничества. Здесь регулярно проводится Китайско-африканская экономическая и торговая выставка, которая, согласно указаниям КПК, должна стать всемирно известным выставочным брендом. Для этого создан постоянно работающий «Межсессионный механизм стыковки и обмена для содействия практическому сотрудничеству с Африкой».

В перспективных планах - создание комбинированной железнодорожно-морской транспортной артерии Хунань-Гуандун-Африка, расширение сети пассажирских и грузовых маршрутов от Чанша до основных африканских авиационных хабов, развитие комбинированного транспортного маршрута «река-море» из г. Юэян (на р. Янцзы) на северо-востоке провинции в основные африканские порты и создание международной интеллектуально-логистической информационной платформы для Африки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интернационализация юаня - реальный и, сегодня можно сказать, объективный процесс, проистекающий из общего роста и уровня развития китайской экономики, ключевого места КНР в современных международных экономических отношениях, укрепления глобальных геополитических позиций страны. Общую многолетнюю поэтапную динамику ИЮ можно в упрощенном виде свести к последовательному завоеванию признания и поступательному занятию прочных позиций в следующих сферах мировой экономики: «финансирование торговли» - «международное инвестирование» - «международная резервная валюта». При этом, в отличие от других резервных валют, прежде всего доллара и евро, африканскому компоненту в каждой из упомянутых сфер мирового влияния юаня принадлежит значительная роль. Не переоценивая ее, можно, тем не менее, сказать, что, по крайней мере, в количественном отношении (около четверти всех государств, использующих юани в международном обороте) африканские страны существенно укрепляют статус китайской валюты как, вне всякого сомнения, глобальной.

Финансовое сотрудничество КНР со странами Африки последовательно углубляется на плановой основе. На его реализацию работают не только многочисленные практические организации и ведомства, финансовые учреждения обоих государств изучают рынки друг друга, а центральные банки расширяют объемы расчетов в местной валюте и валютных свопов.

Как признают ведущие российские специалисты по Африке [15, 16], изучение китайского опыта как в сфере использования национальных валют в экономических взаимоотношениях со странами Африки, так в области последовательного и осмысленного строительстве институциональных механизмов обеспечения интересов российского бизнеса на африканском направлении могли бы оказаться полезными для решения многих из ставших в последнее время актуальными задач отечественного народного хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Proposals of the CC of the CPC for formulating the 14th Five-Year (2021-2025) for National Economic and Social Development and the Long-Range Objectives Through the Year 2035. (In Chin.). http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (accessed 28.02.2022)
2. Решение ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии. 11.11.2021. http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (accessed 22.03.2022)

- Resolution of the CC of the CPC on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century. (In Russ.). https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202111/16/content_WS6193a935c6d0df57f98e50b0.html (accessed 22.03.2022)
3. Фитуни О.Л. 2020. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии ее количественного исследования. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 1 (50). С. 14-24. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24
Fituni O.L. 2020. On the issue of the historical and modern size of the Chinese diaspora in Africa and the methodology of its quantitative research. *Journal of the Institute for African Studies*. Moscow. № 1 (50) (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24
  4. Zhang Yang. 2022. Globally, more and more people are adopting the financial standards introduced by Shanghai. *Jiefang Ribào*. 28.02.2022. (In Chin.). http://sh.news.cn/2022-02/28/c_1310491783.htm
  5. Zhang Ming, Pan Song and Li Jiang (2022) CNH Financial Market: Development Momentum, Lessons Learned and Prospects. *Xin jinrong*, 2022, № 2 (In Chin.). <http://zhang-ming.blog.caixin.com/archives/254693> (accessed 28.03.2022)
  6. Zhang Yugui. Is the petrodollar system ushering in a cliff-breaking moment? (In Chin.). <https://opinion.huanqiu.com/article/47HsGnABJel> (accessed 22.03.2022)
  7. Фитуни О.Л. Адаптация африканской стратегии КНР к реалиям постковидного мира. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 12. С. 20-28. DOI: 10.31857/S032150750017782-2
Fituni O.L. 2021. Adapting China's African strategy to the realities of the post-COVID world. *Asia and Africa today*. №. 12, pp. 20-28 DOI: 10.31857/S032150750017782-2
  8. Brautigam Deborah. 2019. Chinese Loans and African Structural Transformation. *China-Africa and an Economic Transformation*. Eds. Arkebe Oqubay and Justin Yifu Lin, Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198830504.003.0007
  9. Bartke Wolfgang. 1989. The Economic Aid of the PR China to Developing and Socialist Countries. 2nd edition. London: K.G.Saur.
  10. Фитуни О.Л. Китайская диаспора Африки: пространственная эволюция и этапы развития. Статья 1. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6. С. 29-36. DOI: 10.31857/S032150750009875-4
Fituni O.L. 2020. The Chinese diaspora in Africa: spatial evolution and stages of development. *Asia and Africa today*. 2020. № 6. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750009875-4
  11. Фитуни О.Л. 2020. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии ее количественного исследования. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 1 (50). С. 14-24. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24
Fituni O.L. 2020. On the issue of the historical and modern size of the Chinese diaspora in Africa and the methodology of its quantitative research. *Journal of the Institute for African Studies*. №. 1 (50) (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24
  12. Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 8th FOCAC ministerial conference. (In Chin.). http://focac.org.cn/focacadakar/chn/kms/202111/t20211129_10458625.htm (accessed 12.12.2021)
  13. Huang Tingting, Zhou Yuegui. 2022. China-Africa economic and trade cooperation in Hunan takes the lead. *Hunan Daily*. 03.04.2022. (In Chin.). http://hn.news.cn/2022-04/03/c_1128528916.htm (accessed 05.04.2022)
  14. Changsha Area of Hunan Pilot Free Trade Zone Strives to Write the Answer Sheet of the Times. *Changsha Evening News*. 30.03.2022. <http://cs.investgohn.com/en/baseDetail.do?articleId=DB6CF6D4CC82F771E053650310ACA62A> (accessed 05.04.2022)
  15. Абрамова И.О. Россия и Китай в Африке: конкуренты или партнеры? *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 9. С. 4-9. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-14-24
Abramova I. 2020. Russia and China in Africa: competitors or partners? *Asia and Africa today*. № 9, pp. 4-9. DOI: 10.31857/S032150750010853-0
  16. Подробнее см.: Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 48-56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4
Deych T.L. China-Africa economic ties: problems and outlooks. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 48-56. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020975-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фитуни Ольга Леонидовна, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Olga L. Fituni, Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and the Foreign Policy of African States. Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow. Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.03.22

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 15.06.22

Внешнеэкономические факторы модернизации стран Магриба

© Турсунов С. П.^a, 2022

^a Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3197-9672; sturs@rambler.ru

Резюме. В эпоху глобализации вопросы экономического развития, включая модернизацию экономики, невозможно изучать в отрыве от внешнеэкономического контекста. Именно изучению этого контекста применительно к странам Магриба, а именно Алжиру, Марокко и Тунису, и посвящена настоящая статья.

Магриб в мировой экономике занимает место источника сырья и производителя промежуточных товаров для транснациональных компаний, что во многом определяется тесными связями с Францией и Евросоюзом в целом. В последние десятилетия все три страны приняли меры, чтобы открыть свой рынок для внешнеэкономических связей, включая либерализацию торговли и движение капиталов. Несмотря на то, что это было сделано не только в отношении стран Европы, но также Африки, арабских стран и мира в целом, в конечном итоге это увенчалось лишь ещё большим углублением связей с северными соседями по Средиземноморью.

Этот процесс представляет собой интерес с точки зрения того, насколько в реальности оказывается позитивное влияние на экономическое развитие вследствие укрепления контактов с промышленно развитыми странами с высоким уровнем дохода, особенно в части увеличения экспорта и технологического трансфера. Современные внешнеэкономические показатели свидетельствуют о том, что это воздействие не столь однозначно. Подробному рассмотрению этих вопросов применительно к Магрибу и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Магриб, Северная Африка, Марокко, Алжир, Тунис, торговля, инвестиции, миграция

Для цитирования: Турсунов С.П. Внешнеэкономические факторы модернизации стран Магриба. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 64-70. DOI: 10.31857/S032150750017881-1

Modernization of Maghreb countries in the context of external economic relations

© Sergey P. Tursunov^a, 2022

^a Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3197-9672; sturs@rambler.ru

Abstract. The article analyses how Maghreb countries' involvement into the global economy, international trade and investment activity, particularly with France and European Union in general, affects their attempts to modernize their economy and to what extent they are efficient. Algeria, Morocco and Tunisia have made many steps towards closer integration with Europe, along with certain measures aimed at loosening the barriers for trade with the African continent, including trade relations inside Maghreb itself. However, their economies still hugely rely on the demand of the European market and foreign direct investments coming from the North of the Mediterranean Sea. Another point of great importance is the migration from these countries to EU, which also has a serious impact on their economic development.

While liberation of trade and strengthening ties with the developed countries were expected to boost the local economies, improve their technological level through fostering production activity, and induce knowledge spill from multinational corporations to North African companies, the actual result yet does not seem so bright. Currently, Maghreb countries are stuck at their role of either exporters of crude materials like Algeria, or outsource producers of spare parts for particular European high-tech manufacturers who seek here cutting production costs by using the opportunity of paying lower salaries than in developed countries.

The role of three Maghreb countries in international economy is, however, significantly different, although they are all dependent on their ties with their former common colonial metropole, France. Investigation of the factors that curb getting benefits from the involvement in global economic activity, as well as nuances of economic development in each of the three countries inside the international context, is the focus of the article.

Keywords: Maghreb, North Africa, Morocco, Algeria, Tunisia, trade, investments, migration

For citation: Sergey P. Tursunov. Modernization of Maghreb countries in the context of external economic relations. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 64-70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017881-1

ВВЕДЕНИЕ

Экономическое развитие, а тем более модернизация любой страны в большой степени зависит от внешнеэкономического контекста. Критическое значение могут иметь конъюнктура на мировых рынках, условия внешней торговли, международное движение капитала и рабочей силы.

В этой связи определяющими для экономик Алжира, Марокко и Туниса факторами являются:

- сырьевая либо промежуточная роль производителей комплектующих всех трёх стран в мировых производственных цепочках;
- географическое положение в непосредственной близости к странам Евросоюза, задающее соответствующий внешнеэкономический вектор;
- исторически тесные связи с Францией;
- вовлечённость в интеграционные объединения как с Европой, так и на Африканском континенте;
- распространение французского языка, который определяет также основное направление эмиграции из стран Магриба.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ

Устойчивое экономическое развитие, как правило, требует диверсификации хозяйства и повышения производительности, что предполагает создание новых мощностей в разных отраслях обрабатывающей промышленности.

Потенциально экономика стран Магриба может развиваться за счёт внутреннего спроса. Так как все три страны отличаются низкой его платёжеспособностью (в Алжире и Марокко - 30%, а в Тунисе 18% населения находятся ниже международного уровня бедности - их уровень потребления не превышает \$5,5 в день)¹, то для возможной стратегии развития за счёт внутреннего рынка наибольшей перспективой обладает производство недорогих товаров массового потребления, т.е., в первую очередь, лёгкая и пищевая промышленность. Для наибольшего успеха такой стратегии нужен большой объём рынка и доступ к дешёвым ресурсам.

Этим критериям в наибольшей степени соответствует Марокко, сравнительно крупная страна с 36-миллионным населением и значительными сельскохозяйственными ресурсами. В Алжире земельные ресурсы для сельского хозяйства многократно скуднее, а Тунис - страна относительно небольшая, и внутренний рынок в ней гораздо уже.

В отличие от ориентации на внутренний рынок, стратегия развития за счёт экспорта выглядит намного более перспективной для всего Магриба, учитывая, что во многих отраслях, особенно высокотехнологичного сектора, страны региона останутся на протяжении долгого времени неизбежно зависимы от импорта, будучи при этом вынуждены удерживать торговый баланс на уровне, приемлемом для финансовой стабильности. Плюсы такого подхода заключаются в потенциально огромном рынке сбыта, главный же минус - необходимость противостоять острой конкуренции с сильнейшими игроками.

Все три страны отличаются по роли, которую они играют в мировой торговле. Если Алжир является поставщиком преимущественно топливного сырья, то Марокко экспортирует промышленные и сельскохозяйственные товары, а Тунис - в подавляющем большинстве промышленную продукцию. При этом наиболее сложные товары экспортируются не национальными компаниями стран Магриба, а иностранными корпорациями.

Структура экспорта Туниса и Марокко выглядит довольно разнообразно, и по ней можно было бы предположить, что перед этими странами открываются большие перспективы индустриального развития: это и пищевая промышленность, и текстиль, и химическая отрасль, и даже машиностроение, включая высокотехнологичные товары. Однако такая картина возникает, только если судить на основании статистики по широким товарным группам. На самом же деле, если детализировать номенклатуру, то по каждой группе доминируют одна-две очень узких отрасли.

Так, почти весь машиностроительный экспорт Марокко (около трети всего экспорта) состоит из личных автомобилей, авиационных запчастей и связанного с ними электрооборудования. При этом и в авиационной, и в автомобильной отрасли доминируют французские корпорации: автомобилестроение практически полностью представлено транснациональными конгломератами *Renault-Nissan* и *Stellantis* (до 2021 г. - *PSA Group* или *Peugeot-Citroën*), а производство авиатехники концентрируется в иерархической сети поставщиков французской компании по строительству аэрокосмических двигателей *Safran Group*. Марокканских автопроизводителей, как и тех, кто выпускает авиадвигатели, не существует вообще, только

¹ World Development Indicators, World Bank. <https://data.worldbank.org/> (accessed 01.12.2021)

производители запчастей. Но даже в этих узких группах доминируют 1-2 конкретных вида товара: так, почти половина поставок электрооборудования, четверть машиностроительной продукции и 7% всего экспорта приходится ровно на один вид - системы зажигания для транспортных средств². Собственно марокканские ниши экспорта, т.е. та его часть, в которой доминируют национальные компании - это поставки рыбы, фруктов и овощей, фосфатных удобрений и одежды (см. табл. 1).

Географически почти все эти крупные группы отраслей привязаны к европейскому рынку. В среднем, за 2015-2020 гг. 70-80% поставок рыбы, овощей, фруктов и одежды приходились на Европу. «Европейские» отрасли по естественным причинам тоже нацелены на неё: туда направляется подавляющее большинство экспортируемого электрооборудования, автомобилей и в целом машиностроения. Единственная крупная отрасль, которая не привязана к северным соседям, это химическая: на рынки европейских стран поставляется лишь 21% марокканских химикатов - практически столько же, сколько в Латинскую Америку или Африку.

Таблица 1. Структура экспорта Марокко
Table 1. Breakdown of Moroccan exports

Отрасль	Средняя доля от общего экспорта в 2015-2020 гг., %	Средняя доля товаров соответствующей отрасли, экспортируемых в Европу, в 2015-2020 гг., %
Машиностроение	33	84
- Автомобилестроение	11	85
- Производство электрооборудования	16	85
- Производство авиазапчастей	3	85
Химическая промышленность	16	21
- Фосфатные удобрения	13	22
Текстильная промышленность	17	88
Фруктовоовощная продукция	11	89
Рыбное хозяйство	7	69

Составлено по: UNCTADStat.

Структура тунисского экспорта несколько более равномерна, хотя отраслевые направления в целом похожи на марокканские. Основные экспортные отрасли - машиностроение, текстиль, продукты питания, химикаты и топливо. Однако более трети продукции, которая формально относится к машиностроению, фактически приходится на поставки проводов и кабелей (в основном автомобильных), что составляет 15% всего экспорта (а в сумме на электрооборудование приходится 22%)³.

Но надо отметить, что, в отличие от Марокко, в Тунисе в технологически сложных секторах гораздо шире представлены местные производители. Например, на мировой рынок уже вышла продукция тунисских производителей телекоммуникационного оборудования (4% национального экспорта)⁴. В этой сфере особо стоит отметить компании *Vega Group*, выпускающую телевизоры и планшеты, и *Evertex*, создавшую одноимённую марку мобильных телефонов, а также планшетов. В лидирующей экспортной отрасли, электротоварах, тоже доминируют тунисцы. Особенно это касается производства электрокабелей, где следует выделить уже фактически ставшую транснациональной корпорацию *Elloumi Group*, выпускающую автомобильную электрику (её крупнейшие активы - *Chakira Cables* и *Coficab*), и *Tunisie Cables*. Разумеется, иностранные компании, особенно французские, на тунисском рынке тоже присутствуют: это и *Stelia Aerospace*, и *Safran*, и *Lacroix Electronics*, и производитель автозапчастей *Valeo*, и многие другие⁵. Однако сам факт наличия национальных фирм, которые производят довольно сложную конечную продукцию и имеют заметную долю экспорта, заслуживает внимания.

Географически, правда, товарный поток из Туниса тоже привязан к Европе. Доля этого региона в географическом распределении экспорта варьируется от 86% до 95% для машиностроения, производства одежды и продуктов питания (см. табл. 2). Главные импортёры тунисских товаров - Франция, Италия и

² World Integrated Trade Solution, World Bank. <https://wits.worldbank.org/> (accessed 05.11.2021)

³ Ibidem.

⁴ Trade Indicators, UNCTADStat, UNCTAD.

⁵ French multinational companies in the Maghreb and the Mashreq: a haven for trade liberalisation and investment. L'Association internationale de techniciens, experts et chercheurs (AITEC), Paris, 2014, p. 21

Испания⁶. В связи с этим стоит учитывать, что Тунис является в значительной степени офшором для компаний из ЕС, которые за счёт льготных условий инвестирования, торговли и низкой стоимости рабочей силы выпускают здесь товары на экспорт как обратно в Евросоюз, так и в другие регионы.

Таблица 2. Структура экспорта Туниса
Table 2. Breakdown of Tunisian exports

Отрасль	Средняя доля от общего экспорта в 2015-2020 гг., %	Средняя доля товаров соответствующей отрасли, экспортируемых в Европу в 2015-2020 гг., %
Машиностроение	37	86
-Электрика и электроника	22	90
Текстильная промышленность	19	95
Пищевая продукция	11	85

Составлено по: UNCTADStat.

В наименьшей зависимости от европейского потребителя находится Алжир - лишь 65,5% его экспортных товаров поставляются в страны Европы. Но есть два важных нюанса. Во-первых, Алжир при большем ВВП и более многочисленном населении обладает меньшими объёмами экспорта, чем Марокко. Во-вторых, 91% этого экспорта - газ, нефть и нефтепродукты. Ещё около 7% приходится на неорганические химикаты. Из последних же 45% поставляется в Чили и лишь 42% - в разные страны Европы⁴.

Таким образом, из трёх стран хоть какой-то самостоятельный потенциал экспорта обрабатывающей промышленности за счёт экспорта можно наблюдать только у Туниса. В Марокко все экспортёры технологически сложных товаров жёстко встроены в производственные цепочки конкретных иностранных корпораций, а в Алжире таковые вообще почти отсутствуют.

Все три страны при этом ориентированы на европейские рынки, и чем выше добавленная стоимость продукции, тем больший её процент поставляется на север. Такая привязка имеет свои плюсы, прежде всего большой и платёжеспособный рынок, но её потенциал ограничен.

Во-первых, в последние два десятилетия замедлились темпы роста европейской экономики, что неизбежно отразилось на динамике спроса на рынках. За 12 лет с предкризисного 2007 г. до предкоронавирусного 2019 г. подушевой ВВП в Европейском союзе вырос лишь на 10%. В приоритетных для Магриба странах динамика была ещё хуже: во Франции рост составил 7%, в Испании - 3%, Италия вообще испытала падение на 14%. Население, как и в других развитых странах, растёт достаточно медленными темпами: по 4,6% за тот же срок во Франции и Испании и 1,8% - в Италии⁷.

По этим фундаментальным причинам совокупный спрос на европейском рынке не может расти быстрыми темпами без появления новых отраслей. Таковыми в начале 2000-х гг. были сферы, связанные с компьютерными технологиями, интернетом и телекоммуникациями. Однако к концу 2010-х гг. потенциал их роста был уже во многом исчерпан. Молодые магрибинские компании, прежде всего, тунисские, не производят принципиально новой продукции. Фирмы в области IT, которые сейчас пытаются проникнуть на международные рынки, уже вынуждены сталкиваться с очень большой конкуренцией. Особенно это касается Европы, где из конкурентных преимуществ магрибинцы могут предложить лишь более низкую цену, что для европейцев не является таким важным фактором, как для более бедных регионов. Окно возможностей быстрой экспансии в этих сферах уже закрыто, и успеть попасть в него у Магриба практически не было никакой возможности в силу отсутствия в нужное время критической массы квалифицированных кадров и промышленного потенциала.

Сейчас это пока ещё возможно, если ориентироваться на рынки других регионов, но значительного потенциала всё ещё нет, а существующий ориентирован на Европу с сомнительными перспективами.

ПИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ

Ещё один важный аспект внешнеэкономической деятельности, который может способствовать модернизации, помимо развития торговли, - это, безусловно, международное движение капиталов. Прежде всего, речь идёт о прямых иностранных инвестициях (ПИИ) и их влиянии на повышение производительности, трансфер знаний и технологий. Связь между ними неоднократно обнаруживалась в самых разных ре-

⁶ Trade Indicators, UNCTADStat, UNCTAD.

⁷ World Development Indicators, World Bank...

гионах мира и её существование в принципе можно считать вполне надёжным фактом. Существует ли она в каждом конкретном случае и, например, в случае Магриба - уже менее однозначный вопрос.

Механизмы обмена знаниями при инвестировании также давно являются предметом исследований [1]. В англоязычной литературе выражение «*knowledge spillover*» (переток знаний) уже стало устойчивым термином. Выделяется т.н. «вертикальный» и «горизонтальный» переток между фирмами. В первом случае обмен технологиями и профессиональными навыками происходит на разных этапах одной производственной цепочки, т.е. между компаниями, участвующими в цепях поставок, а также при создании дочерних и совместных предприятий. Во втором случае - между компаниями, производящими сходную готовую продукцию посредством демонстрационного эффекта, обмена кадрами и стимулирования собственных разработок за счёт конкуренции [2; 6].

Эти два вида тесно связаны с разделением ПИИ, соответственно, на горизонтальные и вертикальные: первые нацелены на экспансию на том рынке, куда компания инвестирует, а вторые - на использование более дешёвых ресурсов в других странах и производство для дальнейшего экспорта. Наиболее эффективным механизмом перетока знаний считается горизонтальный: фирма, намеренная вступить в конкуренцию с местными производителями, должна компенсировать недостатки своего иностранного происхождения (отсутствие опыта на местном рынке, незнание особенностей и пр.) более высоким технологическим уровнем. При вертикальном инвестировании дочерним компаниям передаётся лишь часть имеющихся технологий, необходимая для производства конкретных промежуточных товаров или комплектующих [3]. Тем не менее, горизонтальная модель развивающимся странам, как правило, недоступна в силу того, что некому конкурировать с иностранцами.

В случае Алжира, Марокко и Туниса привлечение иностранных инвестиций тесно связано с расширением торгового сотрудничества, ибо, как уже отмечалось выше, иностранные компании, прежде всего европейские и особенно - французские, приходят в Магриб, чтобы производить там комплектующие, а потом экспортировать обратно и в другие страны. Поэтому введение мер по поддержке инвестиций сопровождалось снижением внешнеторговых барьеров, чтобы удешевить для инвесторов поставки на внешние рынки. И в тесной связи с интеграционными процессами между Северной Африкой и Евросоюзом инвестиционное сотрудничество также движется в европейском направлении.

Иностранные инвесторы в странах Магриба присутствуют в самых разных отраслях: пищевая промышленность (например, *Nestle*), нефте- и газодобыча (*Europa Oil & Gas*), альтернативная энергетика (*Total* и многие другие), аэрокосмическое производство (*Safran, Lacroix, Stelia* и др.), автомобилестроение (*Renault, Stellantis*), а также текстиль, химическая промышленность и др. Производители наиболее высокотехнологичной продукции ориентированы на внешний рынок.

Для Магриба, очевидно, характерен вертикальный механизм инвестирования: иностранные компании создают на территории стран региона дочерние предприятия для снижения издержек и дальнейшего экспорта. В отраслях, связанных с производством технически сложных товаров, на местных рынках у иностранцев нет конкурентов. Соответственно, горизонтальные механизмы обмена квалифицированной рабочей силой и конкурентного стимулирования не работают. Вертикальные в отношении обмена технологиями также работают в ограниченном режиме, поскольку иностранные фирмы, в основном, создают не совместные, а чисто дочерние предприятия и организуют цепочки поставок.

При этом важно иметь в виду, что работы, производимые на мощностях, размещённых иностранными компаниями в странах Магриба, имеют, в основном, сборочный характер и в большинстве своём не требуют высокой квалификации работников. Таковы, например, производство авиадеталей в Марокко и Тунисе, автомобилей - в Марокко и другие отрасли промышленности.

Отдельной проблемой является то, что опыт и знания, заимствованные при производстве деталей для каких-то конкретных товаров, не всегда могут быть применимы для переориентации или создания собственного производства. Технологии создания комплектующих не только привязаны к внутрикорпоративным стандартам, но и защищены интеллектуальными правами.

Модернизационный эффект вертикального перетока знаний также требует весьма сложного и детального исследования на предмет того, насколько знания, полученные при производстве комплектующих для конкретных товаров, защищённых интеллектуальными правами, (например, автомобилей или авиадвигателей) могут быть применены для создания новой, собственной продукции. Особенно это касается автомобильной и аэрокосмической отраслей, что важно для Марокко и отчасти - Туниса.

И, конечно, проблемой остаётся сам по себе небольшой объём ПИИ (см. табл. 3). У стран Магриба был период инвестиционного бума, но он был недолгим и пришёлся на нулевые годы. В Тунисе за последние полвека был только один такой период, когда приток прямых инвестиций стабильно превышал 3% ВВП. Он продлился лишь 5 лет, с 2006 по 2010 гг. В Марокко было только два таких периода - 2006-2007 и 2013-2015 гг., а также наблюдался крупный приток в 2001 и 2003 гг. (в Алжире такового не было вовсе).

Таблица 3. Приток прямых иностранных инвестиций в страны Магриба в 2020 г.
Table 3. Inflow of Foreign direct investments to Maghreb countries

	Объём притока ПИИ, \$	Объём притока ПИИ, % ВВП
Алжир	1,76 млрд	0,8
Марокко	1,13 млрд	1,5
Тунис	592 млн	1,4

Составлено по: World Development Indicators, World Bank...

Но для существенного влияния на модернизацию экономики этого недостаточно. Для наглядности, можно провести сравнение с другими развивающимися странами, которые добились большего успеха на пути индустриализации и модернизации, привлекая иностранные инвестиции. Например, за те же полвека в Малайзии было несколько таких периодов, в т.ч. по 7, 10 и 12 лет. В КНР он длился 21 год, с 1993 по 2013 гг. лишь с двумя перерывами по году. Во Вьетнаме он не прекращался с 1991 г., т.е. уже 30 лет, и если в начале периода эта страна была втрое беднее Туниса по душевому ВВП (\$1736 против \$5889, соответственно), то к 2020 г. отставала лишь на 18% (\$8200 против \$10260)⁸.

Правда, нужно упомянуть, что страны Магриба в большей степени, чем восточно- и юго-восточноазиатские, пострадали от пандемии коронавируса. Если, например, в Китае и Вьетнаме даже в 2020 г. наблюдался положительный рост, то и Алжир, и Марокко, и Тунис испытали спад. Во многом, это связано с более сильной зависимостью от экономических связей с Европой, подвергшейся строгим ограничениям, а также потерей доходов от туризма и уменьшением свободы миграции.

Объёмы прямых иностранных инвестиций в Магрибе остаются низкими по многим причинам, связанным с не самым благоприятным инвестиционным климатом. Среди их конкурентных преимуществ - логистические удобства географической близости к Европе, участие в интеграционных соглашениях, упрощающих экспорт, и более дешёвая рабочая сила, чем в развитых странах. С другой стороны, эта рабочая сила имеет низкую квалификацию (в среднем по трём странам, уровень грамотности в 2020 г. не превышал 80%)⁸, а институциональная среда характеризуется невысоким уровнем лёгкости ведения бизнеса и сравнительно высокой коррупцией (Тунис и Марокко во второй полусотне мировых рейтингов, Алжир - в третьей)⁹.

МИГРАЦИЯ И «УТЕЧКА МОЗГОВ»

Пожалуй, главным внешнеэкономическим аспектом, который тормозит модернизацию Магриба, является массовая эмиграция в Европу. В арабоязычном общественном дискурсе и СМИ ситуация в регионе вполне однозначно характеризуется как «утечка мозгов» («миграция мозгов», если переводить с арабского буквально). За рубежом в 2019 г. только по официальным данным проживали более 3 млн выходцев из трех стран Магриба: 1,6 млн из Марокко (31% из них - во Франции, 39% - в Испании и Италии), 1 млн - из Алжира (79% - во Франции), 450 тыс. - из Туниса (51% - во Франции)¹⁰.

Большинство эмигрантов в качестве основных причин для переезда называли экономические, причём таковых меньше всего в Марокко - самой бедной стране из трёх¹¹. И больше всего мечтают эмигрировать именно обладатели высшего образования - это показывают опросы общественного мнения. Более половины выпускников вузов во всех трёх странах хотели бы переехать, тогда как в целом по каждой стране процент желающих находится в пределах 35-45% [7]. Несмотря на это, те, кому удалось эмигрировать, в среднем обладают более низким уровнем образования, чем те, кто остался на родине: так, лишь 24% переехавших тунисцев были выпускниками высших учебных заведений¹², в то время как среди оставшихся их больше - 32%. То есть, фактически, мигранты, в среднем, менее образованны, чем те, кто не уезжает (по Алжиру и Марокко аналогичных актуальных данных нет).

Принимая во внимание, что большинство мигрантов всё же имеют низкий уровень образования, можно было бы заключить, что проблема «утечки мозгов» стоит не так уж и остро. Но ситуация меняется, если

⁸ World Development Indicators, World Bank...

⁹ Doing Business 2020, Corruption Perception Index 2020.

¹⁰ 2019. <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/index.asp> (accessed 20.11.2021)

¹¹ 79% тунисцев, 64% алжирцев и 55% марокканцев. См.: <https://www.kas.de/documents/282499/282548/Migration+in+the+Middle+East+and+North+Africa+Report+KAS+PolDiMed+Survey.pdf/acc38c1f-bcf4-a58d-fe93-ac33db2d9228?version=1.0&t=1616675653756> (accessed 20.11.2021)

¹² https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264308855-fr/1/2/3/index.html?itemId=/content/publication/9789264308855-fr&_csp_=043c874bee30a43b667048b013ecb1e3&itemIGO=oecd&itemContentType=book (accessed 20.11.2021)

рассматривать более детально отдельные отрасли. Так, наблюдается массовый отток специалистов в области информационных и компьютерных технологий, поскольку зарплаты в Европе и Северной Африке отличаются многократно не в пользу последней¹³. Для модернизации в контексте информационной революции это критично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие с внешним миром для стран Магриба на сегодняшний день складывается не в пользу экономической модернизации, если иметь в виду изменение структуры хозяйства, диверсификацию производства, создание отраслей с высокой добавленной стоимостью, технологическое перевооружение и повышение производительности.

Очень двойственное влияние оказывает европейский фактор. С одной стороны, исторические связи и интеграция с Европой открывают определённые возможности для торговли и привлечения инвестиций с сопутствующими перспективами заимствования знаний и технологий. С другой стороны, возможности технологического обмена ограничены в силу отраслевых особенностей и вертикальной структуры инвестирования. Кроме того, географическая близость к Европе и распространение французского языка играют злую шутку с магрибинскими странами: миграция становится слишком доступной возможностью для многих местных жителей, тогда как условия труда на их родине абсолютно неконкурентоспособны ни с одной европейской страной.

Что касается внешнеторговой ориентации на Европу, то и она имеет свои недостатки, в числе которых невозможность для производителей технически сложной продукции конкурировать с европейскими аналогами, обладающими преимуществами и по качеству, и по соответствию стандартам Евросоюза, и по знанию рынка. Североафриканские производители на европейском поле не могут предложить ничего, кроме более низкой цены.

Всё это закрепляет за Магрибом статус региона, который вовлечён в мировую экономику на правах источника сырья либо промежуточного звена транснациональных производственных цепочек.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, University of Chicago Press, vol. 99(3), 1991, pp. 483-499.
2. Javorcik B. and Spatareanu M. Does it matter where you come from? Vertical spillovers from foreign direct investment and the origin of investors. *Journal of Development Economics*, № 96, issue 1, 2011, pp. 126-138.
3. Driffield N., Love, J. Linking FDI motivation and host economy productivity effects: conceptual and empirical analysis. *Journal of International Business Studies*, № 38, 2007, pp. 460-473.
4. Kireyev A., Nandwa B., Ocampos L., Sarr B., Al Amine R., Auclair A., Cai Y., Dauphin J. Economic Integration in the Maghreb: An Untapped Source of Growth. *IMF Departmental Paper* No. 19/01, 2019.
5. Квашнин Ю. Южный вектор стратегии ЕС: позиции, приоритеты, инструментарий. *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 11, с. 121-126
Kvashnin Yu. Southern Direction of the EU strategy. *World Economy and International Relations*. 2012, No. 11, pp. 121-126. (In Russ.).
6. Kaiser U. Measuring knowledge spillovers in manufacturing and services: an empirical assessment of alternative approaches. *Research Policy*, vol. 31, Issue 1, 2002, pp. 125-144.
7. Who is considering migrating from the Middle East and North Africa? *Arab Barometer*, 2019. <https://www.arabbarometer.org/ar/2019/12/5805/> (accessed 20.11.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Турсунов Сергей Павлович, аспирант кафедры международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Sergey P. Tursunov, Post-graduate student, Department of International Economic Relations, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.01.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 17.06.2022

¹³ <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20210421131853553> (accessed 25.11.2021)

Махатма Ганди о евреях и еврейском вопросе

© Кашин В.П.^а, 2022

^а Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0119-9157; varkash415@gmail.com

Резюме. Лидер освободительной борьбы народов Индии и поборник ненасилия, Мохандас Карамчанд Ганди уделял большое внимание положению евреев и еврейскому вопросу. Он считал евреев Британской Индии составной частью индийской нации, а их участие в кампаниях гражданского неповиновения совместно с индусами и мусульманами - залогом достижения самоуправления.

Ганди осудил идею создания в Палестине еврейского национального очага и государства Израиль на том основании, что Палестина принадлежит арабам, так же как Англия - англичанам, а Франция - французам. Он предложил свой вариант решения еврейского вопроса. Этот вариант исходил из того, что евреи должны оставаться в тех странах, где родились и проживали, и противопоставить гонениям и дискриминации ненасильственные акции по примеру индийцев в Южной Африке. Он убеждал евреев, что ненасилие отвечает их интересам и способно привести к реализации их чаяний даже в нацистской Германии. Обоснованная критика этих наивных убеждений Ганди не поколебала его веры в универсальные возможности ненасилия, приводит к заключению автор статьи.

Позиция Ганди, осуждавшего раздел Палестины и образование еврейского государства, оказала решающее влияние на формирование внешней политики Индии на Ближнем Востоке. Она создавала серьезные трудности диалогу Индии и Израиля. В результате, Индия стала последней в ряду ведущих неарабских и немусульманских стран, которые в 1992 г. обменялись с Израилем послами.

Ключевые слова: Махатма Ганди, ненасилие, еврейский вопрос, сионизм, Израиль

Для цитирования: Кашин В.П. Махатма Ганди о евреях и еврейском вопросе. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 71-77.
DOI: 10.31857/S032150750020977-6

Mahatma Gandhi about Jews and Jewish question

© Valeriy P. Kashin^а, 2022

^а Institute of Oriental Studies, Russian, Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0119-9157; varkash415@gmail.com

Abstract. Mohandas Karamchand Gandhi, the leader of Indian liberation struggle and nonviolence adept, paid a lot of attention to the status of the Jews and the Jewish Question. According to the author, Gandhi considered the Jews to be a part of the Indian nation, and their participation in civil disobedience campaigns together with the Hindus and the Muslims to lead to the achievement of Home Rule.

Gandhi condemned the idea of making the Jewish National Home in Palestine as well as the idea of making the state of Israel due to the fact that Palestine belonged to the Arabs like England belonged to the English and France belonged to the French. Therefore, Gandhi thought that the migration of the Jews to their historical motherland depends on the Arabs' good will.

Gandhi offered his own way of solving the Jewish Question. He thought the Jews should stay in the countries they were born in and lived in and oppose to the discrimination and pursuit with nonviolence actions following the example of the Indians in South Africa. M.K. Gandhi tried to persuade the Jews that nonviolence was in their interests and it was able to lead to the realization of the Jews' ambitions even in the Nazi Germany. The author concludes that the reasonable criticism of Gandhi's naïve beliefs did not affect his trust in universal abilities of nonviolence.

Gandhi's position of condemning the partition of Palestine and the making of the Jewish State had a tremendous impact on the external policy of India in the Middle East. This position made the dialogue between India and Israel rather complicated. As a result India was the latest country among the leading non-Arab and non-Muslim ones to send its ambassador to Israel in 1992.

Keywords: Mahatma Gandhi, nonviolence, Jewish question, Zionism, Israel

For citation: Valeriy P. Kashin. Mahatma Gandhi about Jews and Jewish question. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 71-77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020977-6

ВВЕДЕНИЕ

Миротворец и поборник ненасилия, Мохандас Карамчанд Ганди (1869-1948) уделял большое внимание положению евреев и еврейскому вопросу. Он считал евреев Британской Индии составной частью индий-

ской нации, а их участие в антиколониальной борьбе совместно с индусами и мусульманами - залогом достижения самоуправления. Вместе с тем, Ганди поддерживал идею единой Палестины и выступил против создания независимого еврейского государства. Его позиция имела решающее значение в формировании ближневосточной политики Нью-Дели и привела к тому, что Индия стала последней в ряду неарабских и немусульманских стран, установивших дипломатические отношения и Израилем.

НА ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ РУБЕЖЕ

Евреи привлекали внимание Ганди на протяжении всей общественно-политической деятельности. Его высказывания по еврейскому вопросу можно встретить во многих произведениях - книгах, статьях, письмах, выступлениях и интервью, вошедших в собрание сочинений М.К.Ганди в 100 томах, изданное Отделом публикаций при Министерстве информации и радиовещания Индии.

Его первое упоминание о евреях встречается в статье «Волна сдерживания», опубликованной 24 февраля 1906 г. в газете *Indian Opinion*. Газета издавалась им в Южной Африке, где он с 1893 по 1914 гг. служил юрисконсультантом. Статья посвящена евреям, бежавшим в Преторию из России от жестоких погромов периода революции 1905-1907 гг. Чтобы спасти жизнь, они проделали долгий путь на переполненных корабельных палубах четвертого класса. На вопрос о возможном возвращении один из эмигрантов заявил, что лучше расстаться с последней монетой или сразу наложить на себя руки [1, v.5, p. 89]. Помимо России евреи тогда особенно страдали в Турции и Афганистане, считал Ганди [1, v. 6, pp. 113, 304].

В Претории Ганди дебютировал как политический лидер. В 1907-1908 и 1913 гг. в Натале и Трансваале под его руководством прошли массовые выступления индийских законтрактованных рабочих и мелких торговцев против расовых дискриминационных законов. В ходе этих кампаний он успешно использовал тактику сопротивления без применения насилия, которую назвал *сатьяграхой* (букв. «упорство в истине»). Ему с энтузиазмом помогали немецкий архитектор Герман Калленбах, британский журналист Генри Полак и литовская стенографистка Соня Шлезин. Все трое - евреи. Калленбах был близким другом Ганди, Полак - советником, Шлезин - секретарем. Ганди с особой теплотой вспоминает их в автобиографической книге «История моих экспериментов с истиной», известной в России под названием «Моя жизнь» [2].

По мнению профессора П.Кумарасвами из Университета им. Дж.Неру (JNU) в Нью-Дели, Ганди и его южноафриканских друзей объединяло общее увлечение идеями Льва Толстого [3, p. 14]. Следуя примеру «пророка» из Ясной Поляны, они занимались физическим трудом, бытовыми ограничениями, сами обучали и воспитывали детей на ферме в окрестностях Йоханнесбурга, купленной Калленбахом в 1910 г. Они назвали её «Фермой Толстого». Не исключено, что именно Калленбах и Полак посоветовали Ганди вступить в переписку с Толстым в 1909-1910 гг.

В конце XIX - начале XX вв. евреи составляли около 3,5% белого населения Южной Африки. Они принимали активное участие в экономической жизни и добились больших успехов в горнорудной и добывающей промышленности. В 1888 г. евреи Джордж Албу и Барни Барнато вместе с англичанином Сесилем Родсом основали знаменитую алмазодобывающую компанию «Де Бирс». В сельском хозяйстве евреи отличались в разведении страусов. Британцы и граждане бурских республик благожелательно относились к евреям, но равноправие они получили только в 1910 г. с образованием Южно-Африканского Союза. Самые крупные еврейские общины сложились в Претории, Натале и Дурбане. Особенно выделялись голландская, немецкая и литовская общины, говорящие на языке идиш.

Евреи, которые эмигрировали в Южную Африку в начале XX в., в основном занимались мелкой торговлей и ремеслами и конкурировали с индийцами. «Они не страдают от тех неудобств, от которых страдаем мы, - констатировал Ганди в статье «Наши недостатки» от 19 мая 1906 г. - Но бытовые привычки бедных евреев уступают нашим». [1, vol. 5, p. 221]. Однако по мере обогащения представителей еврейской общины эта картина начинает меняться: «Когда в руках евреев оказываются деньги, они стараются найти им более достойное применение, чем просто что-нибудь копить. В Дурбане, Йоханнесбурге и Кейптауне, всюду, куда ни посмотри, состоятельные евреи умело тратят деньги; их дома очень аккуратные и элегантные... Они заключают браки с европейцами и пользуются в Йоханнесбурге таким же влиянием, как и его правители. Среди евреев можно встретить самых богатых людей мира» [1, vol. 5, p. 221].

Ганди не читал Тору и был осведомлен об иудаизме в самых общих чертах, но с уважением относился к ортодоксальным евреям и неоднократно вкушал лепешку *мацу* в праздник *Песах*, знаменующий Исход детей Израиля из египетского рабства. В 1911 г. он вместе с ювелиром Габриэлем Исааком и торговцем мануфактурными товарами Уильямом Воглом посетил синагогу в Йоханнесбурге и присутствовал на двух или трех богослужениях, которые произвели на него впечатление. «Еврейский *рабби* был ученым и прочел умную проповедь, однако она не тронула моего сердца», - признался он 2 октября 1931 г. корреспонденту газеты *The Jewish Chronicle*, вспоминая то памятное событие 20-летней давности [1, vol. 53, p. 451].

ЕВРЕИ И СВАРАДЖ

В январе 1915 г. Ганди возвратился на родину и провел 5 локальных ненасильственных кампаний, которые принесли ему известность. В 1920 г. он становится ключевой фигурой в Индийском национальном конгрессе (ИНК), самой авторитетной партии страны. Принятая ИНК гандистская тактика предусматривала бойкот британских учреждений, судов и legislatures и включала такие формы организованного протеста, как митинги, демонстрации, пикеты и *харталы* (букв. «заккрытие лавок»). Эти методы ставили в тупик колониальную администрацию и оказались эффективными в условиях Индии.

Борьба за *сварадж* (букв. «самоуправление») отличалась чередой подъемов и спадов. Её основные общенациональные кампании пришлось на 1920-1922, 1930-1931, 1932-1934 и 1942 гг. Вслед за Ганди миллионы сторонников открыто бросали вызов колониальному правлению и безропотно несли наказание. Дальнейшее господство англичан на субконтиненте было поставлено под сомнение, и в полночь с 14 на 15 августа 1947 г. Индия обрела долгожданную независимость.

В этой борьбе Ганди проявил незаурядное упорство, личное мужество, силу духа и большое самопожертвование. В Индии его почитают как «отца нации» и именуют *Махатмой* (букв. «великая душа»). В 1937-1939 и 1947 гг. его четырежды номинировали на присуждение Нобелевской премии мира.

Махатма Ганди считал евреев Британской Индии составной частью индийской нации, а их участие в освободительном движении вместе с индусами, мусульманами, сикхами, зороастрийцами и христианами - залогом достижения *свараджа* [1, vol. 22, pp. 393,438; vol. 25, p. 219]. В своих статьях и речах он придерживался определенного порядка, перечисляя участников кампаний неповиновения. Так, индусы, как самая большая религиозная община, упоминались им первыми, а евреи последними. При этом он не проводил различия между религиозной принадлежностью евреев и национальной.

В канун независимости в Индии проживало около 30 тыс. евреев, что на 9 тыс. больше, чем в 1901 г. [3, p. 16]. Еврейское население состояло из трех этнических групп. Старейшими считались кочинские евреи, обосновавшиеся в городе Кочине на Малабарском побережье. Самую многочисленную группу представляли евреи Бомбея - *бней-Израэль*. Кроме того, в Бомбее и Калькутте было небольшое число евреев-*багдади*, выходцев из Багдада, Басры и Халеба. Евреи внесли свой вклад в развитие сети факторий Ост-Индской компании и играли заметную роль в экономике и государственном аппарате Британской Индии.

Ганди был убежден, что будущее правительство независимой Индии должно включать представителей религиозных меньшинств, в т.ч. евреев [1, vol. 83, pp. 159-160]. В свободной Индии все религиозные общины будут пользоваться равными правами, власти обеспечат защиту не только индусских храмов, но и синагог [1, vol. 95, p. 267]. Он называл религии «ветвями одного древа», а себя индусом, мусульманином, зороастрийцем, христианином и евреем [1, vol. 94, p. 75].

В Индии Махатма Ганди дружил с Маргарет Шпигель, немецкой еврейкой из семьи богатых коммерсантов, и Луисом Фишером, журналистом еврейского происхождения из Филадельфии. В 1933 г. Шпигель посетила Индию, встретила с Ганди и стала его ревностной сторонницей. Он позволил Маргарет поселиться в его обители в Вардхе и дал ей индийское имя «Амала».

В Амалу влюбился и хотел на ней жениться старший сын Ганди - Харилал. В 1918 г. его жена умерла от гриппа и трое детей остались без матери. Но Махатма Ганди возражал против повторного брака сына. Возможно, это было связано с тем, что Маргарет мечтала иметь много детей [4, p. 246]. Отказ отца сломил Харилала. Он стал искать утешение в вине. Его бизнес терпел неудачи, и кредиторы часто писали Ганди, жалуюсь на Харилала и требуя возврата денег, которые они ему ссудили. 29 мая 1936 г. в мечети Джама масджид в Бомбее Харилал объявил о переходе в ислам и получил новое имя - Абдулла. Отец считал поведение сына безответственным и безнравственным [5, с. 46].

Профессиональный интерес привел Луиса Фишера в Индию в мае 1942 г. Он провел 7 дней с Ганди в Вардхе. Там стояла испепеляющая жара. Махатма Ганди ежедневно беседовал с ним по несколько часов. Особенно подробно он расспрашивал американского журналиста о 14-летнем периоде его работы в России [6, p. 231]. Свои впечатления о встречах с Ганди Фишер изложил в нескольких книгах. Его «Жизнь Махатмы Ганди» [7] послужила основой для сценария известного фильма Ричарда Аттенборо «Ганди», завоевавшего в 1983 г. 8 премий «Оскар». Эта книга считается одной из лучших биографий индийского лидера.

Последней, кто за несколько часов до гибели Махатмы Ганди взял у него интервью, была Маргарет Бурк-Уайт, фотограф журнала *Life*. Дочь польского еврея-иммигранта, она была гражданкой США. Среди её вопросов прозвучал и такой: «Вы по-прежнему надеетесь прожить до 125 лет?» На что Ганди ответил: «Я утратил такую надежду из-за тех ужасов, что творятся в мире» [4, p. 307]. Когда прозвучали роковые выстрелы Натхурама Годсе - убийцы Ганди, она успела сделать несколько снимков. Фотографировать место преступления было запрещено, и Фируз Ганди, муж дочери Джавахарлала Неру Индиры Ганди, вырвал у Маргарет камеру и засветил пленку. Тем самым он лишил мир последних исторических фотографий «отца нации».

ИСПЫТАНИЕ СИОНИЗМОМ

Гандизм и сионизм формировались в одно и то же время и стали действенным орудием индийского и еврейского национализма. Если главной задачей Ганди являлось достижение независимости Индии путем массовых акций протеста при соблюдении ненасилия, то целью руководителей сионистского движения было возвращение еврейского народа на историческую родину и создание на территории Эрец Исраэля государства, способного обеспечить защиту и возрождение евреев.

Возможность приступить к осуществлению своих политических замыслов сионистам дала «Декларация Бальфура» от 2 ноября 1917 г. - официальное письмо министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура вице-президенту Сионистской федерации лорду Лайонелю Ротшильду, выражающее готовность британских властей поддержать создание в Палестине еврейского национального очага. Впоследствии «Декларация Бальфура» была включена в текст мандата на управление Палестиной, выданного 24 июля 1922 г. Великобританией Лигой Наций.

Для развития *ишува*, т.е. еврейской общины в Палестине в догосударственный период, решающее значение имела масштабная иммиграция. Она проходила несколькими потоками и финансировалась сионистскими фондами, банками и ассоциациями. В результате, доля еврейского населения к арабскому выросла с 9,7% в 1919 г. до 28,6% в 1935 и 35,1% в 1946 г., приблизившись к 600 тыс. человек [8, р. 7]. И хотя евреи всё ещё оставались в меньшинстве, освоение новых земель и достижения в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве способствовали укреплению их позиций на подмандатной территории.

Взгляды Ганди на сионизм отличала осторожность высказываний и формулировок. Это подтверждает его упомянутого интервью *The Jewish Chronicle*. В интервью он подчеркивает, что его суждения о сионизме «в духовном смысле» имеют отношение только к «истинному сионизму» или попытке «найти Иерусалим в себе»: «Истинный сионизм, о котором я говорю, представляет то, к чему стоит стремиться, то, за что стоит умереть. Сион в сердце. Он - дом Бога. Подлинный Иерусалим - духовный Иерусалим. Еврей может реализовать его в любой части света» [1, vol. 53, р. 452]. А вот «сионизм в значении захвата Палестины», по его собственному признанию, ему был «неинтересен». Вместе с тем, стремление еврея вернуться на историческую родину, особенно, если он собирался обойтись без помощи собственных или британских штыков, Ганди считал «логичным», потому что «тогда он (еврей - В.К.) возвратится в Палестину мирным путем и сохранит дружеские отношения с арабами» [1, vol. 53, р. 452].

Руководители сионистского движения предприняли несколько попыток ознакомить Ганди с доктриной сионизма в ходе личных контактов. Их первая официальная встреча состоялась 15 октября 1931 г. в Лондоне, куда он прибыл для обсуждения прав религиозных общин и каст Индии. Рабочий график Махатмы Ганди был плотным и отводил полчаса на прием президента Всемирного сионистского конгресса Нахума Соколова и члена исполкома Всемирной сионистской организации Зелига Бродецкого. Как вспоминал Бродецкий, индийский лидер внимательно выслушал информацию об экономической и общественной деятельности сионистов в Палестине, выразил желание лично посетить подмандатную территорию и просил прислать ему «литературу» о сионизме [3, pp. 39-40].

19 сентября 1936 г. Вардху посетил Иммануил Олсвангер, видный сионист, изучавший историю Древней Индии и её литературный язык - *санскрит*. Беседа продолжалась 20 минут. Ганди воздержался от каких-либо комментариев в отношении сионизма, и Олсвангер был разочарован результатами диалога, свидетельствует исследователь из Израиля Гидеон Шимони [9, р. 31].

1 апреля 1947 г. в Нью-Дели М.Ганди выступил на Межазиатской конференции, а затем принял представительную еврейскую делегацию от Палестины во главе с Хуго Бергманом, профессором Еврейского университета в Иерусалиме. Ганди обратил внимание гостей на «конфликты» евреев и арабов в Палестине и осудил терроризм [3, р. 51].

Кроме того, 21 мая 1937 г. в Бомбее Ганди встретился с Германом Калленбахом, старым другом по Южной Африке, примкнувшим к сионистам. Он передал ему свое неподписанное и недатированное заявление по сионизму для *Jewish Agency for Palestine*. Оно никогда не публиковалось и не оглашалось публично [3, р. 66]. Обращает внимание то обстоятельство, что секретари Махатмы Ганди, которые присутствовали на приемах эмиссаров сионизма, об этих событиях ничего не сообщают. О контактах «отца нации» и руководителей сионистского движения нет упоминаний и в его собрании сочинений в 100 томах. И это было отнюдь неслучайным.

ПАЛЕСТИНСКАЯ ДИЛЕММА

Махатма Ганди рассматривал Палестину как составную часть арабского мира. «Палестина принадлежит арабам так же, как Англия - англичанам, а Франция - французам», - писал он в статье «Евреи», опублико-

ванной 26 ноября 1938 г. в издаваемой им в Индии газете *Harijan* [1, vol. 74, p. 239]. Он был сторонником мусульманского контроля над Палестиной и ссылаясь на то, что в этот исторический период «евреи и христиане никогда не сталкивались с трудностями при её посещении и отправлении религиозных ритуалов» [1, vol. 22, p. 429].

Ещё в начале 1920-х гг. Махатма Ганди, Дж.Неру, Абул Калам Азад и другие лидеры ИНК встали на путь поддержки арабского национализма и единой Палестины. 27 сентября 1936 г. ИНК провел в стране «День Палестины», а через 3 года принял резолюцию по Палестине с требованием создания на её территории единого независимого демократического государства.

25 мая 1921 г. Ганди назвал «грабежом и предательством мусульман» передачу Палестины под британское управление [1, vol. 23, p. 184]. Он советовал евреям отказаться от любого рода сотрудничества с британскими властями и, в первую очередь, военного: «Палестина не может быть передана евреям как военный трофей. Или сионисты пересмотрят свои представления о Палестине, или им придется развязать «священную войну» против мусульман всего мира и привлечь христиан на свою сторону» [1, vol. 22, p. 458].

Махатма Ганди выступал против создания в Палестине еврейского национального очага, её раздела и образования государства Израиль. «Все мои симпатии сегодня принадлежат евреям... Однако эти симпатии не делают меня слепым. Идея национального дома для евреев меня не вдохновляет, равно как и её поиски в Библии, а также настойчивость, с которой евреи стремятся сегодня в Палестину», - читаем в его статье «Евреи» [1, vol. 74, p. 239]. В пользу этого он приводил следующие доводы: во-первых, евреям не нужен дом в Палестине, потому что он у них уже есть в стране, где они родились; во-вторых, передача Палестины, частично или полностью, евреям в качестве национального дома будет «преступлением» и «оскорблением чести арабов»; и, в-третьих, колонизация евреями Палестины опирается на британские штыки [1, vol. 74, pp. 239, 242].

Он полагал, что переселение евреев в Палестину целиком и полностью зависит от «доброй воли» арабов. Поэтому евреи должны стремиться завоевать сердца и доверие арабских соседей. Это потребует от них больших усилий и героизма, включая готовность на смерть в водах Мертвого моря. В этом случае весь мир будет на их стороне, и арабы тоже [1, vol. 74, p. 242].

Но в действительности арабы не спешили помочь еврейским иммигрантам, а тем более открывать им свои сердца. 23-29 августа 1929 г. Палестину охватили кровопролитные еврейские погромы. Они вспыхнули у Стены Плача в Иерусалиме и распространились на Наблус, Хайфу и Яффу. На помощь местным арабам прибыли тысячи крестьян и бедуинов из Сирии и Трансиордании. В столкновениях были убиты 133 еврея и 116 арабов и ранены 339 евреев и 232 араба [10, p. 6]. Англичане с трудом подавили беспорядки. Во второй половине 1930-х гг. массовые арабские выступления переросли в партизанскую войну. Основной мишенью стали еврейские поселения. Для защиты от нападений их возводили по ночам и окружали оборонительной стеной со сторожевой вышкой.

«Я не защищаю арабские эксцессы», - утверждал Ганди 26 ноября 1938 г. [1, vol. 74, p. 242]. Однако ответные действия еврейского сопротивления он осудил как террористические. 1 июня 1947 г. на вопрос Геральда Рока, корреспондента *United Press of America*: «Какое решение палестинской проблемы вы считаете наиболее приемлемым?» Ганди ответил: «Полный отказ евреев от терроризма и других форм насилия» [1, vol. 95, p. 180].

В этих условиях политика англичан заключалась в лавировании между арабами и евреями, что на практике способствовало углублению конфликтной и взрывоопасной ситуации в Палестине и подрыву престижа Великобритании на международной арене. Неспособность Лондона справиться с возложенными на себя обязанностями побудили его передать «палестинскую проблему» в руки ООН. Раздел Палестины стал неизбежным, как и раздел Британской Индии.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В конце XIX - начале XX в. в полный голос заявил о себе «еврейский вопрос». Он был связан с развитием национального сознания у широких слоев еврейского населения, а также подъемом антисемитизма в Европе, и получил широкий общественный резонанс. В ходе обсуждения статуса еврейского меньшинства и его существования в нееврейском окружении предлагалось несколько вариантов решения проблемы - от автономии и ассимиляции до принудительной депортации и создания отдельного еврейского государства. Эта тема вызвала интерес и у Махатмы Ганди.

Ганди высоко ценил способности и одаренность евреев, их ум, энергию и предприимчивость, взаимную поддержку и солидарность. Однако в европейском общественном сознании границы их идентичности и индивидуальности, по его мнению, оказались размытыми: «Если какой-нибудь еврей совершает проступок, то все евреи мира должны отвечать за это. Если еврей, как Эйнштейн, делает великое открытие или

сочиняет непревзойденную музыку, заслуга должна принадлежать авторам, а не общности, которой они принадлежат», - указывал он 21 июля 1946 г. в статье «Евреи и Палестина» [1, vol. 91, p. 272].

На протяжении своей истории евреи пережили многочисленные гонения и преследования. Еврейские погромы сопровождались убийствами, изнасилованиями и разграблением имущества. Деморализованные и беспомощные люди не могли оказать сопротивления мародерам и были вынуждены спасаться бегством. Неправильно толкуя Новый Завет, часть христиан обвиняла и обвиняет евреев в распятии Иисуса Христа и непризнании его мессианской роли. Всё это дало повод Ганди сравнивать положение евреев в Европе с положением неприкасаемых в Индии.

Батраки и чернорабочие, прачки и кожевники, неприкасаемые подвергались жестокой эксплуатации. Для лиц, принадлежавших к высшим кастам, общение с ними считалось оскверняющим. Неприкасаемым запрещалось селиться на одной улице с кастовыми индусами, пользоваться общественными колодцами, лечебницами, лавками, посещать индусские храмы, а в некоторых провинциях даже передвигаться по улицам и дорогам в дневное время. Ганди называл институт неприкасаемых «позором Индии» и требовал его безоговорочной ликвидации. «Сходство в отношении христиан к евреям и отношении индусов к неприкасаемым очень близкое, - рассуждал он. - Санкции накладываются в том и другом случаях для оправдания бесчеловечного обращения» [1, vol. 74, p. 239].

Как признался Ганди, свой вариант решения еврейского вопроса он предложил в ответ на пожелания друзей-евреев и лиц, состоящих в переписке с ним [1, vol. 75, p. 415]. При этом он исходил из того, что эта проблема должна решаться самими евреями с участием заинтересованных сторон, в первую очередь арабов, когда речь идет о Палестине. Никакого ущемления в правах евреев не должно иметь места.

С точки зрения Ганди, создание еврейского национального очага и еврейского государства в Палестине не может решить еврейского вопроса как такового. Зачем еврею «второй дом»? Ему лучше оставаться там, где он проживает. «Нужно настойчиво требовать справедливого отношения к евреям везде, где они родились и живут. Евреи, которые родились во Франции, такие же французы, как и христиане, родившиеся во Франции», - убеждал Ганди [1, vol. 74, p. 239]. Поиски национального дома за пределами Франции, Германии, Англии и других стран Европы только усиливают недоверие к евреям местных властей и населения [1, vol. 74, p. 239].

Погромам и дискриминации евреи должны противопоставить ненасилие - универсальное и эффективное средство решения общественно-политических проблем и международных конфликтов. Ганди призывал евреев к проведению массовых ненасильственных акций повсеместно. Он неоднократно повторял, что ненасилие - это оружие сильных духом, требующее убежденности, дисциплины и самопожертвования.

Согласно Ганди, ненасилие полностью отвечает интересам евреев и способно привести их к успешной реализации своих требований. Европейские евреи представляют собой «компактную, однородную общность» и опираются на симпатии и поддержку «организованного мирового сообщества». Поэтому они обладают большими возможностями, чем индийцы в Южной Африке [1, vol. 74, p. 241].

ХОЛОКОСТ И НЕНАСИЛИЕ

Приход Гитлера к власти в Германии стал для евреев чудовищной катастрофой. В ходе массовых расстрелов, в концентрационных лагерях, гетто и в тюрьмах погибло 6 млн евреев, или свыше 60% еврейского населения Европы. В годы II мировой войны многие страны отказывались принимать евреев, спасавшихся от Холокоста, что, наряду со строгими ограничениями Великобритании на переселение в Палестину, означало неизбежную смерть для миллионов людей. Нацистское «окончательное решение еврейского вопроса» обернулось геноцидом, не имевшим аналогов в мировой истории.

Ганди знал о преследованиях и истреблении евреев в Германии. В 1946 г. в беседе с Луисом Фишером он упомянул «гетто» и прибавил, что кварталы, отведенные для принудительного поселения евреев в период нацистской оккупации, существовали во многих частях Европы [1, vol. 91, p. 272]. Однако о масштабах геноцида он тогда всё же не имел полного представления.

23 июля 1939 г. и 24 декабря 1940 г. Ганди отправил Гитлеру два письма, в которых называет его «дорогой друг». В них он просит Гитлера отказаться от ведения военных действий. «Очевидно, что на сегодняшний день вы являетесь единственным человеком в мире, способным предотвратить войну, которая может низвести человечество до состояния дикости. Стоит ли платить такую цену за достижение цели, какой бы значимой она ни казалась? Может быть, вы прислушаетесь к призыву человека, который сознательно отверг войну как метод, добившись при этом значительных успехов?», - взывает он [1, vol. 76, pp. 156-157]. Еврейский вопрос в письмах не поднимался. Первое письмо британская цензура не пропустила. А на второе, открытое письмо, Ганди ответа не получил. Доказательств, что Гитлер прочел его, нет.

Убежденный сторонник ненасилия, Ганди советовал евреям Германии и Европы противопоставить тирании Гитлера ненасильственное сопротивление. «Если евреи проникнутся духом ненасилия, Гитлер склонит голову перед их смелостью, превосходящей даже его лучшие штурмовые отряды», - обещал он [1, vol. 74, p. 298]. При этом он наивно надеялся, что страдания людей когда-нибудь найдут отклик в сердце Гитлера [1, vol. 74, p. 392].

Ганди был уверен, что тот, кто выбрал путь ненасилия, не станет предаваться отчаянию ни при каких обстоятельствах: «Если бы я был евреем, родился в Германии и зарабатывал там на жизнь, я признал бы Германию своим домом и не отказался от этого решения даже под угрозой расстрела и тюремной камеры. Идя на это, я не стал бы дожидаться, пока другие евреи присоединятся к гражданскому сопротивлению. Рано или поздно они последуют моему примеру» [1, vol. 74, p. 240]. В итоге он пришел к выводу, что именно ненасилие может спасти евреев Германии и заставит Гитлера «уважать человеческое достоинство» [1, vol. 74, p. 242].

Тем не менее, друзья и читатели Ганди выражали обоснованное сомнение в способности евреев эффективно противостоять нацизму с помощью ненасилия. Как заметил один из его корреспондентов, «еврей Ганди сумеет продержаться в Германии не более пяти минут и будет отправлен на гильотину» [1, vol. 75, p. 415]. Но его сарказм не смутил Ганди.

ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Получилось так, что Индия достигла независимости на 9 месяцев раньше Израиля - в 1947 г., в полночь 15 августа, по настоянию астрологов; Израиль - в 1948 г., 14 мая. Отношения между ними с самого начала были сложными. Это во многом определила позиция Махатмы Ганди, осуждавшего раздел Палестины и создание еврейского государства. Она оказала решающее влияние на формирование внешней политики Индии на Ближнем Востоке.

Первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру (1947-1964) претендовал на роль сторонника нейтралитета в арабо-израильском вопросе, но с уклоном в пользу арабов. 11 мая 1949 г. Индия голосовала против членства Израиля в ООН. 17 сентября 1950 г. Индия де-юре признала Израиль, но отложила на неопределенное время обмен посольствами. В 1956 г. разразился Суэцкий кризис, и Неру назвал действия Великобритании, Франции и Израиля «худшей формой агрессии» и «попыткой повернуть историю вспять» [11, с. 279].

В отличие от Индии, Израиль, как правило, поддерживал её в конфликтных и спорных ситуациях. Когда в 1962 г. произошли столкновения между Индией и Китаем в районе Тибета, Израиль оказал Индии ограниченную военную помощь минометами и стрелковым оружием. В период войн Индии с Пакистаном Израиль делился с ней разведывательной информацией, а в 1971 г. снова предложил ей помощь оружием и снаряжением. В Иерусалиме считают кашмирскую проблему внутренним делом Индии и недоумевают, зачем Неру согласился передать её на рассмотрение СБ ООН. Оказавшись во враждебном окружении и фактической блокаде на Ближнем Востоке, Израиль прилагал энергичные усилия для установления прямого диалога и сотрудничества с неарабскими странами. Особое внимание он уделял Индии, одному из крупнейших и влиятельных государств Азии.

Попыткам сближения Израиля и Индии сопротивлялась наследница «курса Неру» Индира Ганди, которая возглавляла индийское правительство в 1966-1977 и 1980-1984 гг. Она не упускала ни малейшего шанса, чтобы в очередной раз заклеить агрессивный курс Израиля на Ближнем Востоке и потребовать возвращения арабам всех оккупированных территорий.

Всё это не помешало Индире Ганди в конце 1982 г. вступить в секретные переговоры с Израилем о нанесении упреждающего авиаудара по пакистанскому центру обогащения урана в Кахуте, чтобы предотвратить создание первой исламской атомной бомбы. Для обучения приемам выведения из строя системы авиаобнаружения Пакистана в феврале 1983 г. в Тель-Авив прибыла группа офицеров из Индии. Однако об этих договоренностях стало известно в Исламабаде. Осенью того же года на встрече в одном из отелей Вены председатель Пакистанской комиссии по атомной энергии Мунир Ахмад Хан предупредил Раджу Раманна, директора Центра атомных исследований им. Х.Д. Бхабхи, что за атакой на Кахуту последует ответный удар по индийскому городу Тромбею и его ядерным реакторам со всеми вытекающими последствиями для соседнего многомиллионного Бомбея [12, p. 142].

Окончание «холодной войны» и глобальные изменения в системе международных отношений поставили Индию и её дипломатию перед серьезным выбором. Развал СССР означал для Индии потерю многолетнего союзника, который обеспечивал 70% её потребностей в вооружении. Требовались новые партнеры и новые поставщики оружия. В начале 1990-х гг. встал вопрос об улучшении отношений с США. По мнению

многих индийских лидеров, включая премьер-министра Нарасимху Рао (1991-1996), эти планы могли реализовываться при поддержке американского еврейского лобби и устойчивых отношений с Израилем.

Тем временем, 24 января 1992 г. дипломатические отношения с Израилем установил Китай. После этого Нью-Дели форсировал события, и через 5 дней, т.е. 29 января 1992 г., Индия и Израиль, наконец, обменялись послами. Таким образом, Индия стала последней в ряду ведущих неарабских и немусульманских стран, которые пошли на этот шаг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы борьбы за независимость Индии Махатма Ганди выдвинул свой вариант решения еврейского вопроса. Он исходил из того, что евреи должны оставаться в тех странах, где они родились и проживали, и противопоставить гонениям и дискриминации ненасильственные акции по примеру индийцев в Южной Африке. Ганди убеждал евреев, что ненасилие полностью отвечает их интересам и способно привести к реализации их чаяний даже в нацистской Германии. Обоснованная критика этого наивного представления не поколебала его веры в универсальные возможности ненасилия.

Махатма Ганди рассматривал Палестину как составную часть арабского мира и осудил идею формирования еврейского национального очага. Под его влиянием в 1936 г. ИНК принял резолюцию по Палестине с требованием образования на её территории единого демократического государства. Это создавало серьёзные трудности диалогу независимой Индии и Израиля. Страны обменялись послами только в 1992 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Gandhi Mahatma. 2000-2001. The Collected Works. New Delhi: Publications Division. Vol. 1-100. 5th ed. (repr.). 2000. Vol. 1-78; 2001. Vol. 79-100.
2. Ганди М.К. Моя жизнь. М., Наука, 1969.
Gandhi M.K. 1969. My Life. Moscow. (In Russ.).
3. Kumaraswamy P.R. 2018. Squaring the Circle. Mahatma Gandhi and the Jewish National Home. New Delhi: KW Publishers.
4. Капоор Р. 2018. Gandhi: An Illustrated Biography. New Delhi: Roli Books.
5. Кашин В.П. Махатма Ганди и его дети. *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 3, с. 44-48.
Kashin V.P. 2006. Mahatma Gandhi and his Children. *Asia and Africa today*. № 3, pp. 44-48 (In Russ.).
6. Weber T. 2015. Gandhi. At First Sight. New Delhi: Roli Books.
7. Fischer L. 1950. The Life of Mahatma Gandhi. N.Y.: Harper.
8. The End of Palestine Mandate. 1986. Ed. by Louis W.R., Stookey R.W. Austin: University of Texas Press.
9. Shimoni G. 1977. Gandhi, Satyagraha and the Jews. A Formative Factor in India's Policy toward Israel. Jerusalem: Hebrew University.
10. Winder A. 2012. The "Western Wall" Riots of 1929, Religious Boundaries and Communal Violence. *Journal of Palestine Studies*. Vol. 42, № 1, pp. 6-23.
11. Гопал С. Джавахарлал Неру. Биография. Т. 2. М., Прогресс, 1990.
Gopal S. 1990. Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)
12. Hiro D. 2011. Jihad on Two Fronts. South Asia's Unfolding Drama. New Delhi: Harper Collins.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Valeriy P. Kashin, PhD (History), Leading Researcher, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.01.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 17.05.2022

DOI: 10.31857/S032150750019953-0

Рецензия / Review

Understanding terrorism in contemporary Africa

© Jude K. Cocodia^a, 2022^a Niger Delta University (NDU)

ORCID ID: 0000-0001-8015-4744; jcocodia41@gmail.com

Review of the book: Terrorism in Africa: New trends and frontiers / Eds. Glen Segell, Sergey Kostelyanets and Hussein Solomon. Moscow, Institute for Africa Studies, Russian Academy of Sciences; University of Haifa, Israel. 2021. 194 p. ISBN 978-5-91298-268-2; ISBN 979-8-48152-268-5

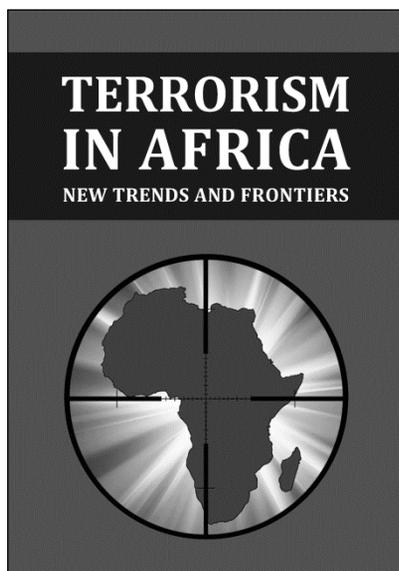
Keywords: Africa, terrorism, counter-terrorism, Islamism, radicalism, extremism, insurgency

For citation: Cocodia J.K. (Nigeria). Understanding terrorism in contemporary Africa. *Asia and Africa today*. 2022, № 7. Pp. 79-81. DOI: 10.31857/S032150750019953-0

Рецензия на книгу: Terrorism in Africa: New trends and frontiers / Eds. Glen Segell, Sergey Kostelyanets and Hussein Solomon. Moscow, Institute for Africa Studies, Russian Academy of Sciences; University of Haifa, Israel. 2021. 194 p. ISBN 978-5-91298-268-2; ISBN 979-8-48152-268-5

Ключевые слова: Africa, terrorism, counter-terrorism, Islamism, radicalism, extremism, insurgency

Для цитирования: Cocodia J.K. (Nigeria). Understanding terrorism in contemporary Africa. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 79-81. DOI: 10.31857/S032150750019953-0

Captivating right from the title and the preface, the reference to the Ten Commandments and terrorism as Africa's 11th plague fills the reader with curiosity about the issues and perspectives of the book "**Terrorism in Africa: new trends and frontiers**" (Moscow, 2021). Of what analogical relevance are these biblical stories? One of the early books of the bible (Exodus) tells the story of the Israelites under slavery in Egypt. To free them, God caused ten different plagues, no two occurring simultaneously, to force Pharaoh, the king of Egypt to let the Israelites go. The intensity of the plagues and the casualty figures, eventually made Pharaoh yield and the Israelites were allowed to leave Egypt. While in the desert, God purportedly gave Moses their leader, the Ten Commandments - a book of rules or code of conduct by which the Israelites were to order their lives.

Relating this experience to the situation in Africa, terrorism is now the eleventh plague, and it's being suffered by an increasing number of countries on the continent, and not just Egypt. While the Ten Commandments, in this case, are the steps governments in Africa, and Africans ought to take, to overcome this plague and establish stability. Much of these steps are discussed in this book taking into consideration the uniqueness of the different parts/people of the continent. The analogy of the Ten Commandments aptly

captures the main purpose of this book.

This collection of beautifully written chapters presents an antecedence to the rise of terrorist groups on the continent. This book explains derives from the anger of the minority and the poor, and borne from the corruption and maladministration of the continents rulers and which was ultimately fed upon by extremist sects. The book contends too that much of what we know today as terrorism is the result of western interference on issues outside western shores. Thus the decision to intervene is often easy as the direct consequences would not be felt on *home soil* - the CIA's intervention in Afghanistan, and America's intervention in Iraq, bred Arab fighters whose only skill was to fight such that, at the end of these wars (struggles), these fighters diffused to other parts the world, especially Africa, to continue what they did best - fight.

Herein lies a major source of the scourge of the 11th plague whose effect gained momentum across the continent. Today, the manifestation of terrorism with religious motivation has become a feature of life in Africa with a devastating toll on civilians since the end of the Cold War. As authors of the various chapters note, when you are guided by the providence of God as Islamic extremists think, there are no moral constraints on the use of violence.

Add such thought and the unimaginable violence that accrues to today's cyberspace and information technology that create conditions for the faster mobilisation of extremists and their protégés, and we are bound to have an implosion of violence which Africa currently experiences. Managing this combustion has been a herculean task for governments on the continent and the challenges to this effort include;

- Developing Concepts of Operations (CONOPS) against terrorist groups since there are variations on what constitutes terrorism even on the African continent and with the African Union (AU)
- Easy access to new types of weapons.
- Increased terrorist financing and technological advances.
- Improved communication and transportation.

One common feature to terrorism that the book recognises is that terrorism prevails as political processes, dialogue and local/international participation become less likely in resolving thorny issues or long-standing grievances.

Terrorism in Africa sets as its objective, the investigation of new frontiers of terrorism in Africa, built on sound historical evidence and empirical research. In the course of meeting this objective, the book examines the psychological, historical, political and empirical drivers of Islamic extremism and by extension terrorism. Few books are as comprehensive and introspective as this on the roots, drivers and effects of terrorism in Africa, and the various institutional, national and international/collaborative responses to the issue. The book's division into three major themes enables broad analysis from different perspectives.

The *first section* consists of an empirical presentation of the problem in Africa drawing on experiences from Morocco, Cameroon, East Africa and the Sahel. Among chapters in this section, **Dr. Natalia Zherlitsina** from the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, in *Chapter 1* offers a discourse on Morocco's approach to curbing terrorism was certainly an eye opener and most readers would find the narrative here captivating.

Professor Hussein Solomon from the University of the Free State (UFS) (Bloemfontein, South Africa) in *Chapter 2* advocates a re-orientation of terrorism studies in Africa, where the phenomenon should be treated as one that has been on the continent rather than one that was exported. This strengthens and paves way for local solutions to the problem.

In *Chapter 3*, **Dr. Tatyana Denisova**, Head of the Centre for Tropical African Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, visits the problem of religious extremism as a growing phenomenon in Cameroon. As one phenomenon grows, a rival phenomenon diminishes and this has been the lot between the growth of Wahhabism and decline of Suffism. Denisova is of the view that this change has been occasioned by the interference of Boko Haram and the Middle East in the country. This change has serious implications for security in the region as the spread of Wahhabism is often accompanied by the intensification of terrorist activities.

Dr. Anneli Botha from the University of the Free State discusses in *Chapter 4*, the impact of counter terrorism initiatives and provides recommendations accordingly. In line with what most peace scholars aver, Botha recommends that the best counter measure for terrorism, among others, is good governance.

In the *second section* that deals with the challenges of counter-terrorism, **Professor Vladimir Shubin** from the Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, in *Chapter 5* examines the difficulty in peaceful protests changing an oppressive status quo, and how this compels violence in liberation struggles. Discussions here centred around the African National Congress in South Africa.

In *Chapter 6*, **Professor Theo Neethling** from the University of the Free State (UFC) discusses the debacle in Mozambique, and in doing this, he places the angry radicalised youth betrayed by society at the centre of his discourse, and the need for multinational corporations to be more involved in the development of the immediate communities in which they operate. The chapter enthuses that responding to the survival needs of the people is a panacea for keeping the peace.

In *Chapter 7*, **Mr. Willem Els** and **Mr. Richard Chelin**, Senior Training Coordinator and Senior Researcher respectively of the Institute of Security Studies (ISSS), examine extremism in Mozambique, the role of mineral resources in the abominable violence that engulfed the region of Cabo Delgado and the limitations of state security in dealing with the crisis.

The *third and final* theme takes stock of the least visible issue in relation to mainstream literature on terrorism - financing, and communication/propaganda via social media in the sustenance of terror groups.

In *Chapter 8*, **Professor Leonid Fituni**, Head of the Centre for Strategic and Global Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, discusses the changing fortunes of financing terror amid life changing

patterns necessitated by COVID-19's counter measures. The chapter also discusses the adaptations of terror groups in filling in social gaps created by the pandemic in their enclaves of authority.

Dr. Alta Grobbelaar from the University of the Free State, in *Chapter 9*, examines the role of social media in the spread of terrorism and how this can be checked.

Dr. Glen Segell from the University of the Free State, in *Chapter 10*, examines the growth of Islam in Africa and contends that while it was exported from the Middle East over several centuries in the earlier stages, in more recent time, radicalisation and terror are imported by certain local leaders for their selfish ends and this has spread rapidly.

Dr. Sergey Kostelyanets, Head of the Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences argues in *Chapter 11* that Russia has been more effective in Africa's counter terrorism strategies than the continent's traditional Western allies. However, certain issues have prevented Moscow from capitalising on these gains on the continent.

Dr. Moshe Terdiman from the University of Haifa, Israel, in *Chapter 12* examines what the terrain has to offer in the growth of terrorism. The argument made in this chapter is that nature's vital resources such as water are manipulated to project the advantage of the terror group that controls these resources. This strategy is adopted by terror groups across the Sahel from Boko Haram in Nigeria, through ISIL affiliated fighters in the Congo, to Al-Shabaab in the Horn of Africa.

Through these interesting discourses, this book examines the connection between domestic and transnational terrorism which are constantly evolving just as the communication and relationships between the different local extremist groups in different countries do. This is indicative of the herculean task of governments to keep pace, and the need for cross-border collaboration between state security operatives.

Terrorism has grown exponentially on the continent and this is because governments have unwittingly created vast expanse of ungoverned spaces within their territories through bad governance and poor local administration. This has left the youths have poor, hungry and angry hence the appeal of extremist Muslim ideologies that encourage the exercise of violence which they see as getting back at a society that neglected them. For this reason, good governance is a major step to curbing this growing trend.

Understanding these dynamics would serve to inform, plan and predict the future growth of terrorism, and so greatly enhance Africa's counter terrorism strategies. Herein lies the strength of this bold, instructive and well written text.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jude K. Cocodia, PhD (International Relations), Associate Professor, Department of Political Science, Niger Delta University (NDU), Nigeria; Research Fellow, Department of Political Studies and Governance, University of the Free State, South Africa.

Поступила в редакцию
(Received) 11.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.06.2022

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).